

A c t a Universitatis Lodzianis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

17
2019

W kręgu języka i kultury
Вопросы языка и культуры

pod redakcją
Agaty Piaseckiej
Zoi Kucej

 WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO

 C O P E
Member since 2019
JM14477

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

17
2019

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

17
2019

W kręgu języka i kultury
Вопросы языка и культуры

pod redakcją
Agaty Piaseckiej
Zoi Kucej

 WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2019

 C O P E
Member since 2019
2011477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA

Agata Piasecka (redaktor naczelna), *Zoja Kuca* (sekretarz)

RADA NAUKOWA

Andrzej Charciarek (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Stefana Dimitrowa* (Bułgaria, Sofia), *Jelena Iwanian* (Rosja, Samara), *Wiera Kartawienko* (Rosja, Smoleńsk), *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów), *Walerij Mokijenko* (Rosja, Sankt Petersburg), *Jelena Romaniczewa* (Rosja, Moskwa), *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań), *Jelena Stojanowa* (Bułgaria, Szumen), *Damina Szajbakowa* (Kazachstan, Ałmaty), *Žanetta Zakupra* (Ukraina, Kijów)

RECENZENCI

Nataliya Pyataeva (Białoruś, Mińsk), *Irina Chepikova* (Białoruś, Grodno),
Irina Tarasova (Rosja, Saratów), *Jarosław Wierzbiński* (Polska, Łódź)
Edyta Manasterska-Wiącek (Polska, Lublin), *Ewa Komorowska* (Polska, Szczecin)
Larysa Nakonechna (Ukraina, Iwano-Frankiowski), *Elena Ivanyan* (Rosja, Samara)
Vera Kartavenko (Rosja, Smoleńsk)

REDAKCJA TOMU

Agata Piasecka, Zoja Kuca

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Zoja Kuca (język rosyjski), *Aleksy Kucy* (język rosyjski, język polski)
Ija Tulina-Blumental (język rosyjski), *Konrad Szulga* (język angielski)
Irina Chepikova (język białoruski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Katarzyna Szumska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

Agencja Reklamowa efectoro.pl

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UL

© Copyright by Authors, Łódź 2019

© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2019

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.09879.20.0.Z

Ark. wyd. 7,5; ark. druk. 8,0

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-131 Łódź, ul. Lindleya 8

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 665 58 63

Содержание

От Редакции	7
Дзмітрый Дзятко – Беларуская лінгвістычная транстэрмінаграфія канца XX – пачатку XXI стагоддзя (на матэрыяле руска-беларускіх, беларуска-рускіх і шматмоўных слоўнікаў)	13
– Belarusian Linguistic Transterminography: from the Late 20 th to the Early 21 st Century (Based on the Russian-Belarusian, Belarusian-Russian and Multilingual Dictionaries)	13
Елена Куварова – Рефлексивность частного письма как разновидности эго-текстов.	29
– Reflexivity of Private Letters as a Variety of Ego-Texts	29
Aleksy Kucy – Polisemantyczność przekazu biblijnego. Słowo Boże w wymiarze czasowo-przestrzennym	43
– The Polysemantic Nature of the Biblical Message. The Word of God in the Temporal and Spatial Dimension	43
Ярослав Мельник – Коммуникативный феномен морально-этических послылов Иисуса Христа: дискурсивно-типологический аспект	53
– The Communicative Phenomenon of the Moral and Ethical Messages of Jesus Christ: A Discursive and Typological Aspect	53
Наталья Пятаева – К проблеме лексикографической параметризации терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков	65
– On the Problem of Lexicographic Parametrization Terminologies of Historical Lexicology of Eastern Slavic Languages	65
Кристиана Симеонова – Современный болгарский и русский политический дискурс – тенденции, сходства, закономерности	77
– Modern Bulgarian and Russian Political Discourse - Trends, Similarities, Patterns	77
Ирина Тарасова – Текст: уровни понимания и уровни смысла.	87
– Text: Levels of Understanding and Sense Levels	87
Марина Тригук – Стратегия убеждения и тактики ее реализации в рекламных текстах о достопримечательностях Беларуси	99
– Persuasion Strategy and the Tactics of Its Implementation in Advertising Texts about the Sights of Belarus	99

Дамина Шайбакова – Роль инокультурного компонента в вариантообразовании плюрицентрического языка	111
– The Role of the Foreign Cultural Component in the Pluricentric Language Variant Formation	111

Обзоры и рецензии

Елена Павловна Иванян, Ольга Ивановна Кальнова, Полина Сергеевна Иванова	
– <i>Вопросы обучения русскому языку как иностранному в вузе (по итогам онлайн конференции с Агатой Пясецкой)</i>	121
Daniel Banasiak	
– <i>Дискуссия (Zoja Kusa). Zaawansowany kurs języka rosyjskiego</i>	123
Ełona Curkan-Dróžka	
– <i>III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в меж- культурном общении – теория и практика»</i>	127

От Редакции

Мы рады представить семнадцатый том академической серии *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. Данная публикация состоит из научных текстов, написанных специалистами, представляющими различные зарубежные научные центры в Беларуси (Минск), Украине (Днепр, Ивано-Франковск), России (Саратов, Самара), Болгарии (София) и Казахстане (Алма-Ата). В соответствии с традицией журнала, исследования проводились также учеными Института русистики Лодзинского университета. В этом году в сборник вошли также три кратких текста о научно-дидактической жизни нашего Института – это обзоры и рецензии.

Все научные статьи основаны на интересных интерпретационных предложениях и инновационных методологиях исследований в области лингвистики. Рассматриваемые в них темы актуальны с точки зрения русской и славянской филологии. Некоторые из них связаны с другими гуманитарными науками, например, культурологией или литературоведением, два текста посвящены важным проблемам лингво-богословских изысканий.

Международная группа Авторы представила познавательный разнообразный исследовательский материал. В этом номере были рассмотрены проблемы в области семантики, текстологии, прагмалингвистики, лингвистики, лексикографии, а также описаны библейские, эпистолярные и рекламные тексты. Представленные методы анализа, несомненно, вызовут интерес читателя. Тексты, вошедшие в настоящий сборник, написаны на разных языках (русском, белорусском и польском), что значительно повышает узнаваемость журнала в научных кругах как в Европе, так и во всем мире.

Редакторы этого тома выражают глубокую надежду на то, что собранные в нем исследовательские труды станут источником вдохновения для дальнейших филологических исследований, а новые ценные публикации укрепят международное сотрудничество.

Agata Piasecka
Tłumaczenie: *Zoja Kuca*

From Editors

We are pleased to present the 17th volume of the academic series, *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. A number of outstanding researchers have contributed to this publication, including from such countries as Belarus (Minsk), Ukraine (Dnipro, Ivano-Frankivsk), Russia (Saratov, Samara), Bulgaria (Sofia), and Kazakhstan (Alma-Ata). It has been a long tradition of our journal to invite also local papers from the Institute of Russian Studies of the University of Łódź. This year's volume also features three short texts on the research and teaching within our Institute. They are provided in the form of reports and reviews.

All the featured scholarly texts offer interesting interpretation approaches and innovative research methodologies in the province of linguistics. The problems covered are very topical from the viewpoint of Russian and Slavic philology. Some of them overlap with or draw from other fields of the humanities, for example, cultural science or literary studies. Two articles undertake a theological enquiry.

The international team of contributing authors bring in cognitively diverse research material. The articles address issues and questions in semantics, textology, pragmalinguistics, linguistic and cultural studies, lexicography, as well as investigating biblical, epistolary, and advertising vernacular. Attractive descriptions and forms of presentation of the material promise an engrossing read. It is worth noting that the volume offers texts penned in various languages (Russian, Belarusian, and Polish), which should accord the journal a greater recognition in the European and global academic circles.

The editors express their deep hope that the research effort presented in this volume will inspire further linguistic research, and that more valuable papers will follow as a result of established international cooperation.

Agata Piasecka
Tłumaczenie: *Konrad Szulga*

Od Redakcji

Z przyjemnością prezentujemy siedemnasty tom serii akademickiej *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. Na niniejszą publikację złożyły się autorskie teksty naukowe, które w przeważającej części wyszły spod pióra specjalistów reprezentujących różne zagraniczne ośrodki badawcze na Białorusi (Mińsk), Ukrainie (Dniepr, Iwano-Frankiwnsk), w Rosji (Saratów, Samara), Bułgarii (Sofia) i Kazachstanie (Ałma-Ata). Zgodnie z tradycją pisma nie zabrakło także opracowań pracowników naukowych Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego. W tegorocznym tomie umieszczone zostały także trzy krótkie teksty dotyczące życia naukowo-dydaktycznego naszego Instytutu. Mają one charakter sprawozdań i recenzji.

Wszystkie artykuły naukowe powstały w oparciu o interesujące propozycje interpretacyjne i nowatorskie metodologie badań w obszarze językoznawstwa. Podjęte w nich tematy są aktualne z punktu widzenia rosyjskiej i słowiańskiej filologii. Niektóre z nich korespondują z innymi dziedzinami humanistyki, na przykład z nauką o kulturze czy literaturoznawstwem. Dwa teksty podejmują ważne problemy o nacyleniu teologicznym.

Międzynarodowe grono Autorów przedstawiło zróżnicowany pod względem poznawczym materiał badawczy. Na łamach niniejszego numeru zostały podjęte problemy z zakresu semantyki, tekstologii, pragmalingwistyki, lingwokulturologii, leksykografii, a przedmiotem opisu uczyniono teksty biblijne, epistolarne i reklamowe. Ciekawe metody opisu niewątpliwie zachęcają do lektury. Natomiast fakt, że zamieszczone w tym zbiorze teksty zostały napisane w różnych językach (rosyjskim, białoruskim i polskim), zwiększa rozpoznawalność czasopisma w środowiskach akademickich zarówno w Europie, jak i na świecie.

Redakcja tomu wyraża głęboką nadzieję, że zgromadzone w nim prace badawcze staną się inspiracją dla dalszych poszukiwań filologicznych, a podjęta współpraca międzynarodowa zaowocuje kolejnymi, wartościowymi publikacjami.

Agata Piasecka

Дзмітрый Дзятко

 <https://orcid.org/0000-0002-9544-3423>

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт

імя Максіма Танка

Філалагічны факультэт

Кафедра мовазнаўства і лінгвадыдактыкі

220030, Мінск, вул. Савецкая, д. 18, корп. 2

lingby@gmail.com

**Беларуская лінгвістычная транстэрмінаграфія
канца XX – пачатку XXI стагоддзя
(на матэрыяле руска-беларускіх, беларуска-рускіх
і шматмоўных слоўнікаў)**

**Belarusian Linguistic Transterminography:
from the Late 20th to the Early 21st Century (Based on the Russian-Belarusian,
Belarusian-Russian and Multilingual Dictionaries)**

Рэзюмэ

На працягу XX–XXI стст. беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія развівалася ў цеснай сувязі з іншымі галінамі тэрмінаграфіі пад непасрэдным уплывам канкрэтных сацыяльна-палітычных абставін. За гэты перыяд айчыннымі мовазнаўцамі было створана больш за 70 разнастайных слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў: аўтаномных і інкарпараваных, агульных і аспектных, слоўнікаў-падборак і слоўнікаў-дадаткаў, перакладных, тлумачальных і тлумачальна-перакладных, алфавітных і алфавітна-гнездавых і інш.

Асобныя пытанні развіцця беларускай тэрмінаграфіі абагульняюцца ў даследаваннях Л. Антанюк, Г. Гваздовіч, М. Гуліцкага, А. Жураўскага, А. Падлужнага, М. Судніка, Т. Тамашэвіча, Л. Шакуна і інш. (пераважна ў кантэксце вывучэння гісторыі беларускага мовазнаўства і тэрміназнаўства). Публікацыі А. Адамовіча і А. Каўруса, А. Крывіцкага, П. Марціноўскага, Р. Агеевай і інш. прысвечаны агляднай крытыцы слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў. Падрабязна і ў розных аспектах гісторыю тэрмінаграфіі, структуру найбольш аўтарытэтных слоўнікаў і іх змест даследаваў В. Шчэрбін.

Аднак да нашага часу ў беларускай лінгвістыцы не сістэматызаваны ўсё ход станаўлення мовазнаўчай тэрмінаграфіі, адсутнічаць таксама канцэптуальныя працы па метадалогіі тэрмінаграфічнай дзейнасці.

Мэта гэтага даследавання – прааналізаваць стан сучаснай беларускай перакладной тэрмінаграфіі (транстэрмінаграфіі) і выявіць асноўныя трэнды ў метадалогіі тэрмінаграфічнай дзейнасці.

Задачы даследавання: выявіць, якія тыпы слоўнікаў пераважаюць у беларускай перакладной тэрмінаграфіі; ахарактарызаваць тыпы мікраструктуры перакладных лінгвістычных слоўнікаў; вызначыць задачы, якія стаяць перад сучаснай беларускай транстэрмінаграфіяй.

Матэрыялам для даследавання паслужылі беларускія аўтаномныя і інкарпараваныя слоўнікі, у якіх лінгвістычныя тэрміны перакладаюцца з рускай мовы на беларускую, з беларускай мовы на рускую, а таксама шматмоўныя слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў, у якіх уваходнай або выходнымі мовамі з'яўляюцца руская і беларуская.

Метады даследавання – апісальны метады сінхроннага аналізу з элементамі дыяхраніі, параўнальна-супастаўляльны метады і асобныя прыёмы кампанентнага аналізу.

У працэсе даследавання абгрунтоўваецца шэраг высноў.

У сучаснай лінгвістычнай транстэрмінаграфіі пераважаюць двухмоўныя слоўнікі. Сярод аўтаномных большая частка прыпадае на руска-беларускія выданні. З інкарпараваных слоўнікаў пераважаюць беларуска-рускія слоўнікі-дадаткі (у значнай ступені за кошт істотнай колькасці мікраслоўнікаў, змешчаных у школьных падручніках па беларускай мове).

Тыпалогія шматмоўных лінгвістычных слоўнікаў уяўляецца збыткунай, паколькі многія выданні па сваіх структурна-зместавых асаблівасцях з'яўляюцца ўнікальнымі. Так, у рознай кампазіцыі ў аўтаномных слоўніках прадстаўлены беларуская, руская, польская, кітайская мовы, а ў інкарпараваных – беларуская, руская, англійская, нямецкая, французская, іспанская, польская і кітайская мовы.

Мікраструктура пераважнай большасці перакладных слоўнікаў элементарная і фарміруецца зонай намінацыі і зонай эквівалентаў. У асобных выпадках у слоўнікавы артыкул уключаецца таксама зона граматычнай інфармацыі (фрагмент парадэгмы словазмянення і ўказанне на граматычна-семантычны клас слоў).

Далейшае развіццё беларускай транстэрмінаграфіі (у першую чаргу, беларуска-рускай і руска-беларускай) мае патрэбу ў пэўнай карэкціроўцы з боку навуковай супольнасці. Колькасць перакладных слоўнікаў ужо дасягнула таго «крытычнага аб'ёму», пры якім колькасныя паказчыкі павінны балансавацца якаснымі. Гэта значыць, што на аснове створаных слоўнікаў павінна быць распрацавана грунтоўная метатэорыя тэрмінаграфічнай дзейнасці, якая б закранала як тэхнічныя, так і ўласна лінгвістычныя аспекты стварэння спецыяльных слоўнікаў. Адной з магчымых рэалізацый такой тэорыі і працэсуальным крокам на шляху да пераадолення крызісу ў лінгвістычнай транстэрмінаграфіі, на наш погляд, можа стаць стварэнне зводных перакладных слоўнікаў тэрмінаў, якія б у межах адной навуковай парадэгмы абагульнялі назапашаны за стагоддзе вопыт сістэматызацыі, кадыфікацыі і трансляцыі тэрмінаў.

Ключавыя словы: лексікаграфія, тэрмінаграфія, транстэрмінаграфія, слоўнік, тэрмін, слоўнікавы артыкул.

Summary

During the 20th and 21st centuries, the Belarusian linguistic terminography developed in close connection with other branches of terminography under the direct influence of specific social and political circumstances.

During this period, local linguists compiled more than 70 different dictionaries of linguistic terms: stand-alone and incorporation dictionaries, general and aspectual dictionaries, selection dictionaries and usage dictionaries, translation dictionaries, explanatory and explanatory-translation dictionaries, alphabetical and alphanumeric dictionaries, etc.

Certain issues of the development of Belarusian terminography are summarized in the studies of L. Antanyuk, G. Gvazdovich, M. Gulitski, A. Zhurauski, A. Padluzhny, M. Sudnik, T. Tamashevich, L. Shakun and others (mainly in the context of studies of the history of Belarusian linguistics and

terminology). The publications of A. Adamovich and A. Kaurus, A. Krivitsky, P. Martinouski, R. Ageeva and others are devoted to the surveying of criticism of dictionaries of linguistic terms. The structure of the most authoritative dictionaries and their content were investigated in detail by V. Shcherbin who explored various aspects of the history of terminography.

However, until our time, the whole field of the formation of linguistic termography in the Belarusian linguistics has not been systematized, nor are there any conceptual studies available on the methodology of terminographic practice.

The purpose of this study is to analyze the state of the modern Belarusian translation terminography (transterminography) and identify the main trends in the methodology of terminographic practice.

Research objectives: to identify which types of dictionaries prevail in the Belarusian translation terminography; characterize the types of microstructure of the translation linguistic dictionaries; determine what challenges the modern Belarusian transterminography is facing.

The research material was the Belarusian stand-alone dictionaries and incorporation dictionaries in which linguistic terms are translated from Russian into Belarusian, from Belarusian into Russian, and multilingual dictionaries of linguistic terms in which Russian and Belarusian are input or output languages.

Research methods – a descriptive method of synchronous analysis with elements of diachronic method, a comparative method and some individual techniques of component analysis.

The study confirms a number of conclusions.

Bilingual dictionaries prevail in the modern linguistic transterminography. Among the stand-alone dictionaries, a major part falls within Russian-Belarusian editions. Among incorporation dictionaries, the Belarusian-Russian dictionaries of usage are most numerous (largely due to a significant number of mikroictionaries found in Belarusian language school textbooks).

The typology of multilingual linguistic dictionaries seems redundant because most publications are unique in their structural and substantive features. So, in different layouts, the Belarusian, Russian, Polish, and Chinese languages are available as stand-alone dictionaries, and the Belarusian, Russian, English, German, French, Spanish, Polish and Chinese languages are incorporation dictionaries.

The microstructure of the major part of translation dictionaries is elementary and is formed by the nomination zone and the equivalent zone. In some cases, the area of grammatical information (a fragment of the inflection chain and an indication of the grammatical-semantic class of words) is also included in the dictionary entry.

Further development of the Belarusian transterminography (first of all, the Belarusian-Russian and Russian-Belarusian) needs some adjustment on the part of the scientific community. The number of translation dictionaries has already reached that “critical volume” at which quantitative indicators must be balanced by qualitative ones. This means that based on compiled dictionaries a thorough metatheory of terminographic activity should be developed that would affect both the technical and linguistic aspects of creating special dictionaries. In our opinion, one of the possible implementations of such a theory and a process step towards overcoming the crisis in linguistic transterminography could be the creation of consolidated translation dictionaries of terms that would, within the framework of one scientific paradigm, summarize the experience accumulated over a century of systematization, codification and translation.

Keywords: lexicography, terminography, transterminography, dictionary, term, dictionary entry.

На працягу XX–XXI стст. беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія развілася ў цеснай сувязі з іншымі галінамі тэрмінаграфіі пад непасрэдным уплывам канкрэтных сацыяльна-палітычных абставін. За гэты перыяд айчыннымі

мовазнаўцамі было створана больш за 70 разнастайных слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў: аўтаномных і інкарпараваных, агульных і аспектных, слоўнікаў-падборак і слоўнікаў-дадаткаў, перакладных, тлумачальных і тлумачальна-перакладных, алфавітных і алфавітна-гнездавых і інш. (Дзятко, 2019).

Асобныя пытанні развіцця беларускай тэрмінаграфіі абагульняюцца ў даследаваннях Л. Антанюк, Г. Гваздовіч, М. Гуліцкага, А. Жураўскага, А. Падлужнага, М. Судніка, Т. Тамашэвіча, Л. Шакуна і інш. (пераважна ў кантэксце вывучэння гісторыі беларускага мовазнаўства і тэрміназнаўства). Публікацыі А. Адамовіча і А. Каўруса, А. Крывіцкага, П. Марціноўскага, Р. Агеевай і інш. прысвечаны агляднай крытыцы слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў. Падрабязна і ў розных аспектах гісторыю тэрмінаграфіі, структуру найбольш аўтарытэтных слоўнікаў і іх змест даследаваў В. Шчэрбін.

Аднак да нашага часу ў беларускай лінгвістыцы не сістэматызаваны ўвесьход станаўлення мовазнаўчай тэрмінаграфіі, адсутнічаць таксама канцэптуальныя працы па метадалогіі тэрмінаграфічнай дзейнасці.

Мэта гэтага даследавання – прааналізаваць стан сучаснай беларускай перакладной тэрмінаграфіі (транстэрмінаграфіі) і выявіць асноўныя трэнды ў метадалогіі тэрмінаграфічнай дзейнасці.

Мы паспрабуем адказаць на тры ўзаемазвязаныя *пытанні*:

1) якія тыпы слоўнікаў пераважаюць у беларускай перакладной тэрмінаграфіі на сучасным этапе?

2) якія тыпы мікраструктуры слоўнікаў прадстаўлены ў сучаснай перакладной тэрмінаграфіі?

3) якія задачы стаяць перад сучаснай беларускай транстэрмінаграфіяй?

Матэрыялам для даследавання паслужылі беларускія аўтаномныя і інкарпараваныя слоўнікі, у якіх лінгвістычныя тэрміны перакладаюцца з рускай мовы на беларускую, з беларускай мовы на рускую, а таксама шматмоўныя слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў, у якіх уваходнай або выходнымі мовамі з’яўляюцца руская і беларуская.

Метады даследавання – апісальны метады сінхроннага аналізу з элементамі дыяхраніі, параўнальна-супастаўляльны метады і асобныя прыёмы кампанентнага аналізу.

Сучасны перыяд у беларускай лінгвістыцы пачынаецца з канца 1980-х – пачатку 1990-х гадоў і нярэдка характарызуецца як «залаты час лексікаграфіі», «лексікаграфічны бум» (Скляревская, 2013, 588–589), «слоўнікавы бум» (Садоўскі, 1986, 3) і інш. Падставамі для такіх эмацыйных характарыстык стаў заўважны рост колькасных паказчыкаў (апублікаваных работ), істотнае паляпшэнне тэхнічнага забеспячэння тэрмінаграфічнай дзейнасці (аўтаматызацыя збірання і апрацоўкі моўнага матэрыялу), развіццё метадалогіі тэрмінаграфіі (удасканаленне апісання слоў у слоўніках).

Усе тэрмінаграфічныя працы, створаныя ў гэты час, можна ўмоўна падзяліць на дзве катэгорыі:

а) аўтаномныя – адносна аб’ёмныя завершаныя кніжныя выданні;
 б) інкарпараваныя – разнастайныя тэрмінаграфічныя падборкі, дадаткі, рэестры, якія фактычна дапаўняюць працы лінгвадыдактычнага зместу.

Да сучасных **аўтаномных тэрмінаграфічных выданняў** перакладнога характару адносяцца: *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов* (Бирилло, Стецко, 1988), *Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі...* (Міхей, 1989), *Кароткі руска-беларускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў (для настаўнікаў пачатковых класаў)* (Якубовіч, 1992а) і *Руска-беларускі слоўнік па методыцы мовы* (Якубовіч, 1992б).

Найбольшаб’ёмны і аўтарытэтны *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов* (Бирилло, Стецко, 1988) падрыхтаваў вялікі аўтарскі калектыў пад рэдакцыяй М. Бірылы і П. Сцяцко. Праца пазіцыянавалася як нарматыўны тэрміналагічны слоўнік, у якім сучасная лінгвістычная тэрміналогія прадстаўлена не ў выглядзе мноства асобных тэрмінаў, а ў пэўнай сістэме (Бирилло, Стецко, 1988, 4).

У слоўніку зафіксаваны найменні, якія выкарыстоўваюцца ў вучэбнай літаратуры для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў, вучняў сярэдніх навучальных устаноў і найбольш часта сустракаюцца ў беларускіх навуковых выданнях –манаграфіях, артыкулах (Бирилло, Стецко, 1988, 4).

Мікраструктура слоўніка – алфавітна-гнездавая. Тыповы слоўнікавы артыкул складаецца з зоны намінацыі і зоны адпаведнікаў:

препинания знаки прыпынку знакі

препозитивный прэпазітыўны; **п.** артыкль прэпазітыўны артыкль; **п.** афікс прэпазітыўны афікс; **п.** морфема прэпазітыўная марфема; **п.** положение прэпазітыўнае становішча; **п.** частіцы прэпазітыўныя часціцы

препозиция прэпазіцыя

прерывистая морфема перарывістая марфема

У 1989 г. М. Міхеем на кафедры беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта быў выдадзены невялікі (26 старонак) *Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі...* (Міхей, 1989). Ён прызначаны галоўным чынам для студэнтаў дзённай, вячэрняй і завочнай формы атрымання адукацыі ў дапамогу для працы над падручнікамі і дапаможнікамі па курсе сучаснай беларускай мовы. Аўтар працы адзначае:

Перакладны беларуска-рускі слоўнік лінгвістычнай тэрміналогіі прызначаны перш за ўсё для рускамоўных студэнтаў, якія пры вывучэнні курса сучаснай беларускай мовы наткаюцца на цяжкасці, звязаныя з разуменнем некаторых беларускіх тэрмінаў. Так, напрыклад, сустрэўшы ў падручніку тэрмін «агульны назоўнік», можна няправільна ўспрыняць яго як «общее существительное», хаця ў сапраўднасці гэта «нарицательное существительное». Значэнне паасобных мовазнаўчых тэрмінаў можна высветліць у спецыяльных слоўніках,

напрыклад, у *Словаре лингвистических терминов* О.С. Ахманавай [так у слоўніку – Д.Д.] (Москва, 1966). Але для гэтага неабходна абавязкова ведаць дакладны рускі адпаведнік такога тэрміна. Непасрэдна ж знайсці дэфініцыі шмат якіх тэрмінаў можна ў «*Слоўніку лінгвістычных тэрмінаў*» А.Л. Юрэвіча (Мінск, 1962) (Міхей, 1989, 3).

Слоўнік налічвае 780 артыкулаў, прытым аўтар прызнае, што ў ім адсутнічае шмат слоў, «якія не адрозніваюцца або вельмі мала адрозніваюцца ў вымаўленні і напісанні ў беларускай і рускай мовах (*абзац, агенс, абсалютны, аглушэнне і інш.*)» (Міхей, 1989, 3).

Тыповы слоўнікавы артыкул уключае зону намінацыі і зону эквівалентаў:

дзеінік	подлежащее
дзеканне	деканье
дзеючая асоба (суб'ект)	действующее лицо (субъект)
дзеянне	действие
дзеяслоў	глагол
дзіцячая мова	детский язык

У канцы 1980–х – пачатку 1990–х гадоў у беларускіх універсітэтах было падрыхтавана і апублікавана ратапрынтным спосабам некалькі тэрміналагічных слоўнікаў, прызначаных для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей.

Многія з гэтых выданняў страчаны ў сувязі з нязначным аб'ёмам і цяжкасцямі пры фарміраванні бібліятэчных фондаў у эканамічна складаны перыяд. Так, у 1992 г. у Магілёўскім дзяржаўным універсітэце тыражом 100 экзэмпляраў былі апублікаваны *Кароткі руска-беларускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў (для настаўнікаў пачатковых класаў)* і *Руска-беларускі слоўнік па методыцы мовы* Т.І. Якубовіч (Якубовіч, 1992а; Якубовіч, 1992б). Да нашага часу абодва слоўнікі не захаваліся, дакладна рэканструяваць іх форму і змест не ўяўляецца магчымым.

На працягу 1990-х гадоў калектывамі аўтараў было падрыхтавана і некалькі шматмоўных слоўнікаў: *Słownik terminologii lingwistycznej (białorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)* (Nosowicz, 1994), *Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej = Беларуска-польска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў і спецыяльнай лексікі = Белорусско-польско-русский словарь лингвистических терминов и специальной лексики* (Bekisz, Fontański, 1997), *Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии* (Потапова и др., 2016).

Названыя слоўнікі вызначаюцца адсутнасцю выразных супольных рыс у метадалогіі іх падрыхтоўкі.

Так, у *Słowniku terminologii lingwistycznej (białorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)* зведзены лінгвістычныя тэрміны беларускай, рускай і польскай моў (Nosowicz, 1994). Праца была падрыхтавана да выдання супрацоўнікамі кафедры ўсходнеславянскай філалогіі філіяла Варшаўскага ўніверсітэта ў Беластоку (E. Jurowiec, J.F. Nosowicz, L. Panfiluk, P. Stecko. M. Tarasiuk) і арыентавана найперш на студэнтаў, якія вывучаюць беларускую і рускую мовы. Слоўнік уключае 1420 слоўнікавых артыкулаў, арганізаваных па алфавітна-гнездавым прынцыпе. Мегаструктура выдання складаецца, як гэта і заяўлена ў назве, з беларуска-руска-польскай і польска-руска-беларускай частак. Структура слоўнікавага артыкула фарміруецца зонай намінацыі і зонай эквіваленцыі:

Мадальнасць – модальность – modalność
 Мадальны – модальный – modalny
 мадальныя дзеясловы – модальные глаголы – czasowniki modalne
 мадальныя часціцы – модальные частицы – partykuły modalne
 Мадэфікацыя – модификация – modyfikacja
 Мадэляванне – моделирование – modelowanie
 Czasownik – глагол – дзеяслоў
 <...>
 czasowniki modalne – модальные глаголы – мадальныя дзеясловы
 <...>
 Modalność – модальность – мадальнасць
 Modelowanie – моделирование – мадэляванне
 Modyfikacja – модификация – мадыфікацыя
 Partykuły – частицы – часціцы
 <...>
 partykuły modalne – модальные частицы – мадальныя часціцы
 <...>

Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej = *Беларуска-польска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў і спецыяльнай лексікі* = *Белорусско-польско-русский словарь лингвистических терминов и специальной лексики* В. Бекіша і Х. Фантаньскага (Bekisz, Fontański, 1997) з'яўляецца некалькі менш аб'ёмным, што дасягаецца за кошт алфавітнага размяшчэння слоўнікавых артыкулаў. Стварэнне слоўніка было абумоўлена неабходнасцю выкарыстання польскай і беларускай лінгвістычнай тэрміналогіі на занятках па беларускай мове для студэнтаў Сілезскага ўніверсітэта. Аднак слоўнік адрасаваны больш шырокай групе чытачоў: палякам і рускім, якія цікавяцца беларускай мовай, выкарыстоўваюць навучанне на гэтай мове, беларусам, якія вывучаюць польскую мову, а таксама тым, хто хоча вывучыць польска-рускія і руска-польскія адпаведнікі лінгвістычных тэрмінаў (Bekisz, Fontański, 1997, 3). Слоўнік налічвае 1450 слоўнікавых артыкулаў і з'яўляецца агульным: у яго ўключаны тэрміны фанетыкі, графікі, арфаграфіі, дэрываталогіі, лексікалогіі,

марфалогіі, сінтаксісу, а таксама найбольш пашыраныя паняцці агульнага мовазнаўства, гістарычнай і параўнальнай граматык, дыялекталогіі і іншых раздзелаў.

У мегаструктуру слоўніка ўваходзяць тры блокі лексікаграфічнай інфармацыі: *Беларуска-польска-руская частка*, *Польска-беларуская частка*, *Руска-беларуская частка*. Такім чынам, дадзены слоўнік нельга адназначна кваліфікаваць як трох- або двухмоўны.

Часткі ў цэлым карэлююць па змесце паміж сабой (за нешматлікімі выключэннямі). Слоўнікавыя артыкулы ў іх складаюцца з зоны намінацыі і зоны эквіваленцыі:

мадальнасць	modalność	модальность
мадальная часціца	partykuła modalna	модальная частіца
мадальны дзеяслоў	czasownik modalny	модальны глагол
мадальныя адносіны	stosunek sposobowy	отношение образа действия
czasownik modalny	мадальны дзеяслоў	
modalność	мадальнасць	
partykuła modalna	мадальная часціца	
stosunek sposobowy	мадальныя адносіны	
македонскі язык	македонская мова	
модальная частіца	мадальная часціца	
модальность	мадальнасць	
модальны глагол	мадальны дзеяслоў	

Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии, падрыхтаваны калектывам беларускіх і кітайскіх вучоных (О.В. Потапова, М.А. Фоменкова, И.Н. Фоменков, Ли Вэньган), утрымлівае больш за 600 беларускіх, рускіх і кітайскіх лінгвістычных тэрмінаў і прызначаны для кітайцаў, якія вывучаюць рускую і беларускую мовы (Потапова і др., 2016).

У склад рээстра былі ўключаны тыя тэрміны, якія, на думку аўтараў, адпавядаюць універсітэцкім «праграмам дысцыплін лінгвістычнага профілю і найбольш часта выкарыстоўваюцца ў дыскурсе» (Потапова і др., 2016, 4).

Макраструктура слоўніка – алфавітна-гнездавая. У слоўнікавым артыкуле нязменная частка загалова слова, а таксама першага заглаўнага слова аддзяляецца вертыкальнай лініяй (|), унутры артыкула гэтая частка слова замяняецца тыльдай (~):

фразеологічск ий <i>прил.</i>	фразеалагічн ы <i>прым.</i>	成语性
~ая адзініца	~ая адзінка	成语性单位
~ое выражэніе	~ы выраз	成语性词语
~ое адзінства	~ае адзінства	成语性综合
~ое сачэтаніе	~ае спалучэнне	成语性组合
~ое срэчэнне	~ае зрашчэнне	成语性溶合

Тыльда таксама замяняе ўсё загалоўнае слова пры яго паўтарэнні ў тэрміналагічным спалучэнні:

знак, -а	знак, -а	符号
~ прэпінання	~ прыпынку	标点符号
значэнне, -я	значэнне, -я	意义
граматычнае ~	граматычнае ~	语法意义
канататыўнае ~	канататыўнае ~	伴随意义
лексічнае ~	лексічнае ~	词的词汇意义
метафарычнае ~	метафарычнае ~	隐喻意义
мадальнае ~	мадальнае ~	情态意义
пераноснае ~	пераноснае ~	转义

Беларуска-руско-кітайская частка пабудавана аналагічна і з'яўляецца «люстэркавай праекцыяй» руска-беларуска-кітайскай часткі:

знак, -а	знак, -а	符号
~ прыпынку	~ прэпінання	标点符号
значэнне, -я	значэнне, -я	意义
граматычнае ~	граматычнае ~	语法意义
канататыўнае ~	канататыўнае ~	伴随意义
лексічнае ~	лексічнае ~	词的词汇意义
метафарычнае ~	метафарычнае ~	隐喻意义
мадальнае ~	мадальнае ~	情态意义
пераноснае ~	пераноснае ~	转义

У *Кітайска-руско-беларускай частцы* алфавітна-гнездавы парадак арганізацыі слоўніка змяняецца на фанетычны, што істотна ўплывае на агульную структуру слоўнікавых артыкулаў:

伴随意义	коннотатывное значэние	канататыўнае значэньне
词的词汇意义	лексіческое значэние	лексічнае значэньне
情态意义	модальное значэние	мадальнае значэньне <...>

У канцы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў час адбываецца прыкметная актывізацыя **інкарпараванай лінгвістычнай лексікаграфіі**. Перакладныя беларуска-рускія мікраслоўнікі лінгвістычных тэрмінаў уключаюцца ў падручнікі для вучняў пачатковых класаў або змяшчаюцца на іх форзацах (Жываткевіч і інш., 1983; Жываткевіч і інш., 1987; Шуба і інш., 1990; Шуба і інш., 1995а; Шуба і інш., 1995б; Шуба і інш., 1996 і інш.).

Структурныя і зместавыя асаблівасці слоўнікаў залежаць ад комплексу фактараў, найбольш істотнымі з якіх з’яўляюцца: тэматыка даменнага выдання, прызначэнне даменнага выдання, аб’ём даменнага выдання.

Слоўнікі вызначаюцца элементарнасцю структуры, практычна поўнай адсутнасцю якіх-небудзь памет і складаюцца з беларускага рээстравага слова і яго рускага адпаведніка, напр.: *побуджальны сказ – побудительное предложение; прадмёт – предмет; прошлы час – прошедшее время; прымета – признак; прыметнік – имя прилагательное; прыназоўнік – предлог; прыстаўка – приставка; вопросительный знак – вопросительный знак; пыталынік; пыталыні сказ – вопросительное предложение* і інш. (Шуба і інш., 1996, форз. 2).

Рээставыя адзінкі, уключаныя ў слоўнікі, прадстаўляюць сабой базавыя тэрміны граматыкі, лексікалогіі, фанетыкі, элементарнай тэорыі мовы і інш. Значная частка рээстраў розных слоўнікаў супадае. З 525 тэрмінаў, зафіксаваных у мікраслоўніках для школьнікаў, 130 з’яўляюцца ўнікальнымі і выкарыстоўваюцца толькі ў адным пэўным слоўніку: *азбука, апавядальны сказ, апавяданне, апісанне, апостраф, аснова сказа, будучы час, верш, вінавальны склон, выказанне, выказнік, вымаўленне, вялікая літара, галосны, глухі зычны, гук, давальны склон, дзейнік, дзеянне, дзеяслоў, другое скланенне назоўнікаў, думка, жаночы род, загаловак, займеннік, запазычаны, злітны, злучнік, зменная частка слова, знак прыпынку, зносіны, зычны, інтанцыя, казка, канчатак, мяккі зычны, навукобы тэкст, назвы дзеянняў, назвы прадметаў, назвы прымет, назоўнік, пісьмо, правапіс, прадмёт, прошлы час, прымета, прыметнік, прыназоўнік, прыслоўе, прыстаўка* і інш.

Істотна адрозніваецца ад астатніх інкарпараваных слоўнікаў гэтага тыпу толькі слоўнік *Граматычныя тэрміны*, змешчаны ў падручніку для вучняў 4 класа школ з рускай мовай навучання *Беларуская мова. Граматыка, правапіс і развіццё мовы* (Шуба і інш., 1989) (51 слоўнікавы артыкул), а таксама два тэрміналагічныя слоўнікі, якія з’яўляюцца складовымі часткамі іншых лексікаграфічных выданняў – *Слоўніка да падручніка па беларускай мове для 2 класа школ з рускай мовай навучання* (62 слоўнікавыя артыкулы) (Валынец і інш., 1996) і *Слоўніка беларускай мовы, прызначанага вучням пачатковых*

класаў агульнаадукацыйнай школы» (178 слоўнікавых артыкулаў) (Валынец і інш., 2001).

Па складзе рээстраў слоўнікі *Моўныя тэрміны* і *Тэрміны з правілаў* суадносяцца паміж сабой як агульнае і прыватнае: 95% слоўнікавых артыкулаў першага з іх уключаны ў другі; адрозніваюцца толькі некалькі формаў лем:

– у слоўніку «*Моўныя тэрміны*»: *апавяданне – расказ; раздзельна (асобна) – раздэльна; слабая пазіцыя – слабая пазіцыя;*

– у слоўніку «*Тэрміны з правілаў*»: *раздзельна – отдэльна; слабая (пазіцыя) – слабая (пазіцыя), а тэрмін апавяданне ў якасці рээстравай адзінкі адсутнічае.*

Важнае значэнне для беларускай і рускай перакладной тэрмінаграфіі мае аб’ёмны дадатак да *Слоўніка лінгвістычных тэрмінаў* пад назвай *Лінгвістычныя тэрміны і іх рускія эквіваленты* (Бірыла, Сцяцко, 1990).

Прынцыпы ўкладання слоўніка у цэлым карэлююць з прынцыпамі ўкладання *Русско-белорусского словаря лингвистических терминов* (Бирилло, Стецко, 1988). Тэрміны ў слоўніку размешчаны ў алфавітна-гнездавым парадку. Кожны слоўнікавы артыкул складаецца з зоны намінацыі і зоны эквівалентаў (гл. табліцу):

Табліца. Супастаўленне перакладных слоўнікаў 1989 г. і 1990 г.

<i>Лінгвістычныя тэрміны і іх рускія эквіваленты (1990)</i>	<i>Русско-белорусский словарь лингвистических терминов (1989)</i>
Паўза пауза п. выказнікавая пауза сказуемого, п. злучальная пауза соединительная, п. несінтаксічная пауза несинтаксическая, п. папераджальная пауза предупредительная, п. раздзяляльная пауза разделительная, п. сінтаксічная пауза синтаксическая	паўза паўза: п. вiртуальная паўза вiртуальная; п. дыхальная паўза дыхальная; п. несінтаксічная паўза несинтаксичная; п. падчiнiтeльная паўза падпарадкавальная; п. предупредительная паўза папераджальная; п. раздeлительная паўза раздзяляльная; п. сiнтaкcичeская паўза сінтаксічная; п. сказуемого паўза выказніка; п. смысловая паўза сэнсавая; п. соединительная паўза злучальная; п. союзная паўза злучнікавая
Паўзвязачны дзеяслоў полусвязочный глагол	полусвязочный глагол паўзвязачны дзеяслоў
Паўкалька полукалька	полукалька паўкалька

На працягу апошніх гадоў было створана некалькі інкарпараваных тлумачальных слоўнікаў, якія з’яўляюцца дадаткамі да вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў.

Інкарпараваныя слоўнікі *Лінгвістычныя тэрміны* ўключаны ў вучэбныя дапаможнікі *Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Элементар-*

ны ўзровень (A1). *Агульнае валоданне* (Л.І. Сямешка, В.У. Барысенка, Т.Р. Рамза, С.М. Якуба) (Сямешка і інш., 2016) і *Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень* (A2). *Агульнае валоданне* (Л.І. Сямешка, В.У. Барысенка, Л.С. Кныш, Т.Р. Рамза, С.М. Якуба) (Сямешка і інш., 2017).

Макраструктура слоўнікаў алфавітная, пабудавана ў таблічнай форме і ўключае па 91 слоўнікавым артыкуле. Рээстр слоўнікаў ідэнтычны, ён змяшчае «лінгвістычныя тэрміны, веданне якіх, на думку аўтараў, патрэбна пры засваенні сістэмы беларускай мовы» (Сямешка і інш., 2016, 6). Аднак зместавае напаўненне абодвух слоўнікаў істотна адрозніваецца.

У слоўніку *Лінгвістычныя тэрміны*, апублікаваным у 2016 г., у зоне эквіваленцыі змяшчаюцца адпаведнікі беларускіх тэрмінаў на рускай, англійскай, нямецкай, французскай і іспанскай мовах:

лексіка	лексика	vocabulary	Wortschatz	lexique	léxico
лік	число	number	Numerus	nombre	número
лінгвістыка	лингвистика	linguistics	Sprachwissenschaft	linguistique	lingüística
мова	язык	language	Sprach	langue	lengua, idioma

У працы *Лінгвістычныя тэрміны*, падрыхтаванай у 2017 г., прыводзяцца эквіваленты на рускай, англійскай, нямецкай, польскай і кітайскай мовах:

лексіка	лексика	vocabulary	Wortschatz	słownictwo	词汇
лік	число	number	Numerus	liczba	数
лінгвістыка	лингвистика	linguistics	Sprachwissenschaft	lingwistyka	语言学
мова	язык	language	Sprach	język	语言

У 2019 г. вучэбны дапаможнік *Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень* (A2). *Агульнае валоданне* быў перавыдадзены, слоўнік пры гэтым не перапрацоўваўся (Сямешка і інш., 2019).

Такім чынам, праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць шэраг высноў.

У сучаснай лінгвістычнай транстэрмінаграфіі прэвалююць двухмоўныя слоўнікі. Сярод аўтаномных большая частка прыпадае на руска-беларускія выданні. З інкарпараваных слоўнікаў пераважаюць беларуска-рускія слоўнікі-дадаткі (у значнай ступені за кошт істотнай колькасці мікраслоўнікаў, змешчаных у школьных падручніках па беларускай мове).

Тыпалогія шматмоўных лінгвістычных слоўнікаў у разгледжаным кантэксце ўяўляецца збытоўнай, паколькі большасць выданняў па сваіх структурна-зместавых асаблівасцях з'яўляюцца ўнікальнымі. Так, у рознай

кампапоўцы ў аўтаномных слоўніках прадстаўлены беларуская, руская, польская, кітайская мовы, а ў інкарпараваных – беларуская, руская, англійская, нямецкая, французская, іспанская, польская і кітайская мовы.

Мікраструктура пераважнай большасці перакладных слоўнікаў элементарная і фарміруецца зонай намінацыі і зонай эквівалентаў. У асобных выпадках (Сямешка і інш., 2016; Сямешка і інш., 2017; Сямешка і інш., 2019) у слоўніках выартыкул уключаецца таксама зона граматычнай інфармацыі (фрагмент парадигмы словазмянення і ўказанне на граматычна-семантычны клас слоў).

Падаецца, што далейшае развіццё беларускай трансэрмінаграфіі (у першую чаргу, беларуска-рускай і руска-беларускай) мае патрэбу ў пэўнай карэкцыроўцы з боку навуковай супольнасці. Колькасць перакладных слоўнікаў ужо дасягнула таго «крытычнага аб'ёму», пры якім колькасныя паказчыкі павінны балансавацца якаснымі. Гэта значыць, што на аснове створаных слоўнікаў павінна быць распрацавана грунтоўная метатэорыя тэрмінаграфічнай дзейнасці, якая б закранала як тэхнічныя, так і ўласна лінгвістычныя аспекты стварэння спецыяльных слоўнікаў. Адною з магчымых рэалізацый такой тэорыі і працэсуальным крокам на шляху да пераадолення крызісу ў лінгвістычнай трансэрмінаграфіі, на наш погляд, можа стаць стварэнне зводных перакладных слоўнікаў тэрмінаў, якія б у межах адной навуковай парадигмы абагульнялі назапашаны за стагоддзе вопыт сістэматызацыі, каліфікацыі і трансляцыі тэрмінаў.

БІБЛІЯГРАФІЯ

- Бирилло, Н.В., Стецко, П.В. (ред.) (1988). *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов*. Минск: Наука и техника.
- Бірыла, М.В., Сцяцко, П.У. (ред.) (1990). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Валынец, Т.М., Ратнікава, І.Э., Роўда, І.С., Шуба, П.П. (1996). *Моўныя тэрміны*. У: *Слоўнік да падручніка па беларускай мове для 2 класа школ з рускай мовай навучання* (форз. 1–2). Мінск: Аракул.
- Валынец, Т.М., Ратнікава, І.Э., Роўда, І.С., Шуба, П.П. (2001). *Тэрміны з праваўлаў*. У: *Слоўнік беларускай мовы: дапаможнік для вучняў пачатковых класаў агульнаадукацыйнай школы* (форз. 1–2). Мінск: Аракул.
- Дзятко, Д. (2019). *Інкарпараваныя перакладныя слоўнікі ў беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі*. *Slavica Nitriensia: časopis pre výskum slovanských filológii*, ро. 8, 2, 5–30.
- Жываткевіч, Р.С., Шуба, П.П. (1983). *Граматычныя тэрміны*. У: *Беларуская мова: граматыка, правапіс і развіццё мовы: падручнік для 3 класа школ з рускай мовай навучання* (141–143). Мінск: Народная асвета.
- Жываткевіч, Р.С., Шуба, П.П. (1987). *Граматычныя тэрміны*. У: *Беларуская мова: граматыка, правапіс і развіццё мовы: падручнік для 3 класа школ з рускай мовай навучання* (141–143). Мінск: Народная асвета.

- Міхей, М.З. (1989). *Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі для студэнтаў спецыяльнасці 02.17*. Мінск: БДУ.
- Потапова, О.В., Фоменкова, М.А., Фоменков, И.Н., Вэньган, Ли (2016). *Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии*. Минск: БГУ.
- Садоўскі, П. (1986). *Час одуму (да выхаду 5-томнага Глумачальнага слоўніка беларускай мовы)*. Польша, 5, 168–180.
- Скляревская, Г.Н. (2013) *Современная русская лексикография: достижения и лакуны*. В: *Славянская лексикография (579–615)*, М.И. Чернышева (ред.). Москва: Азбуковник.
- Сямешка, Л.І. і інш. (2016). *Лінгвістычныя тэрміны. У: Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Элементарны ўзровень (А1). Агульнае валоданне (72–75)*. Мінск: РІВШ.
- Сямешка, Л.І. і інш. (2017). *Лінгвістычныя тэрміны. У: Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень (А2). Агульнае валоданне (108–111)*. Мінск: РІВШ.
- Сямешка, Л.І. і інш. (2019). *Лінгвістычныя тэрміны. У: Лексічны мінімум па беларускай мове як замежнай. Базавы ўзровень (А2). Агульнае валоданне (108–111)*. Мінск: РІВШ.
- Шуба, П.П., Жываткевіч, Р.С., Яленскі, М.Г. (1989). *Граматычныя тэрміны. У: Беларуская мова. Граматыка, правапіс і развіццё мовы: падручнік для 4 класа школ з рускай мовай навучання* (форз. 2). Мінск: Народная асвета.
- Шуба, П.П., Жываткевіч, Р.С., Яленскі, М.Г. (1990). *Граматычныя тэрміны. У: Беларуская мова. Граматыка, правапіс і развіццё мовы: падручнік для 3 класа школ з рускай мовай навучання* (форз. 2). Мінск: Народная асвета.
- Шуба, П.П., Жываткевіч, Р.С., Яленскі, М.Г. (1995а). *Граматычныя тэрміны. У: Беларуская мова. Уступны моўны курс. Граматыка, правапіс, чытанне і развіццё мовы: падручнік для 3 класа школ з рускай мовай навучання* (243–244). Мінск: Народная асвета.
- Шуба, П.П., Жываткевіч, Р.С., Яленскі, М.Г. (1995б). *Граматычныя тэрміны. У: Беларуская мова. Граматыка, правапіс і развіццё мовы : падручнік для 4 класа школ з рускай мовай навучання* (форз. 2). Мінск: Народная асвета.
- Шуба, П.П., Жываткевіч, Р.С., Яленскі, М.Г. (1996). *Граматычныя тэрміны. У: Беларуская мова. Граматыка, правапіс і развіццё мовы: падручнік для 3 класа школ з рускай мовай навучання* (форз. 2). Мінск: Народная асвета.
- Якубовіч, Т.І. (1992а). *Кароткі руска-беларускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў (для настаўнікаў пачатковых класаў)*. Магілёў: МгДПП.
- Якубовіч, Т.І. (1992б). *Руска-беларускі слоўнік па метадыцы мовы*. Магілёў: МгДПП.
- Bekiš, V., Fontański, H. (1997). *Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej = Беларуска-польска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў і спецыяльнай лексікі = Беларуско-польско-русский словарь лингвистических терминов и специальной лексики*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Nosowicz, J.F. (red.) (1994). *Słownik terminologii lingwistycznej (białorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)*. Białystok: Zakład Filologii Wschodniosłowiańskich Filii UW w Białymstoku.

***

- Bekiš, V., Fontański, H. (1997). *Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej = Беларуска-польска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў і спецыяльнай лексікі = Беларуско-польско-русский словарь лингвистических терминов и специальной лексики*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Birillo, N.V., Stetsko, P.V. (red.) (1988). *Russko-belorusskii slovar' lingvisticheskikh terminov*. Minsk: Nauka i tekhnika.

- Biryła, M.V., Stsyatsko, P.U. (red.) (1990). *Sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ*. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Dzyatko, D. (2019). *Inkarparavanyya perakladnyya sloŭniki ŭ belaruskai lingvistychnai terminaŭgrafii*. Slavica Nitriensia: časopis pre výskum slovanských filológii, roč. 8, 2, 5–30.
- Jakubovich, T.I. (1992a). *Karotki ruska-belaruskii slovník lingvistichnykh tjerminaw (dlja nastawnikaw pachatkovykh klasaw)*. Magiljow: MgDPI.
- Jakubovich, T.I. (1992b). *Ruska-belaruskii slovník pa metodocy movy*. Magiljow: MgDPI.
- Mikhei, M.Z. (1989). *Belarуска-ruskii sloŭnik lingvistichnykh terminaŭ z metadychnymi paradami dlya studentaŭ spetsyjal'nasti 02.17*. Minsk: BDU.
- Nosowicz, J.F. (red.) (1994). *Słownik terminologii lingwistycznej (białorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)*. Białystok: Zakład Filologii Wschodniosłowiańskich Filii UW w Białymstoku.
- Potapova, O.V., Fomenkova, M.A., Fomenkov, I.N., Ven'gan, Li (2016). *Russko-belorusko-kitaiskii, belorusko-russko-kitaiskii, kitaisko-russko-beloruskii slovar'-minimum lingvisticheskoi terminologii*. Minsk: BGU.
- Sadowski, P. (1986). *Chas odumu (da vyhadu 5-tomnaga Tlumachal'naga slovníka belaruskaj movy)*. Polymja, 5, 168–180.
- Shuba, P.P., Zhyvatkevich, R.S., Jalenski, M.G. (1989). *Gramatychnyja tjerminy*. U: *Belaruskaja mova. Gramatyka, pravapis i razvicioj movy: padručnik dlja 4 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (forz. 2). Minsk: Narodnaja asveta.
- Shuba, P.P., Zhyvatkevich, R.S., Jalenski, M.G. (1990). *Gramatychnyja tjerminy*. U: *Belaruskaja mova. Gramatyka, pravapis i razvicioj movy: padručnik dlja 3 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (forz. 2). Minsk: Narodnaja asveta.
- Shuba, P.P., Zhyvatkevich, R.S., Jalenski, M.G. (1995a). *Gramatychnyja tjerminy*. U: *Belaruskaja mova. Ustupny mowny kurs. Gramatyka, pravapis, chytanne i razvicioj movy: padručnik dlja 3 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (243–244). Minsk: Narodnaja asveta.
- Shuba, P.P., Zhyvatkevich, R.S., Jalenski, M.G. (1995b). *Gramatychnyja tjerminy*. U: *Belaruskaja mova. Gramatyka, pravapis i razvicioj movy: padručnik dlja 4 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (forz. 2). Minsk: Narodnaja asveta.
- Shuba, P.P., Zhyvatkevich, R.S., Jalenski, M.G. (1996). *Gramatychnyja tjerminy*. U: *Belaruskaja mova. Gramatyka, pravapis i razvicioj movy: padručnik dlja 3 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (forz. 2). Minsk: Narodnaja asveta.
- Sjameshka, L.I. i insh. (2016). *Lingvistichnyja tjerminy*. U: *Leksichny minimum pa belaruskaj move jak zamezhnaj. Jelementarny wzroven" (A1). Agul'nae valodanne* (72–75). Minsk: RIVSh.
- Sjameshka, L.I. i insh. (2017). *Lingvistichnyja tjerminy*. U: *Leksichny minimum pa belaruskaj move jak zamezhnaj. Bazavy wzroven" (A2). Agul'nae valodanne* (108–111). Minsk: RIVSh.
- Sjameshka, L.I. i insh. (2019). *Lingvistichnyja tjerminy*. U: *Leksichny minimum pa belaruskaj move jak zamezhnaj. Bazavy wzroven" (A2). Agul'nae valodanne* (108–111). Minsk: RIVSh.
- Sklyarevskaya, G.N. (2013). *Sovremennaya russkaya leksikografiya: dostizheniya i lakuny*. V: *Slavyanskaya leksikografiya* (579–615), M.I. Chernysheva (red.). Moskva: Azbukovnik.
- Valynets, T.M., Ratnikava, I.E., Roŭda, I.S., Shuba, P.P. (1996). *Mojnyja terminy*. U: *Sloŭnik da padručnika pa belaruskai move dlya 2 klasa shkol z ruskai movai navuchannja* (forz. 1–2). Minsk: Arakul.
- Valynets, T.M., Ratnikava, I.E., Roŭda, I.S., Shuba, P.P. (2001). *Terminy z pravilaŭ*. U: *Sloŭnik belaruskaj movy: dapamozhnik dlya vuchnyaj pachatkovykh klasaj agul'naadukatsyinaj shkoły* (forz. 1–2). Minsk: Arakul.
- Zhyvatkevich, R.S., Shuba, P.P. (1983). *Gramatychnyja terminy*. U: *Belaruskaja mova: gramatyka, pravapis i razvitsse movy: padručnik dlja 3 klasa shkol z ruskaj movaj navuchannja* (141–143). Minsk: Narodnaja asveta.

Zhyvatkevich, R.S., Shuba, P.P. (1987). *Gramatychnyya terminy. U: Belaruskaya mova: gramatyka, pravapis i razvitse movy: padruchnik dlya 3 klasa shkol z ruskai movai navuchannya* (141–143). Minsk: Narodnaya asveta.

Елена Куварова

 <https://orcid.org/0000-0002-2925-3648>

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Факультет украинской и иностранной филологии и искусствоведения
Кафедра общего и славянского языкознания
49010, Украина,
г. Днепр, пр. Гагарина, 72
elkuvarova@gmail.com

Рефлексивность частного письма как разновидности эго-текстов

Reflexivity of Private Letters as a Variety of Ego-Texts

Резюме

К числу актуальных проблем современной лингвистики принадлежит выяснение дифференциальных признаков эго-текстов (дневников, писем, мемуаров и т. п.) и изучение языковых средств объективации в этих текстах своего «Я». Целью данной работы было выяснить, как проявляется в текстах частных писем рефлексивность – один из существенных признаков эго-текстов. Материалом исследования стали опубликованные в разных изданиях письма русской интеллигенции XIX–XX вв. Показано, что рефлексивность является одной из основных категорий, присущих текстам частных писем, наряду с диалогичностью, с которой она соотносится по принципу взаимодополнения на оси коммуникации «адресант – адресат». Исследованный эпистолярный фиксирует разные типы рефлексии: личностную, коммуникативную, интеллектуальную, кооперативную, языковую. Рефлексивность проявляется в эпистолярном тексте такими языковыми средствами, как использование личных и притяжательных местоимений первого лица, местоимений *себя*, *свой*; включение в текст письма высказываний, реализующих речевой жанр *самопрезентация*; широкое употребление эмотивной лексики; воспроизведение средствами синтаксической стилистики некоторых свойств внутренней речи.

Ключевые слова: письмо, эго-текст, рефлексия, рефлексивность, адресант, самопрезентация.

Summary

Among the pressing problems of modern linguistics, there is the clarification of differential signs of ego-texts (diaries, letters, memoirs, etc.) and the study of the linguistic means of objectification of self in these texts. The purpose of this work was to find out how reflexivity, as one of the essential attributes of ego-texts, is manifested in private letters. The material of the study was a compiled set of letters of the Russian intelligentsia of the 19th and 20th centuries. It was demon-

strated that reflexivity is one of the main categories inherent in the texts of private letters, along with the dialogic nature to which it relates in line with the principle of complementarity along the line of “addresser – addressee” communication. The studied epistolary work conveys different types of reflection: personal, communicative, intellectual, cooperative, linguistic. Reflexivity is manifested in epistolary texts by such linguistic means as the use of personal and possessive pronouns in the first person, the use of reflexive pronouns, the inclusion in the text of statements that implement the ‘self-presentation’ speech genre; a widespread use of emotive vocabulary; reproduction of some properties of internal speech by means of syntactic stylistics.

Keywords: letter, ego-text, reflection, reflexivity, addresser, self-presentation.

Последние десятилетия характеризуются возросшим интересом филологов к изучению так называемых автодокументальных текстов: дневников, писем, автобиографий, мемуаров, интервью и т. п. Эти тексты принадлежат к разным жанрам, но объединены они тем, что в значительной мере сосредоточены на личности их создателя, на проблематике самопознания, самоидентификации, самовыражения. Осмысление таких документов, в которых личность запечатлевает себя, даёт возможность не только изучить факты биографии пишущего, события, свидетелем и участником которых он был, но и в известной мере проникнуть в работу памяти, мышления, в механизмы коммуникативной деятельности, а в целом – глубже заглянуть в своё культурное прошлое, разглядеть в нём истоки настоящего. Такого рода речевые произведения объединены термином «эго-текст», который философ С.И. Митина определяет как «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское «Я», выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» (Митина, 2008, 3). Эго-тексты изучаются в разных аспектах: философском, психолого-педагогическом, лингвокультурологическом и собственно лингвистическом, предполагающем, в частности, выяснение дифференциальных признаков эго-текстов и изучение языковых средств объективации своего «Я» в текстах различной жанрово-стилистической принадлежности.

Определяя эго-текст с филологической точки зрения, М.Ю. Михеев указывает на два его существенных признака:

- (1) это текст о себе самом, то есть имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции» (Михеев, 2007, 5).

Если рассматривать названные признаки как инвариантную составляющую комплекса жанровых характеристик эго-текстов, то во всём массиве соответствующих речевых произведений можно выделить ядерную зону, куда, несомненно, попадут дневниковые тексты, наиболее полно и последова-

тельно реализующие инвариант данного текстотипа, и зону периферийную, объединяющую речевые жанры, для которых набор дифференциальных признаков будет так или иначе варьироваться. При этом учёные не раз отмечали глубинную связь личных дневников с письмами: А.И. Ефимов, например, и те, и другие объединял понятием «эпистолярный стиль» (Ефимов, 1961, 16); высказывалась также мысль о том, что «возможно было бы вывести весь жанр *пред*-текста (или дневниковой прозы) – из жанра эпистолярного, если не генетически, то, по крайней мере, типологически» (Михеев, 2007, 73). В связи с этим актуальным представляется вопрос о характере взаимосвязи дневниковых и эпистолярных текстов: об их общих и дифференциальных признаках, влиянии и взаимодействии этих жанров.

Существенными признаками частного письма, по мнению Т.П. Акимовой, являются «свободная композиция, политематичность, мозаичность, обусловленные тем, что эпистолярный текст представляет собой беседу „через время и пространство“, письмо является неким суррогатом непосредственного, „живого“ общения» (Акимова, 2011, 17). Полагаем, что все названные качества могут быть присущи также и дневниковым записям. Ограничения существуют, правда, в отношении свободы композиции: эпистолярный текст, как правило, включает в себя ряд структурных параметров (обращение, приветствие, дата и место написания, подпись, этикетные формулы), которые, собственно, и дают основания квалифицировать некоторый текст как письмо. У дневниковых записей таких параметров меньше, но дата (а возможно, место и время написания) обычно предваряют содержательную часть.

Главное отличие эпистолярных и дневниковых текстов заключается в характере адресации: письмо – это всегда текст, обращённый к другому человеку, ориентированный на прочтение адресатом, вследствие чего «в качестве доминантной категории текста письма... рассматривается диалогизация, которая реализуется системой языковых средств, в том числе обращением и подписью адресанта» (Белунова, 2000, 111). Дневнику же присуща автоадресованность, обращённость автора к себе, возможно, к себе – будущему, с расчётом на то, что дневниковые записи когда-либо будут перечитываться и восприниматься с позиций иного возраста и опыта. Дневниковые записи делаются человеком для себя, и тем не менее указанная оппозиция «автоадресация – ориентация на внешнего адресата» не столь безусловна, как это кажется на первый взгляд, хотя бы уже потому, что автор дневника (и это не раз отмечали исследователи дневниковых текстов) может предполагать, иногда с опаской или, наоборот, с надеждой, что его дневник прочтут и другие люди, а возможно, он будет опубликован и обретёт массового читателя (Зализняк, 2010, 166–167).

С другой стороны, известны случаи, когда письма пишутся не только для человека, которому они формально адресованы, но также и для себя. Русский врач-хирург Н.И. Пирогов, возглавивший организацию медицин-

ской помощи во время Крымской войны 1854–1855 гг., в одном из первых своих писем жене из Севастополя замечал:

Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а главное, и для себя, может быть (Н.И. Пирогов – А.А. Пироговой, 14.11.1854).

Этот мотив, связанный не только с передачей информации, но и сохранением её для самого автора писем с целью использования в будущем, был реализован впоследствии: существуют свидетельства, что на факты, изложенные в письмах, их автор позже опирался и в своих научных трудах, и в мемуарно-автобиографической прозе. Подобная интенция реализуется в письмах, адресованных близким людям, членам семьи, поскольку именно это обстоятельство даёт основания автору полагать, что отправленные кому-то другому письма через некоторое время окажутся доступными и для него самого.

Письмо иногда приобретает и структурно-композиционное членение, характерное для дневника. Это бывает в ситуации, когда послание имеет большой объём и пишется на протяжении нескольких дней, или в том случае, если автор не имеет возможности отправить его сразу, будучи, например, в пути, и дописывает текст в несколько приёмов. Так, в одном из писем А.И. Герцена невесте, написанном по дороге из Вятки во Владимир в течение нескольких дней и состоящем из нескольких частей, каждая часть ограничена указанием даты и места написания или даты и времени подобно тому, как маркируются обычно дневниковые записи:

Яранск, 30 декабря 1837 <...> Ночь с 31 дек. на 1 янв. 1838 г. Поляны. 46 верст от Нижнего. <...> Нижний-Новгород. 1 января 1838 <...> 3 января. Владимир <...> 3-го вечером <...> 4-го, вторник <...> Прощай же, ангел. Твой Александр (А.И. Герцен – Н.А. Захарьиной, 30.12.1837–4.01.1838).

Каждая часть этого письма включает обращение к адресату и заключительные этикетные формулы и представляет собой относительно самостоятельный фрагмент текста.

В качестве существенного признака эго-текстов О.Д. Козлова и Л.В. Кушникова называют «рефлексивную составляющую» (Козлова, Кушникова, 2012). Понятие «рефлексия» очень многогранно, оно изучается в разных областях науки: философии, психологии, языкознании, когнитивной лингвистике. В философии под рефлексией понимается «форма теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека» (Огурцов, 2010, 445). В социальной психологии рефлексия означает «умение индивида осознавать то, как он воспринимается другими людьми, партнерами по общению»

(Баранова, 2015, 471). Исследователи рефлексии различают разные её типы: внешнюю, направленную на объекты внешнего мира и деятельность субъекта в этом мире, и внутреннюю, направленную на внутренний мир личности (Шадриков, 2014); кооперативную (знания о ролевой структуре и организации взаимодействия в коллективе), коммуникативную (представления о внутреннем мире другого человека и причинах тех или иных его поступков), личностную (свои поступки и образы собственного «я» как индивидуальности), интеллектуальную (знания об объекте и способах действия с ним) (Степанов, Семенов, 1985, 36); личностную (рефлексия на себя) и социальную (рефлексия на других) (Чурилова, 2016).

Психолог Г.В. Ожиганова обосновала необходимость разграничить понятия «рефлексия» (процесс) и «рефлексивность» (свойство, качество) (Ожиганова, 2018, 59). Рефлексия тесно связана с текстовой деятельностью человека: не случайно Е.Б. Старовойтенко предлагает метод моделирования индивидуальности с помощью рефлексивных литературных Я-текстов (Старовойтенко, 2007), что реализуется в педагогике, в частности, рекомендациями студентам педагогического вуза вести рефлексивный дневник (Баранова, 2015). И если рефлексия рассматривается как процесс познания себя, то свойство текста запечатлевать, выражать и отражать этот процесс можно назвать рефлексивностью. В то время, как, скажем, личному дневнику рефлексивность присуща, безусловно, что детерминировано уже природой этого жанра, предполагающего автоадресованность записей, рефлексивность писем, с их ориентацией на внешнего адресата, нуждается в обосновании. *Целью* данной работы было выяснить, как проявляется рефлексивность в текстах частных писем. *Материалом* исследования стали опубликованные в разных изданиях письма русской интеллигенции XIX–XX вв.

В письмах находят своё отражение различные типы рефлексии. Проиллюстрируем это следующими примерами. Самые разнообразные проявления *личностной рефлексии* находим в переписке П.И. Чайковского и Н.Ф. фон Мекк, которых связывал эпистолярный роман продолжительностью более десяти лет. Такие глубоко интимные переживания, как эмоциональное восприятие музыки П.И. Чайковского, ценность потаённых душевных движений, опасения показаться смешной, зафиксированы в письме великому композитору от поклонницы его творчества:

...поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться Вам только смешным, а мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись, поэтому скажу только и прошу верить этому буквально, что с Вашей музыкою живется легче и приятнее (Н.Ф. фон Мекк – П.И. Чайковскому, 18 декабря 1876 г.).

Личностная рефлексия включает не только описание своих эмоций, но и анализ психофизиологических свойств собственной личности. Пример

такого анализа мизантропии, рассматриваемой как болезнь, т. е. патологическое качество личности, находим в письме П.И. Чайковского, который раскрывает динамику своего состояния, борьбу с самим собой, делится найденным средством преодоления душевного недуга:

Уж одно то, что мы страдаем с Вами одною и тою же болезнью, сближает нас. Болезнь эта – мизантропия, но мизантропия особого рода, в основе которой вовсе нет ненависти и презрения к людям. Люди, страдающие этой болезнью, боятся не того вреда, который может воспоследовать от козней ближнего, а того разочарования, той тоски по идеалу, которая следует за всяким сближением. Было время, когда я до того подпал под иго этого страха людей, что чуть с ума не сошел. Обстоятельства моей жизни сложились так, что убежать и скрыться я не мог. Приходилось бороться с собой, и единый бог знает, чего мне стоила эта борьба.

Теперь я уже вышел настолько победителем из этой борьбы, что жизнь давно перестала быть невыносимой. Меня спасает труд, – труд, который в то же время и наслаждение. К тому же, благодаря нескольким успехам, выпавшим на мою долю, я очень ободрился, и хандра, доходившая прежде до галлюцинаций и безумия, посещает меня редко (П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк, 16 марта 1877 г.).

С личностным типом рефлексии тесно связана *коммуникативная рефлексия*. Как отмечает Т.В. Радзиевская, в письмах, в отличие, например, от дневников, лучше всего выявляется способность автора к диалогу, интерактивному речевому поведению, степень учёта интересов адресата, выполнение им основных постулатов общения, конкретные речевые привычки, лексические и синтаксические предпочтения (Радзиевская, 2010, 445). Людям свойственно делиться сокровенными мыслями о себе и своих чувствах с теми, кому они могут доверять, в ком предполагают найти способность испытывать такие же или подобные чувства, кто обладает опытом духовной жизни, обеспечивающим понимание, и не случайно в приведенном выше примере самоанализу предпослано замечание, что автора письма сближает с адресатом то, что они страдают *одною и тою же болезнью*. Ещё один пример коммуникативной рефлексии – размышления о том, что является основой общения и духовной близости людей:

Мне кажется, что ведь не одни отношения делают людей близкими, а еще более сходство взглядов, одинаковые способности чувств и тождественность симпатий, так что можно быть близким, будучи очень далеким (Н.Ф. фон Мекк – П.И. Чайковскому, 7 марта 1877 г.).

Интеллектуальная рефлексия, т.е. рассуждения об объекте, на который направлены действия автора письма, часто связана с его профессиональной деятельностью. Естественно, скажем, что в письмах Н.И. Пирогова периода его работы в Севастополе значительное место занимают мысли об оптимальных способах организации медицинской помощи раненым и больным. Рассказ о происходящих событиях (прибытие общины сестёр милосердия,

их работа в госпиталях) врач заключает генерализованным высказыванием, в котором даёт оценку нового опыта, полученного им в процессе организации работы сестёр милосердия, которую он курировал:

Дней пять тому назад приехала сюда Крестовоздвиженская община сестер Елены Павловны, числом до тридцати, и принялась ревностно за дело; если они так будут заниматься, как теперь, то принесут, нет сомнения, много пользы. Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай и вино и наблюдают за служителями и за зрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий (Н.И. Пирогов – А.А. Пироговой, 6 декабря 1854 г.).

Интеллектуальная рефлексия предполагает анализ источников информации, достоверности полученных сведений и – на этой основе – прогнозирование, которое лежит в основе целеполагания и дальнейшей активности действующего субъекта. Вот пример из письма Н.И. Пирогова, в котором он пытается оценить перспективы Крымской военной кампании 1854–1855 гг.:

Что делается в Балаклаве, мало известно; словам пленных и перебежчиков нельзя верить, а других лазутчиков, кажется, у нас нет; в какой мере англичане и французы терпят, мы знаем только из газет и от дезертиров. Конца ещё не скоро предвидится, но, кажется, наступление весны в феврале должно же что-нибудь решить, кто сильнее и настойчивее (Н.И. Пирогов – А.А. Пироговой, 13 января 1855 г.).

Актуальность *кооперативной рефлексии* для участников эпистолярного общения возрастает в ситуации, когда переписка оказывается включённой в какую-либо другую деятельность, осуществляемую коммуникантами совместно. В таком случае письма становятся инструментом «настройки», организации кооперативного взаимодействия, распределения обязанностей и полномочий между участниками общения, согласования их позиций и постановки общих задач. Творческая, продуктивная деятельность, которая опирается на воображение, интуицию, фантазию, включает и рефлексивную составляющую, которая касается, в частности, оценки действий адресата в ходе его сотрудничества с адресантом. Пример кооперативной рефлексии находим, в частности, в письме М.А. Булгакова К.С. Станиславскому, написанном после очередной репетиции во время их совместной работы над инсценировкой «Мёртвых душ» во МХАТе:

Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трёх часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство! Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю, по чистой совести. Пожалуй, Ваша фраза по образу Манилова: «Ему ничего нельзя сказать, ни о чём нельзя спро-

силь – сейчас же прилипнет», – есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ – как это сделать – глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придёт через Вас. Он придёт в первых картинах представления в смехе, а в последней уйдёт, подёрнувшись пеплом больших раздумий. Он придёт (М.А. Булгаков – К.С. Станиславскому, 31.12.1931).

Особый тип, который получает отражение в письмах, – это *языковая рефлексия*, трактуемая в широком понимании как «рефлексия по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию» (Шмелева, 1999, 109). При узком понимании этого термина языковая рефлексия отождествляется с понятиями «комментарий», «оценка», «толкование», которые представляют собой вербальную экспликацию размышлений говорящего над собственной речевой деятельностью, комментариев по поводу выбора слова (Вепрева, 2005, 76). Такие размышления естественным образом сопровождают текстовую деятельность людей, чьи профессиональные интересы сосредоточены в сфере словесного творчества, – поэтов, писателей, журналистов, литературных критиков и т. п. Так, письма М.А. Булгакова содержат многообразные проявления языкового самосознания писателя. Внимательное отношение к выбору слова отражают пояснения, сопровождающие словоупотребление:

Ты спрашиваешь, как я поживаю. *Хорошенькое слово*. Именно я поживаю, а не живу (М.А. Булгаков – К.П. Булгакову, 1.02.1921).

Авторские комментарии касаются как семантики, так и стилистической окраски слова:

Радиккулит? Как это *по-учёному* называется? (М.А. Булгаков – П.С. Попову, 14.03.1934).

Метаязыковые комментарии в эпистолярии Булгакова охватывают весь процесс вербальной коммуникации, начиная от замысла высказывания до его реализации. Реагируя на короткое письмо Е.И. Замятина, Булгаков указывает на своё коммуникативное намерение ответить ему таким же кратким посланием, – намерение, которое, однако, трансформируется уже в процессе общения:

Зачем же, о Странник, такая скупость на слова? Хотел отомстить Вам тем же, но желание говорить о драматургии берет верх (М.А. Булгаков – Е.И. Замятину, 28.10.1932). В письмах эксплицировано и действие механизма коммуникативного контроля, сверки текста с авторским замыслом, лежащим в основе его порождения: Хотел написать тебе длинное письмо с описанием Москвы, но вот что вышло... (М.А. Булгаков – Н.А. Земской, 1.12.1921).

Письма Б.Л. Пастернака, адресованные М.И. Цветаевой, содержат множество высказываний, отражающих рефлектирующую деятельность поэта в отношении создаваемого им текста. Нередко Пастернак даёт собственным словам оценку – как прямую, с помощью оценочных предикатов:

Мне *не нравятся* последние три слова (Б.Л. Пастернак – М.И. Цветаевой, 25.03.1926),

– так и косвенную, в метафорических высказываниях:

семинарское удручающее односложье; либреттные формулировки; галерочное, парикмахерское слово; положительная загадочность слова и т.п.

Метаязыковые комментарии в письмах Пастернака касаются также распределения информации между текстами писем:

О Rilke, куске нашей жизни, о человеке, приглашающем нас с тобой в Альпы будущим летом, – потом, в другом письме; О мире дальше. Всего сразу не сказать; Об этом в другом, в следующем письме;

характеризуют способ развертывания текста – плавный или прерывный: *но тут нельзя останавливаться и надо прибавить...*; обозначают цель высказывания: *Я задам тебе сейчас вопрос...*; сигнализируют смену темы: *А теперь о тебе*; наличие подтекстовой информации:

Ты мне напомнила о нашем боге, обо мне самом, о детстве, о той моей струне, которая склоняла меня всегда смотреть на роман как на учебник (*ты понимаешь чего*) и на лирику как на этимологию чувства (*если ты про учебник не поняла*) (Б.Л. Пастернак – М.И. Цветаевой, 25.03.1926).

Языковая рефлексия, отражающая аналитическую деятельность сознания автора письма, направленную на осмысление разных этапов процесса порождения высказывания: от формирования мотива и планирования речевой деятельности до выбора слов – способствует организации коммуникативной деятельности адресанта, обеспечивая адекватность понимания авторского замысла адресатом.

Проявления в письмах рефлексии разных видов: личностной, коммуникативной, интеллектуальной, кооперативной, языковой – формирует такое качество эпистолярного текста, как рефлексивность. Лингвистически рефлексивность в частном письме выражается такими средствами:

а) использование личных и притяжательных местоимений первого лица, указывающих на адресанта, а также местоимений *себя, свой*. Эти местоимения являются маркерами авторского повествования от первого лица, рассказа о себе, своих взглядах, чувствах и мыслях:

Я ведь не только женат, *я* ещё и *я*, и *я* полурёбёнок. Т. е. у *меня* нет в этом частоты, которая грозила бы опасностью самоискажения. (...) Посылаю тебе фотографию. *Я* ужасно безобразен. *Я* именно таков, как на фотографии – она удачна. *Я* только щурюсь, потому что смотрю на солнце, что и делает её особенно неприятной (Б.Л. Пастернак – М.И. Цветаевой, 20.04.1926).

б) включение в текст письма высказываний, реализующих речевой жанр *самопрезентация*, т. е., по определению А.В. Курьянович, «тип текста, появление которого обусловлено авторской целевой установкой самоподачи, самохарактеризации и самораскрытия в условиях определенной ситуации общения» (Курьянович, 2006, 145). Самопрезентация осуществляется на разных уровнях: это портретная и возрастная самохарактеристика, сообщение автобиографических сведений, описание физического самоощущения, исполняемых социальных ролей, психосоматических ощущений – всего, что помогает человеку решить задачу самоопределения, поиска личностной идентичности. Таковы, например, приведённые выше высказывания в письме Б.Л. Пастернака.

в) использование эмотивной лексики, сопровождающее процесс рефлексии, поскольку мышление человека неразрывно связано с эмоциями, о чём Л.С. Выготский писал: «Кто оторвал мышление... от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» (Выготский, 1982, 21). Опираясь на функционально-семантическую классификацию лексики эмоций, описанную в монографии Л.Г. Бабенко (Бабенко, 1989, 71–81), только в языковом материале, уже представленном ранее в данной статье, употреблены лексемы, обозначающие эмоциональное состояние: *поклонение, наслаждение, мизантропия, хандра, ненависть, презрение, желание, разочарование, тоска, страх, восхищение, страдания, бедствия, надежда, хотеть, страдать, бояться, беспокоиться, страдающие*; становление эмоционального состояния: *сближение, очаровываться*; эмоциональное воздействие: *отомстить*; эмоциональное отношение: *симпатия, благодарный, верить, терпеть, восхитить, нравиться, с участием*; внешнее выражение эмоций: *смеяться, смех*; эмоциональную характеристику: *милый, добрый, неприятный, удачный, безобразный, невыносимый, ничтожный, смешной, потрясающий, удручающий, плачевный, дорого, легко, приятно, ревностно*. Эти лексемы представляют широкий спектр разных эмоций как в плане денотативно-эмотивных, так и коннотативно-эмотивных смыслов;

г) синтаксис высказываний и целых фрагментов текста, где реализуется рефлексивность, может воспроизводить некоторые свойства внутренней речи, сближая стилистику эпистолярного текста с текстом дневниковым. Автоадресованность последнего позволяет автору не соблюдать строго все нормы языка, в результате чего текст включает множество неполных или односоставных номинативных предложений, вставные конструкции, самоперебивы, вопросно-ответные единства, как это бывает в мысленном диало-

ге с самим собой. Отдельные письма М.И. Цветаевой включают фрагменты с такой синтаксической структурой, например:

Осень 1921 г. Моя трущоба в Борисоглебском переулке. Вы в дверях. Письмо от И.Г. (...) – расспросы: «Как живете? Пишете ли? Что – сейчас – Москва?» и Ваше – как глухо! – «Река... Паром... Берега ли ко мне, я ли к берегу... А может быть, и берегов нет... А может быть и... – И я, мысленно: Косноязычие большого. – Темноты (М.И. Цветаева – Б.Л. Пастернаку, 29.06.1922).

Синтаксис этой части письма, где автор излагает своё воспоминание о встрече, произошедшей почти годом ранее, фиксирует работу человеческой памяти, в которой событие может храниться как результат одновременного восприятия и впоследствии синтезироваться из отдельных деталей, элементов, которые произвели впечатление.

Таким образом, рефлексивность как существенный признак эго-текстов является одной из основных категорий, присущих текстам частных писем, наряду с диалогичностью, с которой она соотносится по принципу взаимодействия на оси коммуникации «адресант – адресат». Эпистолярный адресантов – представителей русской интеллигенции XIX–XX вв. – фиксирует разные типы рефлексии: личностную, коммуникативную, интеллектуальную, кооперативную, языковую. Рефлексивность проявляется в эпистолярном тексте такими языковыми средствами, как использование личных и притяжательных местоимений первого лица, местоимений *себя*, *своей*; включение в текст письма высказываний, реализующих речевой жанр *самопрезентация*; широкое употребление эмотивной лексики; воспроизведение средствами синтаксической стилистики некоторых свойств внутренней речи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акимова, Т.П. (2011). *Хронотоп эпистолярного текста (на материале писем А.С. Пушкина и М. Горького)*, Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языковедение. № 2(14), 17–22.
- Бабенко, Л.Г. (1989). *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Баранова, О.И. (2015). *Рефлексивный дневник студента педагогического вуза в аспекте акмеологического подхода*, Современные наукоемкие технологии. № 12–3, 471–475. URL: <http://www.top-technologies.ru/article/view?id=35295> (доступ: 15.02.2020).
- Белунова, Н.И. (2000). *Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем)*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Вепрева, И.Т. (2005). *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- Выготский, Л.С. (1982). *Мышление и речь*, Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. Москва: Педагогика, 5–361.

- Ефимов, А.И. (1961). *История русского литературного языка*. Москва: Учпедгиз.
- Зализняк, Анна А. (2010). *Дневник: к определению жанра*, НЛО. № 106, 162–180.
- Козлова, О.Д., Кушнина, Л.В. (2012). *Эго-текст в культурно-речевом пространстве*, Современные проблемы науки и образования. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6831> (доступ: 2.03.2020).
- Курьянович, А.В. (2006). *Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентация в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой*, Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 5(56), 144–150.
- Митина, С.И. (2008). *Философский эго-текст: бытие в культуре: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры*. Саранск: Издательство Мордовского университета.
- Михеев, М.Ю. (2007). *Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)*. Москва: Водолей Publ.
- Огурцов, А.П. (2010). *Рефлексия*. В: *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. (445–450), В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов (науч.-ред. совет). Москва: Мысль.
- Ожиганова, Г.В. (2018). *Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к разграничению*, Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. Вып. 24. Т. 4, 56–60.
- Радзівська, Т.В. (2010). *Нариси з концептуального аналізу та лінгвістики тексту. Текст – соціум – культура – мовна особистість*. Київ: ДП «Інформаційно-аналітичне агентство».
- Старовойтенко, Е.Б. (2007). *Рефлексия личности в культуре*, Мир психологии. № 4(52), 209–220.
- Степанов, С.Ю., Семенов, И.Н. (1985). *Психология рефлексии: проблемы и исследования*, Вопросы психологии. № 3, 31–40.
- Чурилова, Е.Е. (2016). *Репрезентация самосознания в личных дневниках современных девушек*. Москва: Прометей.
- Шадриков, В.Д. (2014). *Мысль, мышление и сознание*, Мир психологии. № 1, 17–32.
- Шмелёва, Т.В. (1999). *Языковая рефлексия*, Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1(8). Красноярск–Ачинск, 108–110.

***

- Akimova, T.P. (2011). *Khronotop epistolyarnogo teksta (na materiale pisem A.S. Pushkina i M. Gor'kogo)*, Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie. № 2(14), 17–22.
- Babenko, L.G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Baranova, O.I. (2015). *Refleksivnyi dnevnik studenta pedagogicheskogo vuza v aspekte akmeologicheskogo podkhoda*, Sovremennye naukoemkie tekhnologii. № 12–3, 471–475. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35295> (dostup: 15.02.2020).
- Belunova, N.I. (2000). *Druzheskie pis'ma tvorcheskoi intelligentsii kontsa XIX – nachala XX v. (Zhanr i tekst pisem)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Churilova, E.E. (2016). *Reprezentatsiya samosoznaniya v lichnykh dnevnikakh sovremennykh devushek*. Moscow: Prometei.
- Efimov, A.I. (1961). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Uchpedgiz.
- Kozlova, O.D., Kushnina, L.V. (2012). *Ego-tekst v kul'turno-rechevom prostranstve*, Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6831> (dostup: 2.03.2020).
- Kur'yanovich, A.V. (2006). *Kognitivnaya sushchnost' rechevogo zhanra samoprezentatsiya v epistolyarnom diskurse M.I. Tsvetaevoi*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Vyp. 5(56), 144–150.

- Mikheev, M.Yu. (2007). *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)*. Moscow: Vodolei Publ.
- Mitina, S.I. (2008). *Filosofskii ego-tekst: bytie v kul'ture: avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk: 24.00.01 – Teoriya i istoriya kul'tury*. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
- Ogurtsov, A.P. (2010). *Refleksiya. V: Novaya filosofskaya entsiklopediya*. T. 3. (445–450), V.S. Stepin, A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov (nauch.-red. sovet). Moscow: Mysl'.
- Ozhiganova, G.V. (2018). *Refleksiya, refleksivnost' i vysshie refleksivnye sposobnosti: podkhody k razgranicheniyu*, Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. Vyp. 24. T. 4, 56–60.
- Radziyevs'ka, T.V. (2010). Nary'sy' z konceptual'nogo analizu ta lingvisty'ky' tekstu. Tekst – socium – kul'tura – movna osoby'stist'. Ky'yiv: DP «Informacijno-anality'chne agentstvo».
- Shadrikov, V.D. (2014). *Mysl', myshlenie i soznanie*, Mir psikhologii. № 1, 17–32.
- Shmeleva, T.V. (1999). *Yazykovaya refleksiya*, Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossijskoi ritoricheskoi assotsiatsii. Vyp. 1 (8). Krasnoyarsk–Achinsk, 108–110.
- Starovoitenko, E.B. (2007). *Refleksiya lichnosti v kul'ture*, Mir psikhologii. № 4(52), 209–220.
- Stepanov, S.Yu., Semenov, I.N. (1985). *Psikhologiya refleksii: problemy i issledovaniya*, Voprosy psikhologii. № 3, 31–40.
- Veprava, I.T. (2005). *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu*. Moscow: OLMA-PRESS.
- Vygotsky, L.S. (1982). *Myshlenie i rech'*, Sobranie sochinenii: V 6-ti t. T. 2. Problemy obshchei psikhologii. Moscow: Pedagogika, 5–361.
- Zaliznyak, Anna A. (2010). *Dnevnik: k opredeleniyu zhanra*, NLO. № 106, 162–180.

Источники фактического материала

- Булгаков, М.А. (2002). *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8: Жизнеописание в документах*, В.И. Лосев (сост., подготовка текста). Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Герцен, А.И. (1958). *Сочинения в 9 т. Т. 9. Дневник 1842–1845. Письма 1832–1870*, Л.П. Ланской (подгот. текста писем и прим.). Москва: ГИХЛ.
- Переписка Бориса Пастернака* (1990). Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернак (сост., подгот. текстов и коммент.). Москва: Художественная литература.
- Пирогов, Н.И. (1950). *Севастопольские письма и воспоминания*, С.Я. Штрайх (ред.). Москва: Издательство АН СССР.
- Чайковский, П.И. (2004). *Переписка с Н. Ф. фон Мекк: в 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы*, И. Захаров (ред.). Москва: Захаров.

***

- Bulgakov, M.A. (2002). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 8: Zhizneopisanie v dokumentakh*, V.I. Losev (sost., podgotovka teksta). St. Petersburg: Azbuka-klassika.
- Chaikovskii, P.I. (2004). *Perepiska s N. F. fon Mekk: v 3 kn. Kn. 1. 1876–1878 gody*, I. Zakharov (red.). Moscow: Zakharov.
- Gertsen, A.I. (1958). *Sochineniya v 9 t. T. 9. Dnevnik 1842–1845. Pis'ma 1832–1870*, L.R. Lanskoj (podgot. teksta pisem i prim.). Moscow: GIKhL.
- Perepiska Borisa Pasternaka* (1990). E.V. Pasternak i E.B. Pasternak (sost., podgot. tekstov i komment.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Pirogov, N.I. (1950). *Sevastopol'skie pis'ma i vospominaniya*, S.Ya. Shtraikh (red.). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Aleksy Kucy

 <https://orcid.org/0000-0001-6655-6886>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Językoznawstwa

90-226 Łódź

ul. Pomorska 171/173

aleksy.kucy@uni.lodz.pl

Polisemantyczność przekazu biblijnego Słowo Boże w wymiarze czasowo-przestrzennym

The Polysemantic Nature of the Biblical Message The Word of God in the Temporal and Spatial Dimension

Полисемантичность библейского послыа Слово Божье во временном и пространственном измерении

Streszczenie

Współczesna interpretacja Pisma Świętego powinna uwzględniać, oprócz wymiaru kontekstualnego i historycznego, także wymiary ukrytej symboliki sakralnej. Bazując na własnym doświadczeniu lingwistycznym i religioznawczym zaproponowaliśmy trójkierunkowy model interpretacyjny przekazu biblijnego. Na podstawie zaproponowanych rozwiązań egzegetycznych przeprowadziliśmy analizę prawidłowości zastosowanego modelu w oparciu o dwa pojęcia biblijne, jakimi są Obraz Boży oraz Najświętsza Maria Panna.

Słowa kluczowe: Biblia, interpretacja, kierunki semantyczne, egzegeza, modele interpretacyjne.

Summary

Contemporary interpretation of the Scriptures should not ignore, besides the contextual and historical dimension, the aspect of discreet sacred symbolism. Based on our linguistic and religious knowledge, we proposed a three-layered model of interpretation of the biblical content. Given the proposed exegetic solutions, we validated the applied model against two biblical concepts, namely God's Image and the Blessed Virgin Mary.

Keywords: Bible, interpretation, semantic trends, exegesis, interpretation models.

Резюме

Современная интерпретация Священного Писания должна учитывать не только контекстуальное и историческое измерение, но и перспективу скрытого сакрального символизма. Основываясь на нашем собственном лингвистическом и религиозном опыте, мы предложили трехстороннюю модель интерпретации библейского послания. На основе предложенных экзегетических решений мы провели анализ правильности используемой модели, основанный на двух библейских понятиях, а именно: «Образ Божий» и «Пресвятая Дева Мария».

Ключевые слова: Библия, толкование, семантические направления, экзегеза, интерпретационные модели.

Pismo Święte nie jest stricte tworem ludzkim, bo choć ludzka ręka zapisywała na kartce papieru słowa i zdania, to zostały one natchnione i zainspirowane przez Ducha Świętego. To jest główny aksjomat wiary, który należy przyjąć przed rozważaniem na temat treści tekstu sakralnego. Jednak, co on oznacza w sensie praktycznym? Z kolei, czy źródło przesłania werbalnego ma znaczenie we właściwym odbiorze jego pochodzenia i czy umysł ludzki jest w stanie samodzielnie prawidłowo odczytywać prawidłowe znaczenia przekazu biblijnego? Powyższe pytania wydają się być retoryczne, lecz próba zastanowienia się i znalezienia na nie odpowiedzi pokazuje, że nie są to sprawy bagatelne.

Współczesny świat obfituje w wiele denominacji i ruchów usiłujących na własny sposób i w oparciu o wyłącznie własny potencjał intelektualny „rozkodowywać” oraz zinterpretować przekaz biblijny bądź to w przypadku historycznej wykładni opisywanych w Piśmie Świętym zjawisk, bądź nauki moralnej i przekazu soteriologicznego w nim zawartego. Nierzadko w czasach najnowszych można spotkać osobę lub osoby, traktujące przekaz Biblii w sposób instrumentalny, wykorzystując poszczególne zdania bądź całe fragmenty do uzasadniania własnych poglądów lub do podważenia czyichś.

Owszem, rzeczą normalną jest krytyczne ocenianie informacji, które do nas docierają, lecz w odniesieniu do Pisma Świętego niebezpieczeństwo polega na tym, że chodzi o nic innego jak o zbawienie duszy i sprawę życia wiecznego. Na poziomie jednostki brak właściwego rozumienia przesłania biblijnego prowadzi do tego, że osoba, której wydaje się, iż kroczy właściwą drogą, może stać w miejscu lub co gorsza, znajdować się w duchowym impasie. Z kolei na poziomie społeczności zbiorowej ów brak może stać się przyczyną rozłamu i powstania jeszcze większego duchowego impasu¹.

---

¹ Większość podziałów denominacyjnych na świecie wynika z różnic interpretacyjnych i soteriologicznych poszczególnych konceptów biblijnych. Każde chrześcijańskie wyznanie aspiruje do większej lub mniejszej wyłączności egzegetycznej, broniąc swoich racji w oparciu o zaproponowane modele interpretacyjne.

W odniesieniu do przekazu biblijnego na wstępie należy wprowadzić bardzo ważną kategoryzację. Otóż podstawowym błędem poznawczym, popełnianym przez duchowych nowicjuszy lub interpretatorów Pisma Świętego, jest niezrozumienie substancjalnego rozgraniczenia podmiotowości bytów stworzonych i Bytu Niestworzonego². Głównym paradygmatem poznawczym w traktowaniu Boga jest to, że w stosunku do całego swojego stworzenia widzialnego i niewidzialnego jest On czymś zupełnie innym, nie przeciwstawnym i nie przeciwnym, tylko innym substancjalnie i egzystencjalnie – jest Bytem niestworzonym, kardynalnie oraz zdecydowanie różniącym się od bytów stworzonych. Warto przy tym zaznaczyć, że tu kryje się stała pułapka poznawcza, która dotyczy każdego dociekliwego badacza, przystępującego do zgłębiania tajemnic sakralnych. Bardzo upraszczając sprawę, można ją ująć w następujący sposób. Wyobraźmy sobie, że chcemy zdefiniować pojęcie *stółu*. Mówimy lub pytamy: „czym jest *stół*”? Zazwyczaj może paść kilka definicji w różny sposób zbliżonych bądź oddalonych od siebie, bowiem każdy człowiek ma własne wyobrażenie o przedmiocie dociekań. Jedna osoba skojarzy *stół* z kształtem koła na kolumnowej nodze o czterech podnóżach, druga – z kwadratem bądź prostokątem z czterema nogami i tak dalej: wszystko zależy od wcześniejszego doświadczenia i posiadanej wiedzy konkretnej osoby. Niemniej u podstaw każdego definiowania leży myślenie logiczne i to ono stanowi tę pułapkę. Chcąc myśleć lub rozważać o Bogu, świadomość ludzka włącza ten właśnie tryb myślenia, myślenia logicznego, ignorując fakt substancjalnego rozgraniczenia i hermetyczności poznawczej bytu stworzonego w stosunku do Bytu niestworzonego. Nie można na tej podstawie wyciągnąć wniosku o niemożności jakiegokolwiek poznania Boga przez Jego stworzenie, przez człowieka. Niemniej należy stwierdzić jego kategoryczne ograniczenie, zwłaszcza w materii istoty czy też natury Stwórcy (Иоанн Дамаскин, 1910, 140).

W omawianym kontekście Pismo Święte stanowi klasyczny przykład specyfiki poznawczej, w tym także interpretacji przekazu informacyjnego w nim zawartego. Ważnym postulatem przy tej okazji jest stwierdzenie, że Biblia stanowi ten rodzaj przesłania, które stwarza określone możliwości poznawcze mimo wspomnianej granicy rozdzielającej. Z kolei czynnikiem wymaganym do prawidłowego przebiegu owego poznania jest udział samego Stwórcy w tym procesie. Nie przypadkowo, Ojcowie Kościoła traktują Pismo Święte właśnie jako Objawienie (Блаженный Феодилант, 2010, 60), poprzez które niestworzony Bóg próbuje przekazać określone treści informacyjne bytu stworzonemu. Skoro zaś ten przekaz pochodzi od konkretnego Źródła, to również jego odbiór i właściwa interpretacja winna przebiegać zgodnie z intencją i zamysłem owego Źródła. Innymi słowy, w komunikacji Boga ze swoim stworzeniem to drugie powinno rozumieć

² Św. Maksym Wyznawca w sposób szczególny dał teologiczne uzasadnienie potrzeby rozgraniczenia tych dwóch zagadnień, mianowicie różnicy pomiędzy naturą ludzką stworzoną a Boską niestworzoną (zob.: Преподобный Максим Исповедник, 2006, 18–19).

kierowane do niej przesłanie zgodnie z zamiarem wysyłającego, co z kolei zadaniem łatwym nie jest.

Powinniśmy przyznać jeszcze raz, że choć tekst przekazu biblijnego był napisany ludzką ręką, to działa się to wyłącznie poprzez inspirację teistyczną. Biorąc pod uwagę ograniczenia poznawcze w postaci logicznego myślenia, zmuszeni jesteśmy do zastosowania odmiennego mechanizmu interpretacyjnego, zakładającego z jednej strony uniwersalizm przekazu biblijnego, jego ponadczasowy charakter, a z drugiej – jego semantyczną wielokierunkowość i wielopłaszczyznowość.

Tak zarysowana istota przesłania Bożego wydaje się być jedynym racjonalnym uzasadnieniem występowania tak dużej liczby stanowisk interpretacyjnych i punktów odniesienia. Z tym, że nie należy oczywiście zapominać o słuszności bądź prawidłowości poznawczej, bowiem wielopłaszczyznowość nie oznacza sprzeczności, i na odwrót. Stąd występowanie różnych kategoryzacji i komentarzy w stosunku do konkretnych wątków biblijnych nie powinno wprowadzać zamieszania pojęciowego, lecz motywować do wyodrębnienia właściwej ścieżki znaczeniowej. Właściwa egzegeza Pisma Świętego nie może być wewnętrznie sprzeczna, lecz powinna zawierać treści uzupełniające się i związane z głównym wątkiem przesłania. Dlatego też można mówić tylko o jednym nurcie egzegetycznym, wewnętrznie spójnym i dającym możliwość odbierania wszystkich treści przekazu biblijnego zgodnie z zamysłem jego Intencjodawcy (Лосский, 2006, 322).

Zatem analizując słowo Boże w wymiarze czasowo-przestrzennym możemy wyodrębnić trzykierunkowy model interpretacyjny lub poznawczy, w ramach którego można rozpatrywać owe konkretne wątki. Określmy je jako a) *uniwersalny*, wynikający z racjonalności myślenia oraz kolei rzeczy, b) *symboliczny ujawniony*, związany z czasoprzestrzenią i warunkami historycznymi oraz c) *symboliczny ukryty*, zakładający występowanie treści zakodowanych, służących do sygnalizowania wydarzeń, które mają dopiero nadejść w przyszłości³. Kierunek uniwersalny, choć jest bardzo konkretny i namierzalny, dający się z łatwością zinterpretować w kwestii identyfikacji przedmiotowej, to odgrywa mniejsze znaczenia w stosunku do dwóch ostatnich. Kierunek *symboliczny ujawniony* z kolei to taki, który zakłada występowanie „drugiego” dna znaczeniowego, mającego wpływ na motywację i podejmowanie działań w aktualnej przestrzeni historycznej. Z kolei kierunek *symboliczny ukryty* stanowi taki rodzaj semantyki, która odwołuje się do zamysłu przyszłościowego Stwórcy i poprzez użyte symbole przekazuje z jednej strony Jego intencje, z drugiej zaś odkrywa w zakodowanej perspektywie plany historyczne i rzeczowe mające nadejść nawet w bardzo dalekiej przyszłości.

Rysą charakterystyczną całego przekazu jest krzyżowanie się w tekście biblijnym treści w tych trzech kierunkach znaczeniowych w odniesieniu do kon-

³ Kategoria czasu także znajduje się „poza” Bytem niestworzonym: Bóg jako Stwórca czasu jest jednocześnie poza nim, stąd przyszłość kategorii czasoprzestrzeni dotyczy tylko bytu stworzonego. (zob.: Św. Augustyn, 1994, 264–266).

kretnych przedmiotów, a także występowanie wątków autonomicznych w jednym lub kilku z nich. Należy tu zaznaczyć, że powyższe zjawisko obejmuje w większym stopniu przedmioty służące w przestrzeni historycznej jako symbole, aniżeli pojęcia i kategorie teologiczne jako że ostatnie stanowią przedmiot jeszcze bardziej zaawansowanej interpretacji. Dla tego rodzaju określeń można mówić o występowaniu wartości dodanej, czy też dodatkowej perspektywy transcendentnej. Ponadto, zjawisko polisemantyczności m.in. nie obejmuje nazewnictwa atrybutywnego.

Przejdźmy jednak do konkretnych przykładów ilustrujących złożoność, a z drugiej strony prostotę omawianego zjawiska. Proponuję rozważyć kategorię *obrazu Bożego* jako tę bardziej rozbudowaną semantycznie, posiadającą dodatkową perspektywę teologiczną i następnie przejść do symboliki przedmiotowej, wzięwszy jako przykład kategorię *Góry Syjon*.

W odniesieniu do pojęcia obrazu Bożego myśl patrystyczna wczesnego chrześcijaństwa bardzo ostrożnie traktuje tę kwestię, ukazując raczej duchowe składniki, które można odnieść do kategorii obrazu i podobieństwa oraz często unikając – z nielicznymi wyjątkami – formalnego definiowania tego pojęcia. Niemniej pojęcie to w myśli patrystycznej ma bardzo bogatą tradycję i rozbudowaną semantykę. W interpretacji egzegetycznej możemy znaleźć zarówno szerokie traktowanie tego pojęcia, jak i bardzo wąskie, przedmiotowe. Tak, określenie *na obraz* u Ojców Kościoła w jednym przypadku charakteryzowało posiadanie przez człowieka wolnej woli, w drugim wyrażało jego zdolność do refleksji i potrzebę samostanowienia, w innym przypadku świadczyło o relacjach duszy i ciała, jeszcze w innym kojarzone było z intelektem, niekiedy również stanowiło rozgraniczenie pomiędzy naturą a osobowością. Ponadto, w obrębie samego pojęcia obrazu można mówić o obrazie jako takim, jak też o tym, jakie cechy tego obrazu możemy znaleźć w człowieku, który stworzony na obraz *stricto* obrazem tym przecież nie jest.

Pismo Święte w tym kontekście stanowi pozycję wyjściową, zwłaszcza w określeniu obrazu jako takiego. Bezpośrednie wskazanie podmiotowego adresata tej kategorii znajdujemy u Św. Pawła. Apostoł narodów mówiąc o Chrystusie w kontekście soteriologicznym nazywa Go *obrazem Boga* niewidzialnego:

On jest [mowa o Chrystusie] obrazem Boga niewidzialnego – Pierworodnym wobec każdego stworzenia, bo w Nim zostało wszystko stworzone: i to, co w niebiosach, i to, co na ziemi, byty widzialne i niewidzialne, czy Trony, czy Panowania, czy Zwierzchności, czy Władze. Wszystko przez Niego i dla Niego zostało stworzone. On jest przed wszystkim i wszystko w Nim ma istnienie. I On jest Głową Ciała – Kościoła. On jest Początkiem, Pierworodnym spośród umarłych (Kol 1:12–18).

Panayiotis Nellas, współczesny grecki teolog, odbiera powyższe treści nie tyle w kategoriach teologicznych, co antropologicznych i kosmologicznych. Zawarty w nim został jego zdaniem stosunek Chrystusa wobec człowieka i wszech-

świata. Dalsze zagłębienie się w tej analizie pokazuje, że taki był właśnie tok myślenia Apostoła, nawiązujący do autorów Starego i Nowego Testamentu, następnie odzwierciedlony w interpretacjach Ojców Kościoła, mianowicie postulujący naukę o Chrystusie jako obrazie Bożym, zaś o człowieku – jako o obrazie Obrazu (Неллас, 2011, 19).

Przy czym, gdy mowa jest o *Obrazie*, chodzi nie tyle o sam Logos jako taki, co o Logos Wcielony. *Obrazem*, na który został stworzony człowiek, od początku był Chrystus, w tym znaczeniu, że to jedyny prawdziwy antropologiczny telos: połączenie niepołączalnych natur – Bożej i ludzkiej – w jednej osobie. Na tej podstawie możemy wyciągnąć też inny wniosek, mianowicie taki, że aktu Wcielenia nie należy rozpatrywać wyłącznie w kontekście ekonomii Bożego działania na rzecz zbawienia upadłej natury (por.: Szczerba, 2008, 92). Inaczej należało by uznać, iż wróg rodzaju ludzkiego ma wpływ na decyzje i działania Boże, co jest oczywiście niemożliwe. Dlatego też Chrystus od początku był *Obrazem*, na wzór którego stworzony był Adam (por.: Wyrąbkiewicz, 2014, 127). To, co uzyskał Adam w akcie stworzenia na obraz, to możliwość obcowania z Bogiem poprzez Jego niestworzone Energie, które powinny były prowadzić naturę człowieka do hipostazyjnej jedności z Bożym Logosem w Chrystusie. Ten cel od początku był stawiany Adamowi i nie został zmieniony nawet po upadku.

Jeśli w kontekście antropologicznej nauki w taki właśnie sposób odpowiemy na pytanie odnośnie obrazu Bożego, to stanie się zrozumiała nie tylko wewnętrzna treść tego pojęcia, ale i wartość dodana, mianowicie znaczenie określenia *podobieństwo*. Większość komentatorów biblijnych zgadza się co do podstawowej różnicy w rozróżnieniu pomiędzy obrazem a podobieństwem, która sprowadza się do przysłowiowej statyczności pierwszego a dynamizmu drugiego. Jeśli obraz jest czymś określonym, to podobieństwo stanowi raczej proces dynamiczny, polegający na przyswajaniu, wrastaniu w ów obraz. Georgios Mantzaridis opisuje to w sposób następujący:

Słowo podobieństwo, w znaczeniu użytym w Septuagincie, wyraża coś dynamicznego i jeszcze nie zrealizowanego, natomiast słowo obraz oznacza stan zrealizowany, co w naszym kontekście stanowi punkt wyjścia na drodze zdobywania podobieństwa. [...] To, co jest na obraz stanowi powszechną własność wszystkich ludzi, natomiast to, co jest na podobieństwo jest czymś tylko potencjalnym. [...] Podobieństwo do Boga, chociaż stanowi cel istnienia człowieka, to jednak nie zostało mu narzucone, lecz pozostawione jego wolnej woli. Dzięki wolnemu poddaniu się woli Boga i stałemu prowadzeniu przez Jego łaskę, człowiek może udoskonalać i rozwijać dar obrazu, czyniąc go własnością indywidualną, pewną i dynamiczną, a przez to stawać się podobnym Bogu” (Mantzaridis, 1997, 24–25).

W ten sposób znaczenie powyższego symbolu ukrytego ujawnia się w czasoprzestrzeni oraz w samym Piśmie Świętym, odkrywając jego atrybutywne cechy i sygnalizując podmiotowego adresata.

Kolejne pojęcie do analizy to Góra Syjon. Ta wspaniała kategoria stanowi dobry przykład trzykierunkowego modelu semantycznego, gdzie każdy z kierunków może być rozpatrywany osobno, jak i w harmonijnej symbiozie z pozostałymi. Kierunek uniwersalny ukazuje nam historyczno-geograficzną stronę tego zjawiska. Góra czy też wzgórze Syjon znajdujące się w południowo-wschodniej części Jerozolimy, zostało zdobyte przez króla Dawida. Przed zawładnięciem wzgórza przez Dawida Syjon znajdował się w rękach Jebuzytów, którzy zbudowali tam twierdzę. Po jej zdobyciu Syjon dostał kolejną nazwę – Ir-Dawid, co oznaczało Gród Dawida (*Православная энциклопедия*, 2006, 547). Znajdowały się tam grobowce króla Dawida oraz pozostałych królów judejskich (Архим. Никифор, 1891, 160–161). Salomon z kolei na wzgórzu Syjon wznosił pałac królewski i Świątynię. Od tego czasu miano Syjonu otrzymało całe wzgórze, a później zaczęto tak nazywać samą Jerozolimę (Архим. Никифор, 1891, 160–161).

Biblia 163 razy odwołuje się do tego pojęcia⁴. Charakterystyczną cechą tego odwołania jest dominacja kierunku symbolicznego ujawnionego, gdzie główne pole semantyczne sprowadza się do wymiaru sakralnego, do Bożego wyboru tego wybornego wzgórza jako oznaki unii człowieka z Bogiem. W tym ujęciu Syjon w Biblii występuje w kilku znaczeniach: jako „gród Dawida”, „góra święta”, „dom Boży”, „królewskie miasto Boże”. Dla Hebrajczyków to drugie dno oznaczało całą Jerozolimę, całą Judeę oraz naród Judejski. Z kolei Prorocy używali tego pojęcia jako synonimu Królestwa Bożego w jego pełni, na niebie i na ziemi, które powinno trwać aż do spełnienia się wszystkich proroctw i nadejścia nowej ery (*Толковая Библия*, 2009, 31–32). Z kolei w znaczeniu przenośnym Syjon jawi się jako miejsce zamieszkania Boga w niebie, jako miejsce najwyższego objawienia Jego chwały. Stąd nadchodzi zbawienie dla Izraela i sąd dla pogan:

- Śpiewajcie Panu, co mieszka na Syjonie, pośród narodów głoscie Jego dzieła, bo mściciel krwi pamięta o ubogich, pamięta, a nie zapomina ich wołania.
- Kto przyniesie z Syjonu zbawienie Izraelowi? Gdy Bóg odmieni los swego narodu, Jakub się uraduje, Izrael się ucieszy (Ps 53:7).

Tam też przyjdą odkupieni przez Pana:

- Ten, kto pozostał żywy na Syjonie, i który się ostał w Jeruzalem, każdy będzie nazwany świętym i wpisany do [Księgi] Życia w Jeruzalem.
- Wtedy Pan przyjdzie [spocząć] na całej przestrzeni góry Syjonu i na tych, którzy się tam zgromadzą, we dnie jak obłok z dymu, w nocy jako olśniewający płomień ognia (Iz 4:5).

Wreszcie kierunek symbolu ujawnionego w przypadku Góry Syjon płynnie przechodzi i spleta się z kierunkiem symbolicznym ukrytym. Psalm 68, werset 16 to ukazuje w sposób szczególny:

⁴ Wyliczono na podstawie statystyk elektronicznych.

Góra Boża, Góra tłusta: góra obfita, góra tłusta. Co się przypatrujecie góróm zsiadłym? Góra, na której Bogu podoba się mieszkać; albowiem Pan będzie mieszkał na wieki. Wóz Boży, dziesiątki tysięcy rozmaity, tysiące weselących się: Pan między nimi na Synai, w świątyni (Ps 68:16–18).

Ujawnienie ukrytej semantyki w perspektywie historycznej, co też objawia się pełną zgodnością w wykładni Ojców Kościoła, objawia nam to znaczenie jako Dziewicę Marię, mającą urodzić Chrystusa – Wcielonego Syna Bożego.

Wołajcie góry – mówi św. Jan Damasceński – istoty rozumne, dążące do wysokości duchowej kontemplacji: rodzi się przewspaniała góra Pańska, swoją wysokością i miejscem przewyższająca wszelkie wzgórze, i każdą górę – wielkość aniołów i ludzi... najświętszy szczyt Synaju, który pokrywa nie mrok, nie burza, nie przerażający ogień, lecz światła światłość Ducha Świętego (Дамаскин, 1997, 254)⁵.

Synonimizacja tego samego pojęcia następuje zwłaszcza w psalmie 87:

Budowla Jego jest na świętych górach: Pan miłuje bramy Syjonu bardziej niż wszystkie namioty Jakuba. Wspaniałe rzeczy głoszą o tobie, o miasto Boże! Wymienię Rahab i Babel wśród tych, co mnie znają; oto Filistyni i Tyr razem z Kusz [powiedzą]: „Ten [i ten] się tam urodził”. O Syjonie zaś będzie się mówić: „Oto ten w nim się narodził, a Najwyższy sam go umacnia”. Pan spisując wylicza narody: „Ten się tam urodził” (Ps 87:3–5).

W swojej świętości i chwale, w świetle jednolitej i spójnej interpretacji patrystycznej, Dziewica Maria to trzon konotacyjnych skojarzeń znaczeniowych. Stąd w Piśmie Świętym Ona jest *grodem* Wszech Boga, *oltarzem* i *tronem*, *wzgórzem wybranym* itp. Tu nie tylko ma miejsce krzyżowanie się perspektyw semantycznych, ale też dochodzi do wywołania lawiny znaczeniowej, kiedy to jeden po drugim powstają nowe wątki i odniesienia przedmiotowe. Okazuje się bowiem, że w odniesieniu do Marii Panny tekst biblijny ma zbyt wiele aluzji, by mówić o jakiejś przypadkowości: „Góra”, „Brama przez którą wchodzi Król”, „Tron”, „Ołtarz”, „Arka Przymierza”, „Krzew Gorejący”, „Królowa w złocie z Ofiru”, wreszcie „Panna”. Wszystkie powyższe nominacje możemy rozpatrywać w każdej z trzech perspektyw, lecz ta trzecia wydaje się tu być najważniejszą:

Kimże jest ta, która świeci z wysoka *jak zorza*, piękna *jak księżyc*, jaśniejąca *jak słońce*, groźna *jak zbrojne zastępy*? – pyta Salomon (Pnp 6:10).

Uwzględnienie powyższej pełni semantycznej bazującej na zaproponowanym przez nas *trójkierunkowym modelu interpretacyjnym* wydaje się być ważnym składnikiem poznawczym, mogącym uchronić współczesnych badaczy przekazu biblijnego przed złem materialnym. Faktem jest, że większość podziałów denominacyjnych wewnątrz chrześcijaństwa jest spowodowana bądź konstruowana

⁵ Tłumaczenie autora tekstu.

właśnie w oparciu o interpretację przekazu biblijnego. Zazwyczaj, gdy dochodzi do krytyki myśli patrystycznej, to mamy do czynienia wyłącznie z literalizmem oraz pomijaniem obecności symbolizmu ujawnionego i ukrytego, ignorowanie którego skutkuje niewłaściwym odbiorem konkretnego przesłania, a co za tym idzie, błędną interpretacją zakodowanych elementów tekstowych.

BIBLIOGRAFIA

- Bogacz, R. (2013). *Cuda w Starym Testamencie*. Kraków: Wydawnictwo M.
- Czerski, J. (2012). *Metodologia Nowego Testamentu*. Opole: Redakcja Wydawnictw Wydziału Teologicznego Uniwersytetu Opolskiego.
- Dogondke, D. (2013). *Charakter deuteronomistyczny Księgi Malachiasza. Teologiczne implikacje intertekstualnej analizy biblijnej*. Warszawa: Lingua Sacra.
- Jelonek, T., Bogacz R. (red.). (2012). *Biblia w kulturze świata. Aspekty biblijnego przesłania*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UPJPII.
- Korzec, C. (2013). *Ścieżka biblijnego konsensusu: ku integralnej teologii biblijnej*. Wrocław: Bibliotheca Biblica.
- Kręcidło, J. (2013). *Honor i wstyd w interpretacji Ewangelii. Szkice z egzegezy antropologiczno-kulturowej*. Warszawa: VERBINUM.
- McDowell, J. (1979). *Evidence That Demands A Verdict*. California: Thomas Nelson Inc.
- Muszytowska, D. (2011). *Lektyka Salomona. Biblia-symbol-interpretacja*. Warszawa.
- Rittel, S. (2013). *Obrazy ziemi w Biblii. Systemowe interpretacje realizmawcze*. Kielce: Oficyna Wydawnicza „Marka”.
- Szymik, S. (red.) (2013). *Biblia kodem kulturowym Europy*. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II.
- Архим. Никифор (ред.). (1891). *Библейская энциклопедия*. Москва: Типография А.И. Спегиревой.
- Блаженный Феофилакт Болгарский. (2010). *Толкование блаженного Феофилакта Болгарского на святое Евангелие*. Москва: Летопись.
- Лосский, В. (2006). *Боговидение*. Москва: Издательство Свято-Владимирского Братства.
- Лопухин, А. (1904–1913). *Толковая Библия или комментарии на все книги Св. писания Ветхого и Нового Завета*. Санкт-Петербург: Синодальная Типография.
- Преподобные Варсонуфий и Иоанн. (1852). *Руководство к духовной жизни*. Москва: Университетская Типография.
- Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. (2000). *Писания*. Москва: АСТ.
- Протоиерей Александр Мень. (1997). *Сын Человеческий*. Москва: ВИТА.
- Святитель Василий Великий. (2014). *Беседы на псалмы*. Москва: Сибирская Благовонница.
- Святитель Игнатий Брянчанинов. (2009). *Аскетические опыты*, t. 1. Минск: Лучи Софии
- Святитель Иоанн Златоуст. (1906). *Беседы на книгу Бытия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская Духовная Академия.

***

- Arkhim. Nikifor (red.). (1891). *Bibleiskaya entsiklopediya*. Moscow: Tipografiya A.I. Spigirevoi.
- Blazhennyi Feofilakt Bolgarskii. (2010). *Tolkovanie blazhennogo Feofilakta Bolgarskogo na svyatoe Evangelie*. Moscow: Letopis'.

- Lopukhin, A. (1904–1913). *Tolkovaya Bibliya ili komentarii na vse knigi Sv. pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta*. St. Petersburg: Sinodal'naya Tipografiya.
- Losskii, V. (2006). *Bogovidenie*. Moscow: Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo Bratstva.
- Prepodobnye Varsonufii i Ioann. (1852). *Rukovodstvo k dukhovnoi zhizni*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
- Prepodobnyi Ioann Kassian Rimlyanin. (2000). *Pisaniya*. Moscow: AST.
- Protoierei Aleksandr Men'. (1997). *Syn Chelovecheskii*. Moscow: VITA.
- Svyatitel' Ignatii Bryanchaninov. (2009). *Asketicheskie opyty*, t. 1. Minsk: Luchi Sofii.
- Svyatitel' Ioann Zlatoust. (1906). *Besedy na knigu Bytiya*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya Dukhovnaya Akademiya.
- Svyatitel' Vasilii Velikii. (2014). *Besedy na psalmy*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

Ярослав Мельник

 <https://orcid.org/0000-0001-5511-1881>

Прикарпатский национальный университет

имени Василя Стефаника

Факультет филологии

76018, г. Ивано-Франковськ,

ул. Т. Шевченка, 57

mel.jaroslav@gmail.com

Коммуникативный феномен морально-этических посылов Иисуса Христа: дискурсивно-типологический аспект

The Communicative Phenomenon of the Moral and Ethical Messages of Jesus Christ: A Discursive and Typological Aspect

Резюме

В статье рассматривается специфика формообразования дискурсивно-информационного пространства в этнокультуре древних иудеев в контексте учений Иисуса Христа. Ключевой моделью коммуникативного поведения Мессии был послыл. *Посыл* же рассматривается как новая терминопонятийная категория современной дискурсологии и коммуникативной лингвистики. В контексте коммуникативной концепции Сына Божьего следует воспринимать как базисную модель, которая отличается от поучений, нравоучений, наставлений, морализации, пророческого императива и т.п. Предложенная интерпретация представляет собой несколько иной тип разворачивания идеи, ее композиционно-тематическое оформление. В основе коммуникативно-информационного посыла в текстах Нового Завета лежит морально-этическая конструктоплатформа, главная цель которой состоит в изменении культурно-духовных констант и стереотипов и направлении мира человека в благоразумное и богоугодное русло. Это является главной миссией Иисуса Христа как Сына Божьего – законодателя устройства Вселенной и человеческой цивилизации.

Ключевые слова: коммуникация, стереотип, послыл, текст, обращение, морально-этический комплекс.

Summary

The article discusses the particulars of the shaping of the discursive and informational space in the ethnic culture of ancient Jews in the context of the teachings of Jesus Christ. The key model of the Messiah's communicative behavior was the message. The message is considered a new term

and conceptual category of modern discourse and communicative linguistics. In the context of the communicative concept of the Son of God, it should be understood as a basic model that differs from teachings, moralizations, instructions, a prophetic imperative, etc. The proposed interpretation is a subtly different type of development of the idea, its composition and thematic design. The communication and information message in the texts of the New Testament is based on a moral and ethical construct platform, the main purpose of which is to change cultural and spiritual constants and stereotypes and to steer the human world to follow a judicious and pious course. This is the main mission of Jesus Christ as the Son of God: the legislator of the structure of the universe and human civilization.

Keywords: communication, stereotype, message, text, appeal, moral and ethical complex.

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике последних десятилетий произошел настоящий прорыв, в результате которого учения о языке вышли на новый уровень. Это стало возможным благодаря научным разработкам, которые были заложены в свое время В. фон Гумбольдтом. Идеи выдающегося немецкого ученого получили новый импульс в трудах Ф. де Соссюра, Сепира-Уорфа, Ю. Степанова, А. Вежбицкой и многих других исследователей. Новое панорамное «разворачивание» учений о слове произошло в 80–90-е годы прошлого века, когда в научно-терминологическом континууме плотно утвердились такие категории, как языковая картина мира, концепт, стереотип, культурная константа, фрейм, гештальт, архетип и пр. (Вежбиньски, 2015, 165). Кроме этих категорий, в научный обиход вошло много новых понятий, в частности, *экология языка, экология культуры, духовное пространство языка, ментальный тип* и пр. Также очертилась парадигма целых направлений филологии – это неориторика, нарратология, культурно-языковая генеалогия и др. (Степанов, 1995, 7). В контексте этих новшеств и трансформаций по-новому зазвучали давно разрабатываемые проблемы и по-особому высвечивается эпоха неоструктурализма, информационной глобализации и цифровых технологий (Деррида, 2007, 13).

ОСНОВНОЙ ВОПРОС

Сужая тему, обратимся к парадигме и идейным реформациям в области коммуникации, текстообразования, неориторики и дискурсологии. Поскольку эти направления достаточно новы, то, естественно, и терминологи-

ческий аппарат переживает свое становление, определяется семантическая структура и функциональные особенности каждой из категорий (Мельник, 2015–2016, 205). В этом ключе следует обратить внимание на такое термино-понятийное образование, как *посыл* (Мельник, 2019, 53). Эта категория употребляется в сценическом искусстве, а также изредка в публичных выступлениях, обращениях к массовой аудитории и т. п., но чаще всего эта лексема и ее внутренняя форма манифестирует разговорный жанр. Она является своеобразной *метафорой*, *аллюзией* обозначения принципа организации текстового и околотекстового пространства – в современной науке чаще – дискурса (Мельник, 2019, 53–54).

Главное отличие *посыла* от обращения, апелляции, адресации, волеизъявления, императива и пр. категорий заключается в том, что *посыл* – это более масштабный, упорядоченный, внутренне организованный и сфокусированный, подчиненный закону наибольшего коэффициента полезного действия, ожидание максимального результата, это влияние, воздействие и максимально широкая и объективная интерпретация в масштабе глобального позиционирования, в формате, выходящем за рамки реального пространства и времени, т. е. с претензией на всеобщность. *Посыл* – это трансформация говорящего, его внутренней духовной энергии в конкретную точку и с обязательным высокоточным попаданием. *Посыл* – это организующий принцип и закон. Он соотносим с риторическим идеалом (Ворожбитова, 2018, 8). Ему подчиняется как каждый текстово-вербальный сегмент (импульс), текст как цельное образование, так и весь нетекстовый (в том числе и паралингвистический) комплекс. «Посыл всегда прагматичен и наполнен высокой концентрацией духовной энергии» (Мельник, 2019, 53). В нем кодируются микро- и макропрограммы. Его целью всегда есть стремление «достучаться» до адресата, получить отражение, реакцию. *Посыл* должен быть принят, услышан. В противном случае он превращается в обращение, которое с легкостью отстраняет или отклоняет адресат. *Посыл* всегда перформативен. Это всегда слово-действие, слово-поступок, слово-оценка, попытка «перезагрузки», слово-эмоция. *Посыл* всегда содержит мировоззренческо-этнокультурный, социокультурный, аксиологический, философско-эстетический компоненты. *Посыл* – это своеобразный крик-обращение (тут можно вспомнить известное полотно Э. Мунка), которое не бывает случайным, развлекательным или шуточным. Необходимость изменить мир, внести принципиальные коррективы в его композицию. Это предупреждение и призыв расширить угол зрения и навести фокус взгляда на вещи более важные и не распыляться, не отвлекаться на второстепенные детали. В посыле всегда содержится геном-программа – поиск истины; и субъективное понимание добра и зла. Правда, иногда это может быть узкоформатным пониманием, в других случаях это истины божественного или вселенского уровня. *Посыл* – это предостережение и просьба понять, в чем суть истины. В посыле всегда заложены

каноны миропонимания говорящего. Это попытка постижения экзистенции и сенсорной депрециации – выход за пределы собственного «я». Это намерение трансформировать свой опыт миропостижения во всеобщий опыт познания действительности. В послыле в сложной композитной форме сливаются осознанное и подсознательное, реальное и экзистенциальное. *Посыл* – это не легкий эскиз-набросок, а попытка **что-то** сказать. Это всегда жестко организованная физическая, духовная и словесная материя. В послыле главную функцию всегда выполняет *слово*. Оно перестает быть лексической единицей или единицей речи. Слово, подобно лазерному лучу, предназначено пробить брешь всеобщего непонимания. Речь, организованная в посыл, подчиняется концепции поиска оптимальных форм решения проблемы. Намерение «достучаться» до ума, сердца, сознания. *Посыл* обладает собственной эстетикой. Это форма, стиль, жанр. В них же компоненты приобретают единое векторное направление, их суммарная величина должна обрести материально-сценарийное воплощение, результат. В послыле говорящий превращается в текст и становится текстом. *Посыл* всегда интертекстуален и глубоко семиотичен (Вежбиньски, 2008, 179). Глубина его прагматико-семиотической структуры неисчерпаема, и после достижения каждого уровня его понимания и рецепции обнаруживается новая перспектива. В связи с этим далеко не все тексты подпадают под категорию послыла. Удельный вес послыла всегда максимален. Он не бывает легким и не обладает бижутерными свойствами. Это не шоу. Тексты послыла всегда глубоки и обладают широким спектром интерпретаций. Их можно воспринимать с наивным простодушием, примитивно, но постижение глубин всегда сложно и требует значительных духовных усилий со стороны рецептора (Гадамер, 1991, 18). *Посыл* – это движение от грубого и деструктивного к гармоничному и совершенному. История человечества может быть прочитана и в контексте формирования текстовых послылов. *Посылы* – это всегда эмпатия и откровение. Главные тексты-посылы создавались в разные эпохи, и самые важные написаны гусиным пером на пергаменте или папирусе. В отдельных случаях высечены на камне или трансформировались в художественные (живописные) образы. Такими послылами являются также объекты архитектуры. Тексты-посылы всегда мегалитичны и несут в себе всеобщие принципы. Читательность послылов усложняется глубоким иносказанием. Они наполняются сложной многоуровневой метафорой, неожиданными эпитетами и сравнениями. В одних случаях они обладают криптоподтекстом, в них закодированы скрытые смыслы, требующие дешифровки, в других – источник послыла, автор текста выводит на поверхность и «одевает» в сюжет, на первый взгляд, бытовые и простые формы, создает доступные образы, упрощает конфликт. Но делается это исключительно с целью быть доступным, понятным, принятым. Посылы чаще всего неориторичны – в них преобладает интерпретация (Ерушевич, 2002, 3–4). *Убеждение* – главный инструмент классической риторики – отодвигается

на задний план. Убеждение ненадежно и примитивно. Только глубокое проникновение в суть проблемы и понимание явлений на уровне смысловых монад, идейных субстанций дает шанс докопаться до истины. Поэтому мы в сакральных текстах, притчах часто обнаруживаем, на первый взгляд, простые сюжеты, но со временем открываем глубину текста по принципу герменевтического круга. Как мы уже заметили, посылы – это не «легкое чтение». Это всегда тяжелый труд, сотрудничество с источником текста – будь то Бог, пророк, философ, мыслитель или поэт. *Посылы* – это путь к прозрению. Они отчасти драматичны. И, очевидно, не каждый человек может пройти непростой стезей прозрения под влиянием глубоких текстов. Но каждый на своем уровне может хотя бы частично приобщиться к великому текстовому наследию. Ошибочно утверждать, что только сакральные тексты обладают качеством посылов. Такой природой наделены тексты классиков мировой литературы и философской мысли. И тут стоит следующая проблема – проблема «узнавания» и правильного прочтения – поиск верной герменевтической формулы. В контексте сказанного обратимся к текстовым посланиям Нового Завета и попытаемся увидеть семантико-семиотические доминанты, ключевые формулы программирования человеческой действительности и определение аксиологических ориентиров (Вежбицкая, 1999, 682). «В них подсказка – эволюция физическая без эволюции духовной приведет к непременным катастрофам апокалиптического масштаба» (Мельник, 2012, 4).

Итак, главной идеей настоящего изыскания является то, что в эпоху Иисуса Христа, равно как до и после Его, мир был переполнен всевозможными пороками. Воровство, грабеж, обман, убийства, разного характера мошенничество, шулерство, насилие и пр. сопровождали всю историю человечества. Этими же пороками обозначена эпоха Иисуса. Но в сюжете Евангелия (и близких к нему текстов) мы обнаруживаем интересную закономерность –

Христос почти все свои посылы, истории, притчи, обращения ориентирует на книжников, первосвященников, фарисеев, лицемеров, лживых пророков, мытарей, грешников, завистников. В этих категориях сознания, ментального пространства, коммуникативных сценариев, социокультурных стереотипов, мыслительно-поведенческих традиций Христос находит наивысшее зло (Melnyk, 2019, 119).

Быть завистливым, имитативно преданным и верным учениям; фальшивым, красивыми словами прикрывать подлые замыслы; публично демонстрировать набожность и приверженность религиозным традициям, внешне живя по законам Старого Завета (законам Моисея); изощряться в издевательствах над соплеменниками – не гнушаться настоящих грабежей, собирая дань для поработителей – в данной ситуации для Римской империи, чем занимались мытари (собиратели податей); одновременно служить многим богам; быть циничным эгоистом, не любить Бога и не уважать отца; игнорировать законы, ниспосланные Всевышним, и, наконец, жить по законам,

но игнорируя любовь (т. е. не любя), с точки зрения Христа есть более (по крайней мере – не менее) греховным, чем грабя и убивая. Поэтому в фокусе коммуникативных посылов Иисуса мы редко обнаруживаем персонажей, которые в наши дни были бы опекаемы уголовным кодексом, а видим элиту общества, духовных предводителей, законодателей и законоучителей, служителей государственной системы и прочих действующих лиц, которые в то время, равно как и в наше, имеют довольно приличный социальный статус. Именно их Христос призывает покаяться, очистить душу и встать на путь истинный. Вселенское зло и порождения лукавого содержатся в душевных пороках, а они, в свою очередь, трансформируются в мысли и слова.

Текст Священного Писания сориентирован и целенаправлен главным образом на конгломерат человеческих пороков, которые наполняют сознание, картину мира, ментальное пространство всего общества – от бездомных и нищих до власть имущих – царей, императоров, духовных лидеров. Коммуникативные программы, послы Иисуса Христа нацелены именно на эти грехи и изъяны. И, как мы уже заметили, самым распространенным средством и средой существования этих пороков является *логосфера* – пространство мысли и слова. Т. е. наибольшая, все разрушающая концентрация зла содержится именно в логосферическом поле. Там необходимо искать корень зла и осуществлять основные манипуляции. Это значит – следует лечить логосферическое пространство и человека как носителя и отражателя-репрезентанта этого пространства. Слово и мысль – это неделимая бинарная субстанция, очень тонкая материя, в которой допустимо неисчислимое количество интерпретаций, видений, пониманий и высказываний по поводу любого факта бытия. Именно в файлах логосферического пространства проще всего спрятать злые замыслы и собственную порочность. При этом театр жизни предполагает игру – создание нужного образа. Т. е. жадный может сыграть щедрого, глупый – умного, лживый – искреннего, грешник – праведного. При этом словесная декорация в полной мере используется для отвлечения внимания, обмана и откровенной лжи. Имитативная приверженность законам, правилам, нормам и морали социальной среды предполагает «игру на публику» – манифестацию собственной правильности, законопослушания и приверженности высшим общественным идеалам. Но настоящая беда, боль и трагедия Иисуса, равно как и всего человечества, в том, что такие театральные постановки, инсценизации обрели канонический статус. Стали обязательной нормой жизни. И это не этикетные рамки коммуникации, а своеобразная форма культуры: думать одно – *говорить совсем другое; говорить, обещать, клясться в одном, а делать нечто совершенно противоположное*. При этом всегда оставаться «на плаву», манипулируя такими понятиями, как *заблуждение, ошибка, точка зрения, специфика видения или миропонимания, личное убеждение, неполное понимание происходящего, я вынужден действовать в рамках закона, не я придумал эти правила* и т. д.

для отступления в случае просчета и очевидного провала. Все лживые, неискренние, лукавые оппоненты Христа формируют единый оппозиционный блок. Сын Божий указывает на поляризацию мира людей, где в непримиримой оппозиции находятся добро и зло. При этом у человека всегда есть возможность выбора, шанс покаяться. Посылы Нового Завета и Иисуса Христа в частности проектируются на реальный мир, и в контрастивном аспекте Мессия помогает отличить одно от другого – узнать то и другое. Все послы Иисуса – это своеобразные дискурсивные срезы, в которых высвечивается текстура времени подобно годовым кольцам дерева, открывается внутренняя структура. Она не видна при поверхностном обозрении. Анатомизация дискурса (в контексте посылов) является ценным ключом к пониманию эпохи древних иудеев и всех предыдущих и последующих эпох. «Моральный формализм», внешнее, имитативное следование букве закона – одно из многих зол. У этого зла огромный адаптативный потенциал. Христос обращается к элите своего времени – книжникам и фарисеям: «Порождения ехидны! Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мтф. 12, 34–35). Христос постоянно упрекает в пустословии, демагогии, популизме и неоправданной витиеватости слов. Все это является греховным вдвойне, когда под внешним словесным лоском скрыты цинизм, зависть, немилость: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, которое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдываешься и от слов своих осудишься» (Мтф. 12, 36–37).

В словообилии Христос тоже видит грех. В словах может раствориться истина, легко потерять нить правды. В молчаливом созерцании больше истины, чем в словесных излияниях Иисус сказал: неужели и вы еще не разумеете, что все входящее в уста проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лже-свидетельства, хуления – это оскверняет человека... (Мтф. 15, 16–19).

Христос призывает неуклонно оберегаться «науки фарисейской», ибо, слушая фарисеев, человек не в состоянии разобраться, где истина, а где обман. А также он призывает судить о человеке «не по словам его, а по делам его». Ибо слово в устах фарисеев и лицемеров всегда яркая и красивая накидка, под которой скрывается зло: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают...» (Мтф. 23, 3–4).

В устах лицемера и фарисея лживо все. Даже обращение к Богу не обозначено искренностью и откровением – молитва лжива: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь...» (Мтф. 23, 14).

Язык, речь, слово – это та ткань, в которую вплетается греховная ложь, и фактурно она не прочитывается. Нужна особая осторожность – работа души, чтобы не впустить в свою реальность лжеучения первосвященников и фарисеев. За их словами всегда прячутся скрытые помыслы, коварство, изощренно злые стремления. К злым началам принадлежат не только упомянутые выше формы коммуникативного поведения, но и лихоимство, коварство, гордыня, карьеризм, чревоугодие, восхищение собственным величием и социальным статусом, желание властвовать и многие другие. На фоне лжи, сребролюбия и многих прочих грехов перечисленные выше являются не меньшим злом, ибо тесно переплетаются с другими видами греха и выстраивают целую систему плотно связанных пороков. В своих коммуникативных спаррингах, послых Христос часто пользуется лаконичными, но необыкновенно емкими фразами, в которых закодированы опыт борьбы добра и зла, воля Всевышнего. В этих голографических образцах свернута сложная генетическая структура – смысловой набор, который требует разъяснений. Поэтому Учитель часто прибегает к небольшим «разворачиваниям текста» в форме комментариев, параллелизма, аналогий или притч. Но его слово всегда взвешено, идеально точно и звучит не просто убедительно, а как филигранно точная и незаменимая деталь. Поэтому тексты, послы, слова в устах Иисуса всегда точны и действенны. Они не *убедительны* – убеждения зачастую бывают витиевато-лживыми; они *доказательны* и безупречны с точки зрения логики. Более того, Христос всегда оставляет за оппонентом возможность и право не соглашаться, остаться на своих позициях.

Ментально-коммуникативное поведение фарисеев, книжников и лицемеров соответствует стереотипам и дискурсу эпохи Иисуса. Эта кавалькада ментальных клише и культурных констант выходит за рамки семантики и становится глубоко семиотичной, переходит в разряд устойчивых мифологем. Поэтому Христос с учениками оказался на поле битвы, и перед ним оказалась целая система. А каждая система, как известно, тогда является системой, когда она обладает механизмами самозащиты и самосохранения. Воевать с системой всегда сложнее, чем с отдельными его проявлениями. Поэтому мы встречаем зачастую факты (в тексте Евангелия), когда к Христу подошли первосвященники, книжники и фарисеи, т. е. они единым фронтом, целостной оппозицией восстают против Христа. Поэтому Иисус обращается как к единообразной среде, а они, в свою очередь, обращаются к Учителю и окружающим тоже единым текстом, т. е. говорят на одном языке – языке лицемерия, лжепророчества. Христос с горечью указывает на то, что молитвы, клятвы, обещания, исповедь, предостережения, утверждения, проповеди, просьбы и пр. тоже не чисты. Они не искренние. Иисус при этом не пользуется терминопонятием *полуправда*, но очень часто указывает на то, что измененный и искаженный факт, осознанно деформированная и искаженная информация с хорошо отслеживаемой прагматикой тоже греховна. Более

того, она опаснее лжи, поскольку сложно узнаваема. В связи с этим Иисус всегда называет вещи своими именами – разводит здоровое зерно и мякину, не разрешает смешивать праведное с грешным.

Лицемер в древней культуре и дискурсе – это *актер, игрок, лицедей, тот, кто играет другого, не является самим собой*. Сценарий поведения лицемера всегда многообразен. Он умеет «ускользнуть» от неудобных ответов, не отвечать прямо. Диаметральна противоположная модель коммуникативного поведения Христа, когда каждый сегмент его коммуникативного посыла проверен на чистоту и высокопробность. Христу невозможно возражать, его невозможно переубедить. Его устами глаголит истина, поэтому фарисеи и лицемеры, чувствуя свою слабость, прибегают к еще более изысканным хитростям, соблазнам, угрозам, попыткам поставить «коммуникативную подножку». И в финальном этапе именно они пришли толпой к Понтию Пилату с требованием отпустить Варавву (убийцу, преступника), а распять именно Христа. С точки зрения первосвященников, фарисеев и лицемеров, убийца не так опасен для общества. В нем не видят социальной угрозы (Мтф. 27, 20–26). Опасность истекает именно от Иисуса, поскольку он призывает жить по закону Божьему, правды и добра (Ин. 19, 6–8; 15). В этом контексте даже Иуда – предатель и изменник – выглядит благородно, ибо он, чувствуя угрызения совести, переносит душевное терзание содеянным, покончил с собой, а не построил себе виллу или нечто подобное. Он тоже своеобразная жертва. На его судьбу, очевидно, повлияли послылы Христа (Мтф. 27, 3–5).

Словесный фальсификат не просто искажает и деформирует дискурс, он вносит концептуальную деструкцию в основные каноны миростроения. Природа, мир, Вселенная совершенны. Несовершенен мир человека. Его базисный изъян – это *ложь, лицемерие, лживость, зависть* и пр. модели поведения, которые свойственны человеческому обществу. И, как было замечено выше, человек виртуозно прячет свой негатив в *слова, тексты*. Обращения к Иисусу со стороны его оппонентов не являются посылом. Это всего лишь изысканные пируэты слов, нагромождение фальшивых аргументов. С точки зрения теории коммуникации и предложенного материала *посыл* обладает другими свойствами. Это не словесная эквилибристика, а поток интеллектуально-коммуникативной энергии. Информационная насыщенность посыла всегда несоразмерна с обращениями, апелляциями, адресациями и пр. Коммуникативно-смысловые изобретения лжепророков и лицемерных первосвященников, которые выстраивают свои оборонительные позиции перед посылами Иисуса, внешне выглядят убедительно, но всегда обречены на провал. Посылы Христа, даже если это короткие притчи, обладают смысловым совершенством. Одной даже короткой репликой он в состоянии разрушить целое фортификационное сооружение оппонентов. И, что важно, когда к Христу подходит толпа древнеиудейских интеллектуалов (учителей

закона Божьего, священнослужителей) с весомыми аргументами, то одна короткая фраза Сына Божьего становится тем ядром, от которого рассыпается целая крепость. Например, притча о блуднице (Ин. 8, 4–7), в которой Христос предлагает безгрешному первым бросить камень.

Мир, Вселенная – это храм Божий, и весьма символично с идеальной точностью Христос призывает и самолично изгоняет из храма торговцев. В торговле, бизнесе, когда все меряется лептой или талантом, нет места любви, искренности, истине. Торгующий человек и меняла – всегда эгоист и стремится получить наибольшую выгоду от своего бизнеса. Несовместимы мир Бога, любви и правды с миром коммерции (Мтф. 21, 12–13; Мрк. 11, 15–17; Лк. 19, 45–46; Ин. 2, 14–16). Разве что *поднять уровень коммерческого сознания и культуры до уровня Господней любви*. Но в тексте Священного Писания не сказано о вероятности такого варианта товарно-денежных отношений между людьми. Поэтому у Христа был только один сценарий – изгнать торговцев из храма. И эта притча-история стала очень сильной формулировкой, безупречной аллегорией, образом здорового дискурса – коммуникативного пространства, организованного по закону Божьему.

Апогеем в комплексе Христовых посылов являются Нагорная проповедь, Заповеди, молитвы. По жанру они несколько отличаются от притч, но в системе посылов занимают доминирующее место. Являются организующим ядром, вокруг которого выстраиваются информация, текст, идея. Реальный мир – мир человека – по Божьему замыслу должен выстраиваться аналогично, по этому же принципу.

ВЫВОДЫ

Текст Священного Писания в современной картине мира, равно как во все предыдущие и последующие времена, кроме прочих подходов, должен быть интерпретирован сквозь призму *коммуникатологии, дискурсологии, теории информационного пространства*. Это важно было всегда, но в эпоху глобализации, формирования всеобщего и тотально доступного поля информации; в эпоху изощенной манипуляции и непримиримых противостояний в борьбе за лидерство; в эпоху экологических катастроф и деградации морально-этического пространства; в эру, когда зло достигло необыкновенного совершенства и адаптировало человека; в эпоху потери религией (в частности христианством) своих законодательных и культуuroобразующих функций, когда волна морально-психологической и аксиологической деградации превратилась в апокалиптическое цунами (подобно Ноевому потопу), следует обратить взгляд в сторону текстового массива прошлых эпох, в частности

Библии, и хотя бы частично следовать посылам (*инструкциям, рекомендациям, пророчествам, наставлениям, мольбам, просьбам, приказам, скрытым и открытым императивам, поучениям, советам и пр.*) и соответственно re-организовать дискурсивное пространство в соответствии с программными установками, которые в доступной форме изложены в текстах Священного Писания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Библия. Книги священного писания ветхого и нового Завета* (1988). Москва: Издание Московской патриархии.
- Вежбиньски, Я. (2008). *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 4, 179–187.
- Вежбиньски, Я. (2015). *Семантическое пространство слова Дом в русско-польском сопоставлении (на материале словарных толкований и паремiologicalических изречений)*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 11, 165–170.
- Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки русской культуры.
- Ворожбитова, А.А. (2018). *Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования*. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ».
- Гадамер, Г.-Г. (1991). *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство.
- Деррида, Ж. (2007). *Письмо и различие*. Москва: Академический Проект.
- Срушевич, Г., Мельник Я. (2002). *Вступ до риторики*. Івано-Франківськ: Гостинець.
- Мельник, Я.Г. (2012). *Прологмени до українського дискурсу*. Івано-Франківськ: В-во Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника.
- Мельник, Я.Г. (2015–2018). *Риторика та неориторика: конфлікт методологій*. Вісник Прикарпатського університету. Філологія, 44–45. Івано-Франківськ: В-во Прикарпатського національного університету, 204–2011.
- Мельник, Я.Г. (2019). *Адресації и посылы в раннем творчестве А. Ахматовой*. Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації, 2(14), 52–58.
- Степанова, Ю. (ред.). (1995). *Язык и наука конца XX века*. Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета.
- Melnyk, J. (2019). *Communicative Acts in the Texts New Testament Gospels: Mental and Axiological, Moral and Ethical Factors*. Journal of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, 6(2), Ivano-Frankivsk, 119–128.

***

- Bibliya. *Knigi svyashchennogo pisaniya vetkhogo i novogo Zaveta* (1988). Moscow: Izdanie Moskovskoi patriarkhii.
- Derrida, Zh. (2007). *Pis'mo i razlichie*. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Gadamer, G.-G. (1991). *Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow: Iskuststvo.

- Mel'nik, Ya.G. (2019). *Adresatsii i posyly v rannem tvorchestve A. Akhmatovoi*. Vcheni zapysky Tavriiskoho natsionalnoho universytetu imeni V. I. Vernadskoho. Seriya Filolohiia. Sotsialni komunikatsii, 2(14), 52–58.
- Melnyk, Ya.H. (2012). *Prolehomeny do ukrainskoho dyskursu*. Ivano-Frankivsk: V-vo Prykarpatskoho natsionalnoho universytetu imeni Vasylia Stefanyka.
- Melnyk, Ya.H. (2015–2018). *Rytoryka ta neorytoryka: konflikt metodolohii*. Visnyk Prykarpatskoho universytetu. Filolohiia, 44–45. Ivano-Frankivsk: V-vo Prykarpatskoho natsionalnoho universytetu, 204–2011.
- Melnyk, J. (2019). *Communicative Acts in the Texts New Testament Gospels: Mental and Axiological, Moral and Ethical Factors*. Journal of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, 6(2), Ivano-Frankivsk, 119–128.
- Stepanova, Yu. (red.). (1995). *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow: Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.
- Vezhbin'ski, Ya. (2008). *Semantiko-kul'turologicheskii aspekt intertekstual'nosti v khudozhestvennom tekste*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 4, 179–187.
- Vezhbin'ski, Ya. (2015). *Semanticheskoe prostranstvo slova Dom v russko-pol'skom sopostavlenii (na materiale slovarnykh tolkovanii i paremiologicheskikh izrechenii)*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 11, 165–170.
- Vezhbitskaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Vorozhbitova, A.A. (2018). *Lingvitorika: osnovy rechevogo samovershenstvovaniya*. Sochi: RITs FGBOU VO „SGU”.
- Yerushevych, H., Melnyk Ya. (2002). *Vstup do rytoryky*. Ivano-Frankivsk: Hostynets.

Наталья Пятаева

 <https://orcid.org/0000-0001-7027-3045>

Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка

Филологический факультет

Кафедра языкознания и лингводидактики

220030, Республика Беларусь,

г. Минск, ул. Советская, д. 18, корп. 2

Pjataeva@yandex.ru

К проблеме лексикографической параметризации терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков

On the Problem of Lexicographic Parametrization Terminologies of Historical Lexicology of Eastern Slavic Languages

Резюме

За триста лет изучения и лексикографической параметризации лексической системы восточнославянских языков сформировался корпус отраслевой терминологии исторической лексикологии и смежных с ней дисциплин (синхронной лексикологии, семаснологии, этимологии, диалектологии, исторической фонетики и грамматики близкородственных языков), который до настоящего времени не нашёл отражения в терминологическом словаре.

Статья знакомит со сформированным корпусом терминов (1307 единиц) исторической лексикологии и намечает пути отражения его в отраслевом терминологическом словаре алфавитно-гнездового типа, составление которого основано на использовании системы лингвистических методов и методик: методики сплошной выборки терминов и терминологических обозначений из лингвистических словарей, справочников, энциклопедий и научной литературы; методики формирования корпуса отраслевой терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков; метода семантического анализа содержания термина и тематического анализа терминологического корпуса; методики разработки терминологических дефиниций.

Словарь будет состоять из двух частей: первая – словарь алфавитно-гнездового типа, вторая – тематический список терминов, объединённых перекрёстными ссылками. Корпус терминов распределяется на 10 тематических групп: теория исторической лексикологии, славянские языки, история восточнославянских языков, этимология, лексикология, семасиология, словообразование, морфология, диалектология, лексикография.

Словарная статья первой части будет включать зоны: 1) заглавное слово или терминологическое сочетание с постановкой ударения и вариантными (синонимичными) терминами,

если таковые имеются; 2) необходимые грамматические и/или функциональные пометы; 3) краткая этимология термина; 4) дериваты, имеющие отношение к терминологии исторической лексикологии, с описанием их семантики; 5) дефиниция (со ссылкой на ранее изданный словарь, если она разработана не автором данного словаря); 6) языковые иллюстрации, демонстрирующие явление, поименованное данным термином; 7) ссылка на вторую часть словаря, т.е. указание на тематическую группу, к которой относится термин. В качестве образцов в статье приведены две экспериментальные словарные статьи «Ахрония//панхрония» и «Корень (слова)».

Ключевые слова: историческая лексикология восточнославянских языков, корпус терминов исторической лексикологии, терминологический словарь, макро- и микроструктура словаря, экспериментальная словарная статья.

Summary

Over three hundred years of study and lexicographic parameterization of the lexical-semantic system of East Slavic languages has led to the emergence of a corpus of industry terminology of historical lexicology and related disciplines (synchronous lexicology, semasiology, etymology, dialectology, historical phonetics and grammar of closely related languages), which, until today, has not been reflected in any terminology dictionary.

The article discusses a compiled corpus (1307 units) of historical lexicology terms and proposes ways to incorporate it in the industry terminological dictionary of an alphanumeric type, the compilation of which is based on the use of a system of linguistic methods and techniques, such as a continuous selection of terms and terminological notation from linguistic dictionaries, reference books, encyclopedias and scientific literature; methods of compiling the corpus of industry terminology of historical lexicology of East Slavic languages; the method of semantic analysis of the content of terms and a thematic analysis of the terminological corpus; methods of the development of terminological definitions, etc.

The dictionary will consist of two parts: the first is an alphabetical-nested type dictionary, the other is a thematic list of cross-referenced terms. The corpus of terms is divided into 10 thematic groups: the theory of historical lexicology, Slavic languages, the history of East Slavic languages, etymology, lexicology, semasiology, word formation, morphology, dialectology, lexicography.

The vocabulary piece in the first part will include the following areas: 1) the headword or terminological combination with accent and variable (synonymous) terms, if any; 2) the necessary grammatical and/or functional labels; 3) a brief etymology of the term; 4) derivatives related to the terminology of historical lexicology with a description of semantics; 5) definition (with reference to a previously published dictionary, if it had not been developed by the author of this dictionary); 6) language illustrations demonstrating the phenomenon named by the relevant term; 7) references to the other body of the vocabulary, i.e. an indication of the thematic group to which a term belongs. As examples, the article covers are two experimental dictionary entries “Achronology //panchronology” and “Root (words).”

Keywords: historical lexicology of East Slavic languages, corpus of terms of historical lexicology, terminological dictionary, dictionary macro and microstructure, experimental dictionary entry.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая лексикология восточнославянских языков – одно из самых актуальных и весьма сложных направлений славистики наших дней, задача которого – исследование словарного состава близкородственных языков в его изменениях во времени, опирающееся на изучение истории отдельных слов и классов слов, объединяемых на основании общности происхождения и семантики, каковыми являются такие крупные группировки слов, как этимологические гнёзда.

Осуществление этой задачи возможно на основе комплексного динамического (синхронно-диахронического) подхода к изучению структуры крупных сверхсложных лексических объединений на оси сменяющих друг друга лингвохронологических уровней в истории близкородственных языков, что даёт возможность проследить историческое функционирование лексики этимологического гнезда в непрерывности её развития, объяснить многие факты современного состояния и обнаружить скрытые межгнездовые связи. Методологической базой подобного исследования является положение о языковом развитии, понимаемом как изменчивость, вариабельность языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры, что и обуславливает сочетание принципов системоцентрического и антропоцентрического, синхронного и диахронического описания языков.

Цель статьи – представить корпус терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков, сформировавшийся в современной диахронической лингвистике, и обозначить пути отражения его в отраслевом терминологическом словаре алфавитно-гнездового типа.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

За 300 лет, начиная с XVIII в., историческая лексикология сформировалась как самостоятельная лингвистическая дисциплина в трудах польских, русских, белорусских, украинских и болгарских учёных: Ф.П. Поликарпова-Орлова (1704)¹, И.И. Носовича (1846–1853), акад. П.С. Билярского (1847), акад. А.Х. Востокова (1852), П.А. Лавровского (1863), И.П. Новицкого (1874), А.С. Будиловича (1878), акад. И.И. Срезневского (1890–1912), С.К. Булича (1893), А.Л. Дювернуа (1894), акад. Е.Ф. Карского (1895–1928), Е. Тимченко (1930), Л.А. Булаховского (1934), Ф.П. Филина (1949, 1984), А.М. Селищева (1952), П.Я. Черных (1956),

---

¹ Обзор составлен в виде хронологического списка лингвистов, в скобках после фамилии учёного указывается год (годы) издания работ по исторической лексикологии.

О.Н. Трубочёва (1959–1966), В.К. Чичагова (1959), акад. Н.И. Толстого (1963–1969), М.А. Брицына (1965), Ю.С. Сорокина (1965), А.С. Львова (1966–1975), О.Г. Пороховой (1969–1988), Б.А. Успенского (1969), Ф.П. Сороколетова (1970), В.В. Веселитского (1972), акад. Фр. Славского (1974), А.С. Львова (1975), акад. В.В. Виноградова (1977), И. Еленского (1980), Н.Г. Михайловской (1980), Г.В. Судакова (1983), В.В. Колесова (1986), В.Я. Дерягина (1987), Е.С. Копорской (1988), К.П. Смолиной (1990), А.Е. Аникина (1993), Р.М. Цейтлин (1996), В.М. Живова (2009, 2017), И.С. Улуханова (2012), Г.А. Богатовой (2016) и др.

Большой вклад в практическое использование и уточнение дефиниций историко-лексикологической терминологии внесли словари:

1) многоязычные переводные (с классических языков) словари XVI – начала XIX вв.: *Лексисъ* Лаврентия Зизания (Зизаний, 1596)²; переизданный в 2015 г. *Греко-славяно-румынско-латинский словарь* Николая Спафария, составленный в XVII в. (Milesku, 2015); *Лексиконъ треязычный* Ф.П. Поликарпова-Орлова (Поликарпов-Орлов, 1704); *Новый словотолкователь* Н. Яновского (Яновский, 1803–1806);

2) этимологические словари: *Этимологический словарь русского языка* А.Г. Преображенского (нач. 1910)³; *Slavisches etymologisches Wörterbuch* Э. Бернекера (Berneker, 1924); *Этимологический словарь русского языка* М. Фасмера (1950); *An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language* Я.-Б.А. Рудницкого (Рудницкий, 1962–1977); *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* под ред. О.Н. Трубочёва (нач. 1974); *Słownik prasłowiański* под ред. Фр. Славского (SP, 1974–2001); *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* под ред. В.У. Мартынова (ЭСБМ, 1978–2017); *Этимологически-семантический словарь украинского языка* И. Огиенко (Огиенко, 1979–1995); *Этимологічний словник української мови* под ред. А.С. Мельничука (ЕСУМ, 1982–2012); *Историко-этимологический словарь современного русского языка* П.Я. Черных (1994); *Этимологический словарь современного русского языка* А.К. Шапошникова (2010);

3) толковые исторические словари отдельных восточнославянских и славянских языков: *Материалы для словаря древнерусского языка* И.И. Срезневского (1893); *Историчний словник української мови* под ред. Е. Тимченко (ІСУМ, 1930–1932); *Старославянско-русский словарь* А.М. Селищева (Селищев, 1952); *Словарь русского языка XI–XVII вв.* под ред. С.Г. Бархударова (нач. 1975); *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* под ред. Л.Л. Гулецькой и И.М. Керницького (ССМ, 1977–1978); *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* под ред. А.М. Бульки

² В список литературы в целях экономии внесены только те издания, которые могут быть не известны широкому кругу читателей.

³ Указания на словари в тексте статьи даются в соответствии с годом выхода словаря из печати или начала публикации многотомных продолжающихся изданий (с пометой «нач.» в круглых скобках).

(ГСБМ, 1982–2017); *Словарь русского языка XVIII в.* под ред. Ю.С. Сорокина (нач. 1984); *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* под ред. Р.И. Аванесова (нач. 1988); *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* (СУМ XVI–XVII ст., 1993–2018); *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)* Э. Благовой и Р.М. Цейтлин (1999); *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* под ред. О.С. Мжельской (нач. 2004); *Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы* А.М. Булыки (Булыка, 2015) и др.

К началу XXI в. в России, Беларуси, Украине и Болгарии сложился не-большой фонд учебников и учебных пособий по исторической лексикологии русского языка (Филин, 2008; Черных, 2011; Брицын, 1965; Биржакова, Войнова, Кутина, 1972; Булахов, 2001; Еленский, 1980; Улуханов, 2012; Цейтлин, 1990; Судаков, 2010; Пятаева, 2018), однако среди них нет фундаментального «классического» учебника и/или академического труда, которые бы представили динамику восточнославянской лексики от праславянского до современного состояния на фоне истории лексической системы белорусского, русского, украинского и, шире, славянских языков. Причиной тому (на наш взгляд) является чрезвычайная сложность и беспрецедентный объём предмета исторической лексикологии. До сегодняшнего времени не существует и словаря терминологии исторической лексикологии, кроме проекта алфавитного справочника по этимологии и исторической лексикологии (54 страницы текста формата А 4), подготовленного Ж.Ж. Варбот и А.Ф. Журавлёвым в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН, но не изданного. Более того, в современных терминологических словарях и лингвистических энциклопедиях терминология этимологии и исторической лексикологии представлена очень кратко: одна словарная статья *Этимология*, исторической лексикологии посвящён небольшой фрагмент в словарной статье *Лексикология*. Исключением является многотомный фундаментальный, не имеющий аналогов в мировой терминографии *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии* М.Г. Булахова, к сожалению, изданный тиражом всего в 50 экземпляров (Булахов, 2002). В этом словаре представлено более половины (64%) терминов, включённых нами в корпус отраслевой терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков.

Методы исследования: методика сплошной выборки терминов и терминологических обозначений из лингвистических терминологических словарей, справочников, энциклопедий и научной литературы по этимологии и исторической лексикологии восточнославянских языков; методика формирования корпуса отраслевой терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков; семантический и тематический анализ терминов⁴; методика разработки терминологических дефиниций; методика лексикографической параметризации корпуса отраслевой терминологии.

⁴ Методика описана в статье (Сунь Шуфан, Шелов, 2017).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Корпус терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков включает 1307 единиц (допускаем, что это не окончательная цифра), которые предполагается разместить в составляемом автором настоящей статьи отраслевом терминологическом словаре.

Словарь будет состоять из двух частей: первая – собственно словарь алфавитно-гнездового типа, вторая – тематический список включённых в первую часть терминов, снабжённый ссылками на страницу и наименование словарной статьи (в первой части словаря), в которой даётся дефиниция термина. Соответственно, в первой части термины будут снабжены ссылками на тематические группы, помещённые во второй части словаря, т.е. словарь будет иметь два входа – алфавитно-гнездовой и тематический, объединённые перекрёстными ссылками. Помимо словников, предполагается включить в словарь по возможности исчерпывающие списки терминологических лингвистических словарей и энциклопедий, этимологических и исторических словарей восточнославянских языков, послуживших основой формирования словника данного словаря и материалом для языковых иллюстраций, используемых в качестве демонстрации языковых явлений, описываемых или поименованных конкретным термином данного словаря.

Корпус терминов распределяется на 10 тематических групп: теория исторической лексикологии; славянские языки; история восточнославянских языков; этимология; лексикология; семасиология; словообразование//дериватология; морфология; диалектология; лексикография.

Словарная статья первой части словаря будет включать зоны: 1) заглавное слово или терминологическое словосочетание с постановкой ударения и вариантными (синонимичными) терминами, если таковые имеются, разделяемыми двойным слешем, например: **ахронія//панхронія**; 2) необходимые грамматические и/или функциональные пометы⁵, система которых сложилась в российской лексикографии (см. подробно об этом в статье (Щербин, 2018); 3) краткая этимология термина; 4) дериваты, имеющие отношение к термино-

---

⁵ Поскольку словарь рассчитан на подготовленного читателя – лингвиста, занимающегося исторической лексикологией или обращающегося к словарю за необходимыми сведениями, аспиранта, магистранта или студента, уже имеющих базовое лингвистическое образование, – грамматические и функциональные пометы будут сопровождать только те термины, которые требуют дополнительных характеристик в образовании их грамматических форм или употреблении, например: *адвербиализованный//адвербиализованный* (редк.), *адвербиализоваться//адвербиализоваться* (редк.), *адъективированный//адъективировавшийся* (редк.), *аканье//акание* (устар.), *варваризм//барбаризм* (устар.), *великорусизм* (редк.), *титло//взмет* (устар.), *грецизмы//византизмы* (редк., устар.) и т. под.

логии исторической лексикологии⁶, с описанием семантики, если это необходимо; 5) дефиниция (со ссылкой на ранее изданный словарь, если дефиниция разработана не автором данного словаря); 6) языковые иллюстрации, демонстрирующие явление, поименованное данным термином; 7) ссылка на вторую часть словаря, т.е. указание тематической группы, к которой относится данный термин и страницы второй части словаря, где он располагается.

Образцы экспериментальных словарных статей см. на схемах № 1 и 2.

На схеме № 1 представлена статья «Ахрония//Панхрония», относящаяся к тематической группе «Теория исторической лексикологии», поэтому словарная статья содержит дефиницию, описание происхождения (заимствование из древнегреческого языка) и, в качестве иллюстраций, цитаты из учебников по теории языка и терминологического словаря О.С. Ахмановой, с разных точек зрения трактующие данный термин.

Схема № 1. Экспериментальная словарная статья отраслевого терминологического словаря исторической лексикологии восточнославянских языков (1)

ахро́ния//панхро́ния (от греч. отрицат. частицы *ἀ/παν* ‘весь, всё, всякий’ и *χρόνος* ‘время’) → ахро́нический//панхро́нический

Исследование и описание лингвистических явлений и фактов языка без учёта временной перспективы, т.е. как всеобщих, универсальных, вневременных, присущих человеческому языку вообще, вне отношения к конкретным этническим//национальным языкам.

В результате разрыва *синхронии* и *диахронии*, ввиду явной бесплодности диахронического изучения выдернутых из системы изолированных фактов, многие зарубежные последователи Соссюра провозгласили *ахронию*, т.е. вовсе исключили фактор времени из изучения языка. Реформ. Введ. в языковед., 41.

Подход к явлениям языка, требующий исключения фактора времени из языковедческого исследования и ставящий целью изучение свойств человеческого языка вообще. Эти свойства предполагаются неизменными и поддающимися обнаружению на каждом этапе развития конкретного языка; ср. *панхрония*. Ахман. СЛТ, 62.

И если применительно к языку Соссюр различал *синхронию* и *диахронию*, т.е. рассмотрение языка в современном его состоянии и историческом развитии, то один из теоретиков глоссематической теории В. Брёндаль наряду с указанными изменениями языка выдвигает третий – *панхронию*, или *ахронию*, т.е. фактор вневременной, дающий о себе знать в строе любого языка. Берез., Голов. Общ. языкозн., 327. (Булахов, т. 1, 71).

Ч. II. ТГ I. С. ...

⁶ Так сложилось, что дериваты производящего термина могут относиться к разным отраслям лингвистической терминологии, например: *ахрония* → *ахронический* и *ахрония* → *ахронистический*. В первой словообразовательной паре оба термина относятся к теории исторической лексикологии: ‘вневременное явление в языке’ → ‘относящийся к такому явлению’. Во второй паре производный термин *ахронистический* ‘употребляемый в изречениях, афоризмах, пословицах и т.п., представляющих явление, действие или процесс как вневременной, как общее правило, общий признак, сообщающий общую истину’ относится к терминологии фразеологии и имеет синоним *гномический*.

На второй схеме представлена словарная статья «Корень (слова)» тематической группы «Словообразование//дериватология», имеющая стандартную структуру для алфавитно-гнездовой части словаря, а именно: заглавное слово-термин с дефиницией; на первой ступени деривации – термины и терминологические обозначения, образованные от заглавного слова и расположенные в следующем порядке: составные термины, первая часть которых представляет заглавное слово с расширителем (например, *корень-основа*); термины-словосочетания AdjN (*свободный корень*, *связанный корень*) и N_1N_2 (*алломорф корня*); производные термины-прилагательные, способ образования которых показан выделением дефисами производящего суффикса (*корн-ев-ой*, *корн-н-ые слова*); термины – сложные слова (*корн-е-о-предделители*, *корн-е-расширительные суффиксы*, *корн-е-слов*); на второй ступени деривации порядок следования производных терминов такой же,

Схема № 2. Экспериментальная словарная статья отраслевого терминологического словаря исторической лексикологии восточнославянских языков (2)

кóрень (слова) – центральная морфема слова, обязательно присутствующая в слове и заключающая в себе основной элемент (сему) лексического значения слова, например: *-сух-* в словах *сухой*, *засуха* (РЯЭ, 116).
 → **корень-основа** – корень, совпадающий с основой слова (Булахов, т. 2, 48), например: *дом* □, *сух-ой*, *дв-а*, *т-а* (указательное местоимение), *да-ть*.
 → **свободный корень** – центральная морфема слова, которая может присутствовать в слове свободно, т.е. без приставок (префиксов) или суффиксов, в отличие от *корня связанного* (см.), который без таких морфем не встречается на определённом синхронном уровне существования языка (например, в современном русском литературном языке). Примеры свободных корней: *дом* □ – *дом-ашн-ий*, *на-дом-ниц-а*.
 → **связанный корень** – центральная морфема слова, которая на определённом синхронном уровне существования языка, например, в современном русском литературном языке, встречается исключительно в сопровождении приставок (префиксов) или суффиксов; *связанный корень* – это показатель исторических изменений в лексической системе языка: с утратой производящего (непроизводного слова с некогда свободным корнем), его префиксальные и суффиксальные производные продолжают существовать в языке, сохраняя прозрачный корень, например: от праславянского *у-ти (*u-ti) ‘надевать обувь’, восходящего к индоевропейскому глагольному корню **eu-* : **ou-* ‘натягивать, надевать’, образованы префиксальные глаголы *об-у-ть* (→ *обувь*) и *раз-у-ть*, в которых в современном русском литературном языке выделяется связанный корень *-у-*.
 → **алломорф корня** – фонетический вариант корня, появившийся в языке вследствие исторических изменений в фонетической системе языка, например: *сон* □ – *сн-а* (историческое чередование гласных (о//ø) ‘ноль гласного’ в современном русском языке обусловлено действием закона падения редуцированных, которые в сильных позициях, в частности для данного слова, под ударением изменились в гласные полного образования, а в слабых – утратились, перестали произноситься), *скак-а-ть* – *в-скокч-и-ть* (историческое чередование согласных (к//ч) в современном русском литературном языке обусловлено действием закона первой палатализации заднеязычных (к, г, х) согласных, которые перед гласными переднего ряда изменялись в шипящие звуки).

→ **корн-ев-ой//коренной** (редк.) – относящийся к корню слова, находящийся в составе корня.

→ **корневой аблаут** – чередование гласных в корне слова, обусловленное действием фонетических законов, например: *бр-а-ть* – *со-бир-а-ть* – *со-бер-у*, *скак-а-ть* – *в-скоч-и-ть*, *сон□* – *сн-а*.

→ **корневое гнездо** (КГ) – гнездо однокоренных слов, возглавляемое связанным корнем, непроизводная вершина которого (некогда слово со свободным корнем) утратилась на определённом уровне развития языка, например, утрата в современном русском литературном языке синонимичных глаголов, образовавших видовую пару, **имати** – **ти//няти** ‘брать, хватать’ привела к тому, что их производные префиксальные глаголы образовали самостоятельные словообразовательные гнезда (см.), входящие в одно корневое гнездо: *-им-* – *-я-//-ня-* → *взывать* – *взять*, *донимать* – *донять*, *занимать* – *занять*, *нанимать* – *нанять*, *перенимать* – *перенять*, *поднимать* – *поднять*, *понимать* – *понять*, *принимать* – *принять*, *разнимать* – *разнять*, *снимать* – *снять*, *унимать* – *унять*.

→ **корен-н-ые слова** (то же что *первообразные слова*) (устар.) – древние, изначальные, непроизводные слова (Булахов, т. 2, 381).

→ **корн-е-слов** – тип словаря, в котором родственные по корню слова фиксируются и объясняются в одном гнезде. См.: Шимкевич М.С. «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя европейскими языками» (СПб., 1842) (Булахов, т. 2, 50).

→ **корн-е-слово//корн-е-словие** (устар.) – образование слов от одного и того же корня (Булахов, т. 2, 50), ср. *производность//деривация*.

→ **корнеслов-н-ый** (устар.) – расположенный, объясняемый по гнездовому принципу (Булахов, т. 2, 50). Ч. II. ТГ 7. С. ...

как на первой (*корневой* → *корневой аблаут*, *корневой* → *корневое гнездо*); вариантные термины отделяются двойным слешем (*корн-е-слов//корн-е-слово//корн-е-словие*); если термин имеет в современной лингвистике общепринятое сокращение, оно даётся в круглых скобках рядом с ним, например: *корневое гнездо* (КГ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Более чем трёхсотлетний период в развитии теории исторической лексикологии восточнославянских языков и в становлении системы этимологических и исторических словарей, последовательно отражающих лингвохронологические уровни в существовании русского, белорусского и украинского языков, требует обобщения, уточнения и систематизации сложившейся терминологии исторической лексикологии и смежных с ней отраслей лингвистики – этимологии, истории литературных языков, исторической фонетики, словообразования и морфологии.

2. Сформированный корпус отраслевой терминологии исторической лексикологии восточнославянских языков содержит 1307 терминов, рас-

пределённых на 10 тематических групп: теория исторической лексикологии (например: *антропоцентрический принцип современной лингвистики, асимметрия в языке, ахрония//панхрония, бифуркация, закон аналогии*); славянские языки (*архаически-славянский, аффилиация, болгаризация, глаголита//глаголица, граффити*); история восточнославянских языков (*великорусская народность, вторая палатализация заднеязычных, второе полногласие, второе южнославянское влияние, высокий стиль*); этимология (*апофонический вариант, архетип, византизмы//грецизмы, внутренняя форма слова, генетическая общность слов*); лексикология (*активный и пассивный словарь, антонимирование, архаизация слов//форм, бинарные лексические оппозиции, варианты лексем*); семасиология (*активное и пассивное значение слова, ассоциативное поле, глубинная структура лексического значения слова, десемантизация, семантическая валентность слова*); словообразование//дериватология (*адвербиализация, аугмент, аффикс, безлость гласных, вершина словообразовательного гнезда*); морфология (*алломорф, граммема, двойственное число, двувидовой глагол, деморфологизация*); диалектология (*аканье, говор, диалектизация, диалектоноситель, диссимилиативный*); лексикография (*азбуковник, аспектные словари, БАС₃, гнездовой принцип построения словаря, диалектография*).

3. Корпус является основой для составления алфавитно-гнездового тематического словаря терминологии исторической лексикологии, мега- и макроструктура которого описаны в настоящей статье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина Л.Л. (1972). *Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в.: языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука.
- Брицын, М.А. (1965). *Из истории восточнославянской лексики*. Киев: Наукова думка.
- Булахов, М.Г. (2001). *Славянские языки: происхождение, история, современное состояние*. Минск: Издательство Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.
- Булахов, М.Г. (2002). *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5-ти т.* Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка.
- Булыка, А.М. (2015). *Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская навука.
- ГСБМ – Булыка, А.М. (рэд.) (1982–2017). *Гістарычны слоўнік беларускай мовы: Ў 37 т.* Мінск: Беларуская навука.
- Еленский, И. (1980). *Историческая лексикология русского языка*. Велико-Тырново: Издательство Велико-Тырновского университета.
- ЕСУМ – Мельничук, О.С. (голов. ред.) (1982–2012). *Етимологічний словник української мови. Т. I–VI*. Київ: Наукова думка. (Издание не завершено).

- Зизаний, Л. (1596). *Лексисъ сирѣчь реченія въкратцѣ събранны и изъ славенскаго ѡзыка на простый рускій діалектъ истолкованы*. Вильно.
- ІСУМ – Тимченко, Е. (ред.) (1930–1932). *Історичний словник української мови*. Т. 1–24. Харків-Київ: Наукова думка.
- Огиенко, І. (1979–1995). *Етимологічно-семантичний словарь українського языка*. Т. 1–4. Вінніпег: УВАН.
- Поликарпов-Орлов, Ф.П. (1704). *Лексиконъ трязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, сллино-греческихъ и латінскихъ сокровище*. Москва.
- Пятаева, Н.В. (2018). *Історическая лексикология русского языка: динамическое описание етимологическихъ гнѣзд*. Учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА.
- Селищев, А.М. (1952). *Старославянско-русский словарь*. В: Селищев, А.М. *Старославянский язык*: В 2-х ч. Ч. 2. Москва: Наука.
- ССМ – Гулецькая, Л.Л., Керницький, І.М. (ред.) (1977–1978). *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*: У 2-х т. Київ: Наукова думка.
- Судаков, Г.В. (2010). *Істория русского слова*. Учеб. пособие. Вологда: Издательство Вологодского государственного педагогического университета.
- СУМ XVI–XVII ст. – *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*: Вип. 1–16. (1993–2018). Львів: Наукова думка, (Іздання не завершено).
- Сунь, Шуфан, Шелов, С.Д. (2017). *Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания*, Вопросы языкознания, 6, 102–114. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003840-3>
- Улуханов, І.С. (2012). *Історическое словообразование. Історическая лексикология*. Учеб. пособие. Москва: ООО «ЛЕКСРУС».
- Филин, Ф.П. (2008). *Історическая лексикология русского языка*. Москва: Издательство ЛКИ.
- Цейтлин, Р.М. (1996). *Сравнительная лексикология славянскихъ языковъ X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы*. Москва: Наука.
- Черных, П.Я. (2011). *Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период*. Москва: Книжный дом «Либроком».
- ЭСБМ – Мартынаў, В.У., Цыхун Г.А. (рэд.) (1978–2017). *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–14. Мінск: Беларуская навука. (Іздання не завершено).
- Щербин, В.К. (2018). *Толковый словарь среднего объёма в системе русского лексикографического мейнстрима*, Вопросы языкознания, 6, 124–138. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0002024-5>
- Яновский, Н. (1803–1806). *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту*: В 3-х ч. Санкт-Петербург: Издательство Императорской Академии Наук.

***

- Berneker, E. (1924). *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Milesku, Spătarul Nicolae. (2015). *Dicționarul greco-slavo-româno-latin (stocolul al XVII –lea) = Греко-славяно-румынско-латинский словарь (XVII в.) = Greek-slavonic-romanian-latin dictionary (17th century)*. Chișinău: Arc.
- Rudnyckyj, J-B.A. (1962–1977). *An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language*. Part 1–16. Winnipeg: УВАН.
- Sławski, Fr. (1952–1956). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Т. I–II. Kraków: Nakładem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego.
- SP – Sławski, Fr. (red.) (1974–2001). *Słownik prasłowiański*. Т. I–VII. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

***

- Birzhakova, E.E., Voinova, L.A., Kutina L.L. (1972). *Ocherki istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka XVIII v.: yazykovye kontakty i zaimstvovaniya*. Leningrad: Nauka.
- Britsyn, M.A. (1965). *Iz istorii vostochnoslavianskoi leksiki*. Kiev: Naukova dumka.
- Bulakhov, M.G. (2001). *Slavyanskije yazyki: proisxozhdenie, istoriya, sovremennoe sostoyanie*. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni Maksima Tanki.
- Bulakhov, M.G. (2002). *Opyt istoricheskogo slovary russkoi lingvisticheskoi terminologii: V 5-ti t.* Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Maksima Tanki.
- Bulyka, A.M. (2015). *Karotki gistarychny sloŭnik belaruskaj movy*. Minsk: Belaruskaya navuka.
- Chernykh, P.Ya. (2011). *Ocherk russkoi istoricheskoi leksikologii: Drevnerusskii period*. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom».
- Elenskii, I. (1980). *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka*. Veliko-Tyrnovo: Izdatel'stvo Veliko-Tyrnovskogo universiteta.
- ESBM – Martynaŭ, V.U., Tsykhun G.A. (red.) (1978–2017). *Etymalagichny sloŭnik belaruskaj movy*. T. 1–14. Minsk: Belaruskaya navuka. (Izдание ne zaversheno).
- ESUM – Melnychuk, O.S. (holov. red.) (1982–2012). *Etymolohichnyi slovnyk ukrainskoi movy*. T. I–VI. Kyiv: Naukova dumka. (Izдание ne zaversheno).
- Filin, F.P. (2008). *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- GSBM – Bulyka, A.M. (red.) (1982–2017). *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy: Ÿ 37 t.* Minsk: Belaruskaya navuka.
- ISUM – Tymchenko, E. (red.) (1930–1932). *Istorychnyi slovnyk ukrainskoi movy*. T. 1–24. Kharkiv-Kyiv: Naukova dumka
- Ogienko, I. (1979–1995). *Etimologicheskii-semanticheskii slovar' ukrainskogo yazyka*. T. 1–4. Vinnipeg: UVAN.
- Polikarpov-Orlov, F.P. (1704). *Leksikon" treyazychnyi, sirrŭch' rechenii slavenskikh", ellinogrecheskikh" i latinskikh" sokrovishche*. Moscow.
- Pyataeva, N.V. (2018). *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka: dinamicheskoe opisanie etimologicheskikh gnezd*. Ucheb. posobie. Moscow: FLINTA.
- Selishchev, A.M. (1952). *Staroslaviansko-russkii slovar'*. V: Selishchev, A.M. *Staroslavianskii yazyk: V 2-kh ch. Ch. 2*. Moscow: Nauka.
- Shcherbin, V.K. (2018). *Tolkovi slovar' srednego ob'ema v sisteme russkogo leksikograficheskogo meinstrima*, *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 124–138. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0002024-5>
- Sudakov, G.V. (2010). *Istoriya russkogo slova*. Ucheb. posobie. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- SUM XVI–XVII st. – *Slovník ukrains'koj movi XVI – pervoi polovini XVII st.*: Vip. 1–16. (1993–2018). L'viv: Naukova dumka. (Izдание ne zaversheno).
- Sun', Shufan, Shelov, S.D. (2017). *Termin kak osnovnaya edinitsa terminologii: raznoobrazie opredelenii i edinstvo ponimaniya*, *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 102–114. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003840-3>
- Tseitlin, R.M. (1996). *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov XI–XIV/XV vv. Problemy i metody*. Moscow: Nauka.
- Ulukhanov, I.S. (2012). *Istoricheskoe slovoobrazovanie. Istoricheskaya leksikologiya*. Ucheb. posobie. Moskva: OOO «LEKSRUS».
- Yanovskii, N. (1803–1806). *Novyi slovotolkovatel', raspolozhenniy po alfavitu: V 3-kh ch.* St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii Nauk.
- Zizanii, L. (1596). *Leksis" sirrŭch' recheniia v"krattsŭ s"branny i iz" slavenskago jazyka na prostyi russkii dialek" istolkovany*. Vil'no.

Кристияна Симеонова

 <https://orcid.org/0000-0002-9161-853X>

Институт болгарского языка

Болгарская академия наук

София, 1113, бул. „Шипченски проход” № 52, бл. 17

k.simeonova@ibl.bas.bg

Современный болгарский и русский политический дискурс – тенденции, сходства, закономерности

Modern Bulgarian and Russian Political Discourse – Trends, Similarities, Patterns

Резюме

Данный доклад посвящен некоторым интересным языковым явлениям, которые наблюдаются сегодня в болгарском и русском общественно-политическом дискурсе. Эти явления имеют сходный характер, который объясняется сходным характером некоторых политических и экономических процессов в обеих странах. Такими типичными для обоих языков явлениями являются растущая обусловленность общественно-политической лексики экстралингвистическими факторами, вхождение в эту лексику более раскрепощенного, более экспрессивного и более образного языка, выход из активного употребления части лексики, связанной с периодом социализма и др. Автор рассматривает интересные примеры, excerpiрованные в основном из российских средств массовой информации, которые иллюстрируют эти явления. Основным выводом настоящего исследования является то, что сегодняшние тенденции и явления в болгарском и русском общественно-политическом дискурсе имеют сходный характер. Конечно, это не нетипично, когда речь идет о двух генетически связанных и родственных языках.

Ключевые слова: сопоставительное исследование, общественно-политический дискурс, идеология, экстралингвистические факторы, метафора.

Summary

The paper is devoted to some interesting language phenomena occurring today in the Bulgarian and Russian socio-political vocabulary. These phenomena are of a similar nature, which can be attributed to the similar nature of some political and economic processes in the two countries. Such phenomena typical of both languages are manifested in a growing influence exerted on the socio-political vocabulary by extra-linguistic factors, emergence of an increasingly expressive language,

eradication of part of the vocabulary related to the period of socialism from active use, and others. The author points to many interesting examples, taken mostly from the Russian mass-media, to illustrate these phenomena. The main conclusion of the study is that today's trends and phenomena in the Bulgarian and Russian socio-political discourse are of a similar nature. Certainly, this should not come as a surprise given the genetical relationships between the two languages.

Keywords: comparative study, socio-political discourse, ideology, extralinguistic factors, metaphor.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестным является факт, что язык как общественное явление не может оставаться равнодушным и незатронутым тем, что происходит в жизни общества. Наоборот! Коренные изменения в общественно-политической, экономической и социальной жизни неизбежно находят свое отражение в языке и, прежде всего, в лексике, поскольку она наиболее быстро и остро реагирует на эти изменения, отражая их новыми лексическими и фразеологическими единицами. Любое радикальное изменение условий, в которых живут носители данного языка, находит наиболее полное отражение в основном в области общественно-политической лексики, которая меняется с интенсивностью, зависящей от величины изменений в политической и экономической обстановке. Чем крупнее и радикальнее изменения в социально-политической и экономической сфере, тем больше они и в общественно-политической лексике.

Цель настоящей статьи – проследить некоторые из наиболее важных тенденций развития современного болгарского и русского общественно-политического дискурса. Сформулированная таким образом цель объективно предполагает использование синхронного подхода, который изучает и описывает языковую систему только в течение определенного конкретного периода ее существования (в данном случае речь идет о современном периоде). Благодаря синхронному подходу языковые явления рассматриваются вдоль оси одновременности. Основным научным методом, который я буду использовать в этом исследовании, является компаративный (сравнительный), с помощью которого я изучаю зарегистрированные в двух языках соответствия. Научное сравнение языков помогает нам лучше понять некоторые похожие языковые процессы, существующие в двух или более языках. Кроме того, при проведении некоторых анализов неизбежно появляются элементы когнитивизма. Происходит это потому, что политическая лексика напрямую отражает связь человека с обществом и временем, в котором он живет. В связи с этим речь идет не только об отражении объективной действительности, но

и о выражении жизненного опыта, концептуализации мира, определенных понятий, взглядов, эмоций, психических установок, восприятий, ценностей, оценочных моментов и т. д.

ИЗЛОЖЕНИЕ

Вопрос о самых характерных явлениях, происходящих сегодня в болгарском и русском политических дискурсах, чрезвычайно обширен и не может быть исчерпан в рамках короткого изложения. Здесь я попытаюсь остановиться только на самых важных из них. Современная политическая лексика болгарского и русского языка отражает на лингвистическом уровне динамические и крупные изменения, наступившие в общественно-политической, экономической и социальной жизни в обеих странах и во всем мире за последние двадцать лет.

1. Из наиболее характерных явлений в болгарской и русской политической лексике я прежде всего упомяну об **усилении процесса неологизации**. Наша современность характеризуется значительными изменениями в различных областях жизни, с интенсивным развитием науки, компьютерной, информационной и телекоммуникационной технологии, с процессами европейской интеграции, глобализации, рыночной экономики и т.д. В ходе всего этого и с развитием познавательной деятельности человека постоянно появляются новые понятия, которые, как обобщенное отражение реальности в сознании людей, отражают полученные новые знания. В последние годы произошли серьезные, фундаментальные и существенные изменения в общественно-политической, экономической и социальной жизни в Болгарии и в России. Эти изменения, а также глобализация политического мира приводят к появлению новых объектов, явлений, процессов, видов деятельности, организаций, отношений и т. д., и это сопровождается необходимостью называть их. Взаимозависимость между возникающими новыми понятиями и их языковой номинацией через создание соответствующего названия приводит к появлению в языке широкого слоя неологии. Неологизмы называют новые и коммуникативно актуальные понятия. Появляющаяся новая лексическая единица использует словообразовательные возможности языка, в котором она появляется, и строится в соответствии с его нормами. Вопрос о появлении новых слов в языке очень актуальный и дискуссионный. Существует три основных способа: прямое заимствование готовых слов, калькирование и формирование слов средствами родного языка. Еще более сложным является вопрос о том, каким должно быть соотношение между этими тремя способами, должен ли один из них иметь приоритет над други-

ми, и если да, то какой и в какой степени. Как в болгарском, так и в русском политическом дискурсе, из широко используемых лексических единиц преобладающая часть имеет английское происхождение, что связано с доминирующей ролью англоязычной части мира, с экономическим и технологическим прогрессом англоязычных стран и с распространением англоязычных культур по всему миру. Калькирование также является очень продуктивным способом, на котором я не буду здесь подробно останавливаться.

Также важно подчеркнуть, что неологическая лексика очень динамична и изменчива. Она состоит из единиц, которые имеют разные судьбы с точки зрения их дальнейшего существования в лексической системе. Некоторые неологизмы утверждают себя как полноценные единицы языка. Другая часть, однако, отпадает от языка после периода активного использования. Основной причиной этого является отмирание или деактуализация их понятий и явлений. Это так называемые однодневные слова.

2. Другое очень характерное явление в современном болгарском и русском политическом дискурсе – **интернационализация**. Использование новой международной лексики в эпоху глобализации в последние двадцать лет как в болгарском, так и в русском языке расширяется. По словам М. Поповой, «интернационализм – это лингвистическая единица, принадлежащая международному языковому фонду» (Попова, 2012, 419). Интернационализмами могут быть не только слова, но и все языковые единицы от морфемы до синтаксической конструкции. Опять же, по словам М. Поповой, «интернационализм должен соответствовать двум условиям – одинаковым или сходным значениям и принадлежать как минимум трем языкам, два из которых принадлежат к разным языковым семействам» (Попова, 2012). Например, интернационализмы – это слова, используемые в политической, культурной и научной областях, таких как *политика, партия, демократия, диктатура, республика, монархия, конституция, цивилизация, прогресс, пропаганда, революция, плюрализм* и многие другие. Большую часть международного культурного слоя составляют слова, которые происходят от классических языков латинского и древнегреческого. Это относится не только к словам, но и ко многим международным аффиксам и аффиксоидам (например, суффиксы *-ист, -ант, -изм, -тор, -лог, -ация, -изация* и т. д.; префиксы и префиксоиды *анти-, архи-, мульти-, ультра-, гипер-, мини-, про-, против-, псевдо-, квази-, ре-, транс-* и т. д.).

3. Очень характерна для болгарского и русского политического дискурса – прямая связь с идеологией. Идеология представляет собой очень сложный общественный феномен. Как система определенных политических, философских и др. взглядов, идей, представлений и понятий, присущих определенной партии, классу или социальной группе, идеология является отражением общественного, политического и экономического строя определенной эпохи. Этот факт находит свое лингвистическое выражение в идеологизированности политической терминологии, учитывая то обстоятельство, что

идеологически релевантными являются только те термины, которые возникли в результате идеологического переосмысления реальности. Ряд философских и общенаучных терминов, которые входят в состав политической терминологии, не идеологизированы (Крючкова, 1989, 15). Интерес вызывает тот факт, что русский исследователь Т. Крючкова говорит о так называемой *потенциальной идеологизованности*. Под этим она понимает, что в определенных контекстах и при определенных ситуациях чуть ли не любое идеологически нейтральное слово может получить идеологическую окраску (Крючкова, 1989, 17). Также интересно то, что идеологическое значение многих терминов может меняться в разные исторические периоды в следующих основных направлениях: идеологически нейтральные термины идеологизируются (например, *демонтаж*, *перестройка*, *аннексия*, *интервенция*, *ассимиляция*, *плутократия* и т. д.); идеологически релевантные термины деидеологизируются (например, *агрессия*, *саботаж*, *реакция*, *пятилетка*, *аристократия*, *буржуазия*, *фабрикант*, *коллективизация*, *капитализм*, *бизнес* и т. д.); и так называемая вторичная идеологизация, при которой идеологический термин интерпретируется снова как идеологический, но с другим звучанием и в системе различных политических взглядов. (Например, *частная собственность*, *демократия*, *революция*, *полиция*, *рыночная экономика* и т. д.). Эти слова называются полиидеологические идеологемы. Я приведу следующие примеры. В толковых словарях болгарского языка слово *демонтаж* упоминается как слово нейтрального значения – *разборка машины или другого оборудования из ее компонентов или отсоединение детали от системы (например демонтаж автомобильного двигателя)*. После демократических изменений это слово приобретает политический смысл – *разложение и удаление определенных политических структур*. Например, *демонтаж командно-административной системы социализма*. Это слово было использовано в Заключительном докладе Пленума ЦК Болгарской коммунистической партии, который состоялся 10 ноября 1989 года. Как отмечает Л. Йорданова, «с помощью средств массовой информации это слово очень быстро активируется в языке в политическом употреблении и даже приобретает с ним словообразовательную активность (например, *монтажники и демонтажники социализма*, *демонтаж социализма*, *демонтаж старой системы* и т.д.)» (Йорданова, 1993, 13). Другой пример: раньше в русском языке слово *перестройка* не имело политического смысла. Это означало только *реорганизацию*. В 80-ах годах XX века это слово приобретает политический смысл в значении *процесс различных реформ, начатых в середине 80-х годов в Советском союзе советским лидером М. Горбачевым, целью которых, вообще говоря, является примирение социализма и демократии*.

4. Очень важным и характерным процессом в современном болгарском политическом дискурсе является **выход из активного употребления части лексики, связанной с периодом социализма**, из-за исчезновения или де-

актуализации понятий, которые она означает. Например, такие понятия, как *ленински съботник, преходно червено знаме, колхоз, совхоз, комсомол, чавдарче, стахановец, агитпропотдел, отечественофронтовец, пролетарий* и др. не понятны самому молодому поколению. Однако другая часть появившейся во время социализма лексики не вышла из активного употребления и известна даже самым молодым. К примеру, *партиен секретар, централен комитет, стенвестник, орденоносец, ударник, народна власт, социалистическа революция, политическа пропаганда, идеологическа диверсия* и др. На это интересное явление обращают внимание болгарские исследователи Л. Крумова-Цветкова и Д. Благоева. По мнению Л. Крумовой-Цветковой, «эта лексика не устаревшая, а устаревающая, так как при ней процесс старения во многих случаях еще не закончился» (Крумова-Цветкова, 2009, 366). Д. Благоева отмечает, что «однако, когда речь идет о лексике близкого переходного периода, нередко наблюдается неравномерность в деактуализационных процессах. Это означает, что возможно, чтобы лексические единицы, деактуализованные для лингвистического сознания определенных социальных групп, оставались в силе для других частей общества» (Благоева, 2012, 133).

5. Для сегодняшней болгарской и русской политической речи характерным признаком является ее **усиленная обусловленность экстралингвистическими факторами**. В сфере политики и в Болгарии, и в России наблюдается вербальная коммуникация как между политическими субъектами в рамках самой политической системы, так и между ними, с одной стороны, и остальной частью общества, с другой. Очень существенным моментом является то, что при этой коммуникации целью является не только предоставление информации, но и воздействие на зрителей или слушателей, формирование или изменение определенных убеждений, взглядов, ориентаций и пр. Это определяет все более полное проникновение в болгарский и в русский политический дискурс раскрепощенного языка, экспрессивного заряда, образности и эмоциональности высказывания с целью достижения более крупного и более яркого воздействия на слушателей. Все это вписывается в сегодняшние процессы общей демократизации языка. Однако эта демократизация была в какой-то степени неправильно воспринята как вседозволенность. В официальный политический устный дискурс и в язык печатных и электронных СМИ вторглись элементы просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы и даже, к сожалению, цинизмы. Конечно, мы не можем оправдать этот способ формального выступления, даже из-за аргумента, что язык, как общественное явление является зеркалом общества, следуя за общественным развитием, и вседозволенность во всех сферах общественной жизни логически также наблюдается и в языке. Сегодня в значительной степени ослабевают и расходятся строгие и четкие границы, которые в прошлом отделяли официальное общение от неофициального. Кроме того, из-за своего своеобразного (а, может быть, и неправильного) понимания свободы слова почти

отсутствует самоконтроль у говорящих за их собственной речью. Сегодня в официальных публичных выступлениях наблюдается сильное увеличение употребления элементов низкого стиля (т. е. разговорных, жаргонных, вульгарных и др. слов). Для того, чтобы нейтрализовать сухую и скучную книжную официальность из недавнего прошлого, сегодняшняя политическая речь сознательно ищет свежее, колоритное и красочное речевое поведение, потому что такое поведение очень выразительно и увлекательно для народных масс, оно заражает своей непринужденностью. Эти языковые средства очень привлекательны для выполнения стилепонижающей и экспрессивной функции. Игнорируя строгие и в некоторой степени искусственные нормы и правила политической речи, существовавшие во время социализма, политики, министры и депутаты, возможно, стремятся сократить дистанцию между собой и избирателями, показать свою близость к народу, быть ясными и понятными для простых людей. Несмотря на это, однако, стилистическое снижение и сильное влияние просторечной речи в политическом дискурсе болгарского и русского обществ, по всей вероятности, уже перешли предельно допустимые границы. Не только в Болгарии, но и в России, речевая деятельность многих современных политиков и журналистов вызывает тревогу у болгарских и русских лингвистических обществ, а также у общества в целом. Сегодня едва ли не постоянной рубрикой во многих авторитетных русских средствах массовой информации, как «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Итоги» и т.д. стала публикация т. н. «жемчужин» речевой деятельности политиков и журналистов. Я позволю себе указать на интересный факт. Валентина Ивановна Матвиенко (российский политик, которая в 1998 году стала заместителем председателя Правительства Российской Федерации и оставалась на этом посту до 2003 года, а с 21 сентября 2011 года является председателем Совета Федерации России) в своем интервью рассказывает, что более полугода пыталась отучить одного из высокопоставленных государственных чиновников от употребления грубой и просторечной лексики во время заседаний правительства. «Я добилась весьма скромных успехов» – был ее вывод. Интервью было дано газете «Комсомольская правда» в ноябре 2000 года. Беспокойство в российском обществе по этой теме настолько велико, что в 1994 году выходит книга *Культура парламентской речи*, а в 2010 году вышло третье переработанное и дополненное издание книги *Не говори шершавым языком*.

Как уже было упомянуто, в настоящее время и в Болгарии, и в России есть стремление, чтобы в политическую речь вошли раскрепощенный язык, экспрессивный жарг, образность и эмоциональность высказывания. Одним из наиболее часто используемых в обоих языках способов для всего этого является расширение употребления метафор, метонимий, фразеологических словосочетаний, устойчивых сравнений и т. д. Русский исследователь Анатолий Прокопьевич Чудинов говорит:

Метафоричность – один из важнейших признаков современной русской агитационно-политической речи... Метафорические модели ярко отражают современные представления о российской действительности и языковой вкус эпохи... В метафорическом зеркале отражаются мировосприятие граждан России, их представления о специфике современного этапа экономического и политического развития страны, их отношение к властным структурам и оппозиции, к политической деятельности и новым условиям жизни, их реакция на важнейшие события в жизни государства (Чудинов, 2001).

Приведу несколько примеров, иллюстрирующих употребление метафор, метонимий, фразеологизмов и устойчивых сравнений в русском политическом дискурсе. «Финансовый кризис дал депутатам серьезный шанс попробовать на зуб прочность президентской власти» (отрывок из публицистической передачи по «Первому каналу»); «Нашей партии нет необходимости прятаться за чью-то спину» (отрывок из выступления Вл. Жириновского); «Многие голосуют ногами, то есть попросту, не ходят на выборы»; «Кавказ давно уже называют ахиллесовой пятой России»; «Еще с лета 1990 г. Россия начала переговорный процесс с другими союзными республиками о мирном, нежном разводе» (последние примеры – из русской печати); «Избранный президент и страна – как жених и невеста, инаугурация – как вступление в брак, а последующий период – как медовый месяц» (отрывок из публицистической передачи по «Первому каналу») и т.д. Другие, часто употребляемые в сегодняшнем русском политическом дискурсе метафорические выражения, имеющие соответствия в болгарском языке: *удар ниже пояса* (использование незаконных средств в политической борьбе), *получить красную карточку* (в случаях, когда политик теряет поддержку и доверие избирателей и пр.), *хамелеон меняет окраску* (о политике, который часто меняет свои взгляды с целью остаться у власти), *страус прячет голову под крыло* (когда кто-то не хочет узнать неприятную для него правду), *косметический ремонт* (о незначительных, несущественных и ничтожных реформах), *камень преткновения* (о препятствии, затруднении) и др. Яркую образность придают языку такие словосочетания, как *нужен, как рыбе зонтик* (или *как прошлогодний снег*), *вертеться* (или *крутиться*), *как береста на огне*, *жить* (или *чувствовать себя*), *как на вулкане*, *(за)путаться*, *как муха в паутине* и т. д.

ВЫВОДЫ

Основным выводом настоящего исследования является то, что сегодняшние тенденции и явления в болгарском и русском общественно-политическом дискурсе имеют сходный характер, который объясняется, с одной стороны, некоторыми сходными политическими и экономически-

ми процессами в обеих странах, а с другой – некоторыми общими чертами и направлениями в развитии самих языков, которые ведут к специфическому способу письменного и устного выражения, сформировавшемуся в рамках данной институциональной сферы, в данном случае политики.

Конечно, это не нетипично, когда речь идет о двух генетически связанных и родственных языках. Сопоставительное рассмотрение данных явлений способствует их более глубокому изучению и познанию. В этом отношении болгарский и русский языки – эти великие и богатые славянские языки, предлагают нам еще много вопросов, открытых для будущих исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Благоева, Д. (2012). *Актуални процеси в българската обществено-политическа лексика*. В: сборник *Магията на думите*, (129–146), Д. Благоева, С. Колковска (ред.), София: Академично издателство Проф. М. Дринов.
- Йорданова, Л. (1993). *Езикът на промяната*. София: изд. „Буллекс”.
- Крумова-Цветкова, Л. (2009). *Остаряващи думи, значения и форми в съвременния български книжовен език*. В: Сборник *Езиковедски изследвания в чест на чл.-кор. проф. д-р Т. Бояджиев, проф. д-р В. Попова и проф. П. Пашов*. София: Университетско издателство Св. Кл. Охридски.
- Крючкова, Т.Б. (1989). *Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии*. Москва: Издательство «Наука».
- Попова, М. (2012). *Теория на терминологията*. Велико Търново: ИК „Знак 94”.
- Чудинов, А.П. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры*. Екатеринбург – По: http://philology.ru/linguistics/2/chudinov_01.htm (доступ 20.03.2020).

***

- Blagoeva, D. (2012). *Aktualni protsesi v b"lgarskata obshchestveno-politicheska leksika*. V: sbornik *Magiyata na dumite*, (129–146), D. Blagoeva, S. Kolkovska (red.), Sofiya: Akademichno izdatelstvo Prof. M. Drinov.
- Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafori*. Yekaterinburg – Po: http://philology.ru/linguistics/2/chudinov_01.htm (dostup 20.03.2020).
- Iordanova, L. (1993). *Ezik"t na promyanata*. Sofiya: izd. „Bulleks”.
- Krumova-Tsvetkova, L. (2009). *Ostaryavashchi dumi, znacheniya i formi v s"vremenniya b"lgarski knizhoven ezik*. V: sbornik *Ezikovedski izsledvaniya v chest na chl.-kor. prof. d-r T. Boyadzhiev, prof. d-r V. Popova i prof. P. Pashov*. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo Sv. Kl. Okhridski.
- Kryuchkova, T.B. (1989). *Osobennosti formirovaniya i razvitiya obshchestvenno-politicheskoi leksiki i terminologii*. Moscow: Izdatel'stvo Nauka.
- Popova, M. (2012). *Teoriya na terminologiyata*. Veliko Tyrnovo: IK „Znak 94”.

Ирина Тарасова

 <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Факультет психолого-педагогического
и специального образования
4100012, Россия,
г. Саратов, ул. Астраханская, 83
tarasovaia@mail.ru*

Текст: уровни понимания и уровни смысла

Text: Levels of Understanding and Sense Levels

Резюме

Введение. Цель настоящего исследования: предложить типологию уровней смысла прозаического текста, которая может продуктивно использоваться в рамках педагогической герменевтики, т.е. в процессе учебной интерпретации литературных произведений на всех ступенях филологического образования.

Согласно гипотезе исследования, существует определенная корреляция между уровнями понимания текста и уровнями смысла. Медиатором между текстом и его смыслом является текстовый концепт.

В различении уровней понимания текста автор статьи следует за герменевтической (Г.И. Богин) и дидактической традицией (М.П. Воюшина). Для сравнения привлекаются работы когнитивного направления, рассматривающие понимание текста как процесс построения многоуровневой ментальной репрезентации (Van Dijk, Kintsch, Zwaan, Kneepkens). В процессе построения модели смысла текста учтены основные положения теории смысла А.И. Новикова и структура текстовой категории информативности у И.Р. Гальперина.

Материал и методы исследования. В качестве объекта исследования был выбран рассказ известного детского писателя В. Драгунского *Красный шарик в синем небе*. Материалом исследования послужили 30 читательских интерпретаций рассказа, выполненных студентами – будущими учителями начальных классов. Контрольная интерпретация принадлежит автору статьи. В ходе интерпретации использовалась методика ключевых слов, метод «медленного чтения» и методика ведения протокола интерпретации.

Основные результаты и выводы.

Смысл неоднократно закодирован в тексте средствами текстовых кодов (языкового, предметного, пространственного, образного, коммуникативного и др.). Процесс дешифровки смысла состоит в уяснении отношения между единицами этих кодов, обнаружении общих компонентов смысла.

Целостный смысл представляет собой результат понимания текста. Поэтому возможно установить корреляцию между уровнями смысла и уровнями понимания. Нами установлены следующие цепочки соответствий:

- сюжетный смысл – констатирующий уровень понимания – метапропозициональная модель репрезентации;
- психологический смысл – понимание на уровне героя – ситуативная модель репрезентации;
- экзистенциальный смысл – понимание на уровне авторской идеи – прагматическая модель репрезентации.

Корреляция между строением смысла и строением текста осуществляется через текстовый концепт – дискретную модель смысла как целостного образования.

Многоуровневый концепт (а именно таким является концепт свободы, репрезентированный средствами разных уровней в рассказе В. Драгунского) отражает многоуровневость текстового смысла. Поэтому уровни смысла рассказа Драгунского – это уровни свободы:

- сюжетному смыслу соответствует бытовой (условно) уровень свободы: наделить свободой – дать уйти, отпустить, не удерживать;
- психологическому смыслу (понимание на уровне героя) – психологический уровень свободы, которая требует уважать чувства и желания других;
- культурно-историческому смыслу – на уровне (возможного) подтекста соответствует идея политической свободы;
- экзистенциальному смыслу (на уровне идеи) – философский смысл свободы как высшей человеческой ценности и как проявления духовной сущности человека.

Не все аспекты текстового смысла раскрываются для современного читателя.

Неактуальное для читателей духовное измерение свободы не вычитывается из текста, и в большинстве работ понимание остается на уровне психологического смысла. Универсальность свободы как экзистенциальной категории отмечена только в трех работах. Социальных аспектов смысла не указал никто.

Таким образом, инвариантной частью смысла следует считать ту, которая отражена в базовом концепте (мотиве) текста. Это самая общая формулировка идеи. Вариантными компонентами смысла следует признать те, которые конкретизируют общий смысл на разных уровнях, с учетом проекций на личный опыт читателя: психологический, социальный, экзистенциальный, духовный. Степень вариативности формулировок этого смысла может быть различной: она зависит от концептуальной системы читателя, его жизненного, в том числе социального опыта, возраста и т.д.

Ключевые слова: понимание, смысл, уровневая модель, интерпретация, рассказ.

Summary

Introduction. The goal of this study is to propose a typology of sense levels of a prosaic text that can be used productively in the framework of pedagogical hermeneutics, i.e. in the process of teaching interpretation of literary works at all steps of philological education.

According to the research hypothesis, there is a definite correlation between the levels of understanding of a text and the levels of meaning. Text concept is the mediator between the text and its sense.

In distinguishing between the levels of understanding of a text, the author follows the hermeneutic (G.I. Bogin) and didactic tradition (M.P. Voyushina). For comparison, the works of the cognitive line of research are used (Van Dijk, Kintsch, Zwaan, Kneepkens). Their authors consider the understanding of a text a process of building a multi-level mental representation. In the process

of constructing a sense model of the text, the author investigates the main ideas of the theory of meaning by A.I. Novikov and the structure of the text category of informativeness emerging in the works of I.R. Halperin.

Empirical data and research design. The object of the research was the story of the famous children's writer, V. Dragunsky, *The Red Ball in the Blue Sky*. The input material of the study was 30 interpretations of the story provided by students (future primary school teachers). The author performed a review of the submitted interpretations. During the interpretation, the keyword technique, the "close reading" method, and the interpretation protocol methodology were used.

Key findings and conclusions. Sense is repeatedly encoded in texts by means of text codes (language, subject, spatial, figurative, communicative, etc.). The process of decoding meaning consists in understanding the relationship between the units of these codes and discovering shared components of sense. The whole sense is the result of understanding of the text. Therefore, it is possible to establish a correlation between the levels of sense and the levels of understanding. We have established the following correspondence chains:

- plot meaning – ascertaining the level of understanding – metapositional model of representation;
- psychological sense – understanding at the main character level – situational model of representation;
- existential sense – understanding at the level of the author's idea – a pragmatic model of representation.

The correlation between the structure of sense and the structure of text is possible owing to a text concept – a discrete model of meaning as a holistic entity.

A multi-level concept (namely, the concept of freedom represented at different levels in V. Dragunsky's story) reflects a multi-level sense of the text. Therefore, the sense levels of the story are the levels of freedom:

- the plot sense corresponds to the mundane (conditional) level of freedom: to give freedom – to leave, to let go, not to hold;
- psychological sense (understanding at the main character level) – the psychological level of freedom which requires respect for the feelings and desires of others;
- cultural-historical sense – at the level of (possible) subtext, it corresponds to the idea of political freedom;
- existential sense (at the level of ideas) – the philosophical meaning of freedom as the highest human value and a manifestation of the spiritual essence of the person.

Not all aspects of textual sense are relevant for the modern reader. The spiritual dimension of freedom, irrelevant for readers, is not subtracted from the text, and in most works understanding remains at the level of psychological sense. The universality of freedom as an existential category is noted in only three works. The social aspects of sense were not indicated by anyone.

Thus, the part which is reflected in the basic concept (motive) of the text should be considered the invariant part of sense. This is the most general idea statement. Variant components of sense should be recognized as those that specify the general sense at different levels, taking account of projections on the reader's personal experience: psychological, social, existential, spiritual.

The degree of variability of the wording of this meaning can vary: it depends on the conceptual system of the reader, his/her life (including social experience, age, etc.)

Keywords: understanding, sense, levels model, interpretation, short novel.

Более двадцати лет назад один из основателей психолингвистики текста А.И. Новиков в статье *Смысл: семь дихотомических признаков* сформулировал программу междисциплинарных исследований феномена смысла, предложив серию проблемных вопросов, до сих пор не нашедших решения (Новиков, 2007).

К числу сформулированных ученым дихотомий относится оппозиция инвариантность/вариативность смысла:

Считается, что смысл характеризуется инвариантностью. В то же время он характеризуется ситуативной обусловленностью, субъективностью, вариативностью. Как может сочетаться инвариантность и вариативность? (Новиков, 2007, 173).

На наш взгляд, соотношение этих полярных характеристик можно прояснить, введя в перечень признаков смысла такую его черту, как многоуровневость.

Используя как сам риторический прием А.И. Новикова, так и указанные им конститутивные признаки смысла, предложим ряд тезисов, определяющих направление нашего исследования.

1. Смысл не находится в тексте в готовом виде, а извлекается, «выводится» из него. Как происходит процесс дешифровки смысла?

2. Целостный смысл представляет собой результат понимания текста. Значит ли это, что возможно говорить об уровнях смысла, как мы говорим об уровнях понимания?

3. Смысл принадлежит сфере сознания. Как осуществляется корреляция между строением смысла и строением текста как лингвистического феномена?

4. Если смысл – это проекция сознания на текст (Новиков, 2007, 132), возможно ли выделить общие направления концептуализации, категоризации смысла?

В настоящей статье мы предлагаем свои варианты ответов на эти вопросы как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, подтверждая выводы результатами интерпретации рассказа известного детского писателя В.Ю. Драгунского *Красный шарик в синем небе*. В качестве материала исследования использовались 30 интерпретаций рассказа, выполненных студентами – будущими учителями начальных классов. Контрольная (базовая) интерпретация принадлежит автору статьи.

СМЫСЛ КАК ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КОДАМИ ТЕКСТА

А.И. Новикову принадлежит продуктивное предположение, что смысл – это осознание неявно заданных отношений между элементами различных уровней репрезентации (Новиков, 2007, 134). Применительно к художе-

ственному тексту оно может быть конкретизировано как усмотрение соотношений между единицами различных кодов текста.

Интересным представляется проанализировать систему кодов художественного произведения, каждый из которых вносит свой вклад в формирование смысла.

Н.С. Болотнова (Болотнова, 2008, 56) упоминает следующие коды:

- языковой (языковая доминанта с учетом частотности и типов выдвижения);

- предметный (выбор реалий и связанных с ними микротем);
- коммуникативный (коммуникативные роли персонажей);
- сюжетно-композиционный;
- эмотивный (эмоциональная тональность);
- образно-культурологический.

Е. Фарино обращает внимание на важность пространственного кода (Фарино, 2004, 38). Зарождение смысла может происходить на любом уровне – от языкового (в случае профессиональной интерпретации) до образного и сюжетного, что особенно характерно для спонтанного понимания. Продемонстрируем возможности каждого кода в формировании текстового смысла, обратившись к рассказу В. Драгунского *Красный шарик в синем небе*.

На **языковом уровне** текста основная нагрузка в кодировании концептуальной информации ложится на ключевые слова, которыми в указанном рассказе В. Драгунского являются глаголы *выпустить*, *лететь* и *бежать*. На важную роль глаголов в организации сюжета указывает Л.Н. Синельникова: физическая семантика глаголов используется автором для введения трансфизического смысла (Синельникова 2019, 70). Эти свойства глаголов делают их важными претендентами на роль когнитивных операторов: они обеспечивают «переключение» с уровня фактуальной информации на уровень информации концептуальной. Тексторганизирующая роль глаголов *бежать* и *лететь* достигается их неоднократными повторами и высокой частотой однокоренных глаголов (*побежали, бегали, убежала, выбежали; улететь, летать, отлетел, взлетел*). Обе лексемы употреблены референтно, их расширительный, «трансфизический» смысл воспринимается в результате целостной интерпретации рассказа.

Ключевое слово «выпустить» совмещает в своей семантической структуре 3 словарных значения: 1. дать возможность уйти, удалиться; отпустить; 2. освободить, отпустить на свободу; 3. перестать держать; упустить (Евгеньева, 1985, 273). Помещенное в сильную позицию конца текста, слово «выпустил» осознается как главное ключевое слово текста, эксплицирующее основной мотив рассказа – мотив свободы.

Ключ к **предметному коду** связан в выборе реалий художественного мира (базар, магазин, весна, красный цвет шарика и др.) Два ключевых глагола – *лететь* и *выпустить* – указывают на шарик, который, однако, яв-

ляется не предметной деталью, а образом (в рассказе Драгунского он последовательно олицетворяется). В то же время глагол *выпустить* характеризует образ рассказчика (Дениски), причем не только его физическое действие, но и прежде всего ментальное состояние.

Единицами **сюжетного кода** произведения являются эпизоды и сцены. Ключ к этому коду лежит в последовательности представления событий, реалий художественного мира. Если представить композицию рассказа через ее традиционные компоненты – завязка – развитие действия – кульминация – развязка, то обнаруживается, что ключевое слово *выпустить* появляется в двух отмеченных местах композиции – кульминации и развязке. Это подчеркивает его идееобразующую функцию.

Ключ к **образно-культурологическому** коду, по Болотновой, связан с осознанием связности отдельных образов и культурологических реалий (Болотнова, 2008, 55). Мы бы добавили к этому важность культурных коннотаций, сопровождающих семантику указанных глаголов. Жест выпускания в русской ментальности прочно ассоциируется с идеей свободы (сравните хотя бы лирический сюжет известного стихотворения А.С. Пушкина *Птичка*). Аналогичные коннотации имеет мотив полета. Может быть, чуть менее яркие ассоциации связывают мотивы бега и жизненной суеты (у того же А.С. Пушкина *Жизни мышь беготня*).

Пространственный код. Когнитивная роль ключевых слов – глаголов движения – заключается в моделировании художественного пространства текста с его явным делением на пространство низа (суеты, несвободы под маской праздника) и пространства верха (истинной свободы и цели человеческого существования). Будучи репрезентантами образно-схематических (топологических) концептов (Тарасова, 2003, 113), они в то же время способны отсылать к концептам абстрактных номинаций – жизни и вечности. Глагол *выпустить* содержит в своей семантической структуре сему «свобода», поэтому актуализирует в сознании читателя именно этот гештальт. **Эмотивный код** обнаруживается в единой эмоциональной тональности повествования – приподнятого весеннего настроения, ощущения легкости бытия, «парения» над жизненной суетой.

Коммуникативный код реализуется через речевые партии главных героев рассказа – Дениски и Аленки. Дениска выступает в роли рассказчика, ведущем повествование от первого лица. Наблюдению читателя доступны не только его реплики, обращенные к Аленке, но и внутренняя речь. Через внутреннюю речь раскрываются психологические мотивы «отпускания» шарика. Доверительный тон общения с читателем способствует возникновению чувства эмпатии, отождествления себя с героем, принятия его жизненных ценностей и установок. Мысль о красоте и необходимости свободы становится в рассказе важнейшим итогом социализации, взросления «маленького» героя (Аленки).

УРОВНИ ПОНИМАНИЯ И УРОВНИ СМЫСЛА

О многоуровневости понимания пишут многие исследователи. Нами обнаружена определенная корреляция между уровнями понимания и уровнями смысла.

Г.И. Богин говорит о семантизирующем (на уровне слова), когнитивном (на уровне макропропозиции) и распремечивающем (на уровне идеальных смыслов, метасмыслов) понимании (Богин, 1986). И. Гальперин, выделяя разные типы текстовой информации, также допускает многоуровневое понимание: на уровне фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации (Гальперин, 2006).

А.И. Новиков разграничивает разные уровни понимания в категориях содержание/смысл:

Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте (Новиков, 2007, 132).

R. Zwaan с коллегами пишет о различных моделях понимания – макропропозициональной, ситуативной, прагматической (Kneepkens, Zwaan, 1994). По-видимому, макропропозициональная модель может быть соотнесена с содержанием, а ситуативная и прагматическая – со смыслом.

Макропропозиции (т.е. семантические свертки текстового содержания) «запускают» образование ситуативных моделей (Dijk, Kintsch, 1983). Ситуативная модель в понимании R. Zwaan'a более субъективна, чем пропозициональная структура текста. Истоки этой субъективности лежат как в тех проекциях, которые выстраивает читатель на сферу своего жизненного опыта, так и в чувстве эмпатии по отношению к герою-протагонисту (Kneepkens, Zwaan 1994, 132).

При всей важности этого этапа понимания текста, «идеальный» читатель должен достигнуть уровня «распремечивающего понимания» (по Г.И. Богину), т.е. перейти на уровень прагматической модели, ориентированной на коммуникативный контекст, учитывающий авторские стратегии и цели.

Интересно отметить, что с этими моделями коррелирует положение об уровнях читательского понимания (восприятия) в педагогической герменевтике, где различаются констатирующее восприятие (на уровне сюжета), понимание на уровне героя и на уровне автора (идеи произведения) (Воюшина, 2010, 42).

Артикулируем выявленные параллели:

- констатирующий уровень восприятия – восприятие сюжетно-фактуальной информации – метапропозициональная модель репрезентации – когнитивное понимание;

- восприятие на уровне героя – ситуативная модель репрезентации – восприятие концептуальной информации;
- восприятие на уровне идеи – прагматическая модель репрезентации;
- восприятие концептуальной и подтекстовой информации – распределенное понимание.

Очевидно, что с первым уровнем понимания соотносится «сюжетный» смысл, понимание на уровне героя можно соотнести с психологическим смыслом, понимание на уровне идеи – с экзистенциальным смыслом. Кроме того, возможна интерпретация, опирающаяся на подтекст – исторический, литературный, биографический и др.

СМЫСЛ И КОНЦЕПТ

Выскажем предположение, что соотношение текста и смысла осуществляется через базовый концепт текста. Потенциальная возможность для концепта быть медиатором текстового смысла доказывается общими типологическими чертами смысла и концепта:

- они оба принадлежат сфере сознания (как авторского, так и читательского);
- отражают аспекты глубинной семантики;
- связывают между собой когнитивное и языковое сознание (Лукашевич, 2002).

Нам близка психолингвистическая гипотеза о том, что концепт представляет собой структуру смысла в сознании индивида, т.е. может рассматриваться как дискретная модель смысла как целостного образования.

К числу текстовых вербализаторов концепта относятся единицы разных уровней текста – ключевые слова, образы, мотивы. В произведении В. Драгунского смысловые пересечения этих лингвистических и сверхлингвистических единиц текста сходятся в одной точке – концепте свободы.

Основная идея рассказа Драгунского – красота свободы. Эта мысль находит прямое словесное выражение и вкладывается в уста главного героя – Дениски: «И всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и веселые, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее небо улетает от нас красный шарик...» (Драгунский, 1982, 178). Но если концепт красоты выражен прямо, то обнаружение концепта свободы требует от читателя актуализации словесных и образных ассоциаций ключевых слов *лететь* и *выпустить*. Причем, если *выпустить* содержит сему свободы

в своей семантической структуре, то глагол *лететь* – в своей ассоциативной структуре (полет – одна из образных репрезентаций свободы) (Солохина, 2004, 21).

Выделение различных уровней текстового смысла опирается на многоуровневость ключевого концепта рассказа – концепта свободы. Эти уровни отражены в семантической структуре лексемы «свобода» – базовой номинации концепта:

1) способность „человека” действовать в соответствии со своими интересами и целями, возможность действовать без ограничений – внешняя свобода;

2) личная независимость, отсутствие связи с кем-либо мешающим, стесняющим – внутренняя (психологическая) свобода;

3) состояние того, кто не находится в заключении, в неволе; отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни – социальная (политическая) свобода (Евгеньева, 1988, 52).

Философский уровень концепта в современных толковых словарях выводится из идеологизированных материалистических представлений: свобода трактуется как возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. Однако для художественного текста более органична связь концепта свободы с концептом вечности, идеального мира, репрезентированного пространственным образом верха. Именно такое понимание свободы мы встречаем в работах русских религиозных философов, например, Н.А. Бердяева, для которого свобода – это освобождение «от тяжести необходимости» «здесьнего уродливого бытия» (Бердяев, 1994, 9) и соединение с подлинным миром – с космосом (Бердяев, 1994, 42). Сравните с этой точки зрения завершение сюжетной линии: «Он „шарик” залетел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверное, был около Луны...» (Драгунский, 1982, 178).

Таким образом, уровни смысла рассказа Драгунского – в каком-то смысле уровни свободы:

- сюжетному смыслу соответствует бытовой (условно) уровень свободы: наделить свободой – дать уйти, отпустить, не удерживать;

- психологическому смыслу (понимание на уровне героя) – психологический уровень свободы, которая требует уважать чувства и желания других;

- культурно-историческому смыслу – на уровне (возможного) подтекста соответствует идея политической свободы;

- экзистенциальному смыслу (на уровне идеи) – философский смысл свободы как высшей человеческой ценности и как проявления духовной сущности человека.

СМЫСЛ: ИНВАРИАНТНЫЕ И ВАРИАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ

Очевидно, что не все аспекты смысла актуальны для современного читателя.

С целью анализа основных направлений «распредмечивания» смысла нами изучены читательские интерпретации рассказа В. Драгунского, выполненные по нашей просьбе студентами – будущими учителями начальных классов (рассказы В. Драгунского включены во все хрестоматии по литературному чтению для начальной школы).

Целью эксперимента было сравнение спонтанного (первичного) и интерпретирующего (вторичного) понимания. По условиям эксперимента испытуемые вели протокол интерпретации, в котором отражалось их осмысление и переосмысление текста после повторного чтения с помощью методики ключевых слов. Перед испытуемыми была поставлена задача: вторично перечитать текст (медленное чтение), отыскать ключевые слова текста – глаголы, определить, какой мотив с ними связан, сравнить первичное и вторичное понимание текстового смысла.

Результаты эксперимента подтвердили гипотезу А.А. Залевской: индивид немедленно осмысливает текст, а не просто извлекает содержание текста из значений слов (Залевская, 2002, 70). Другими словами, содержание текста *одновременно* актуализирует его смысл. В половине работ формулировки предварительной и окончательной идеи отличаются незначительно. Первоначальный набросок смысла («Если человек просится на свободу, то не надо его удерживать, лучше отпустить ради того, кто тебе дорог») заменяется более общей формулировкой идеи: «Каждый достоин свободы», «Свобода важнее материальных благ».

Вторичная интерпретация текста опирается не только на модель ситуации или переосмысление образного уровня произведения – модели преобразования текстовой семантики лингвистичны (Синельникова, 2019, 71): ключевые слова, будучи репрезентантом концепта текста, помогают читателям осознать его мотивную структуру, приблизиться к реконструкции авторского замысла. В одной трети работ наблюдается существенная корректировка первоначально «схваченного» смысла под влиянием найденных самим испытуемыми ключевых слов текста (*выпустить, лететь*).

Структура этого смысла включает, согласно нашей гипотезе, несколько уровней, соотносимых не только с уровнями понимания, но и с уровнями с уровнями текстового концепта свободы: психологическим, культурно-историческим, экзистенциальным, духовным.

Однако отсутствие навыков символической интерпретации не позволяет читателям осознать базовый концепт свободы во всей глубине его когнитивных признаков и слоев. Неактуальное для читателей духовное измерение

свободы не вычитывается из текста, и в большинстве работ понимание остается на уровне психологического смысла: «Нельзя держать в неволе того, кто рвется на свободу», «Необходимо уважать свободу и чувства других», «Не удерживать то, что должно быть свободным» и т.п.

Универсальность свободы как экзистенциальной категории отмечена в трех работах: «Каждый человек свободен, и свобода – главное, что у нас есть. Поэтому нужно дорожить своей и не забирать чужую».

Намек на духовный аспект свободы содержится только в одной работе («Возможно, автор сравнивает шарик с человеческой душой»). Социальных аспектов смысла не указал никто.

Таким образом, инвариантной частью смысла следует считать ту, которая отражена в базовом концепте (мотиве) текста. Это самая общая формулировка идеи. Вариантными компонентами смысла следует признать те, которые конкретизируют общий смысл на разных уровнях, с учетом проекций на личный опыт читателя: психологический, социальный, экзистенциальный, духовный.

Задача педагогической герменевтики – относиться с методологическим доверием к тому личностному смыслу, который обнаружил в тексте читатель, если он не противоречит базовому концепту текста. Степень вариативности формулировок этого смысла может быть различной: она зависит от концептуальной системы читателя, его жизненного, в том числе социального опыта, возраста и т.д.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев, Н.А. (1994). *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 1. Москва: Искусство.
- Богин, Г.И. (1986). *Типология понимания текста*. Калинин: Издательство Калининского университета.
- Болотнова, Н.С. (2008). *Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус*. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета.
- Воюшина, М.П. (ред.) (2010). *Методика обучения литературе в начальной школе*. Москва: Академия.
- Гальперин, И.Р. (2006). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: КомКнига.
- Драгунский, В.Ю. (1982). *Красный шарик в синем небе*. Москва: Советская Россия.
- Евгеньева, А.П. (ред.) (1985). *Словарь русского языка: в 4 т.* Т. I. Москва: Русский язык.
- Евгеньева, А.П. (ред.) (1988). *Словарь русского языка: в 4 т.* Т. IV. Москва: Русский язык.
- Залевская, А.А. (2002). *Некоторые проблемы теории понимания текста*. Вопросы языкознания, 3, 6274.
- Лукашевич, Е.В. (2002). *Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект*. Москва; Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Новиков, А.И. (2007). *Текст и его смысловые доминанты*. Москва: Институт языкознания РАН.

- Синельникова, Л.Н. (2019). *Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация*. Москва: Инфра-М.
- Солохина, А.С. (2004). *Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Волгоград.
- Тарасова, И.А. (2003). *Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Фарино, Е. (2004). *Введение в литературоведение*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена.

***

- Dijk van T.A., Kintsch W. (1983). *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
- Kneepkens E., Zwaan R. (1994). *Emotions and Literary Text Comprehension*, Poetics, 23, 125138.

***

- Berdyayev, N.A. (1994). *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. T. 1. Moscow: Iskusstvo.
- Bogin, G.I. (1986). *Tipologiya ponimaniya teksta*. Kalinin: Izdatel'stvo Kalininskogo universiteta.
- Bolotnova, N.S. (2008). *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-teaurus*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Dragunskii, V.Yu. (1982). *Krasnyi sharik v sinem nebe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
- Evgen'eva, A.P. (red.) (1985). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* T. I. Moscow: Russkii yazyk.
- Evgen'eva, A.P. (red.) (1988). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* T. IV. Moscow: Russkii yazyk.
- Farino, E. (2004). *Vvedenie v literaturovedenie*. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena.
- Gal'perin, I.R. (2006). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow: KomKniga.
- Lukashevich, E.V. (2002). *Kognitivnaya semantika: evolyutsionno-prognosticheskii aspekt*. Moscow; Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Novikov, A.I. (2007). *Tekst i ego smyslovye dominanty*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN.
- Sinel'nikova, L.N. (2019). *Stikhotvornyi tekst: mezhdistsiplinarnaya interpretatsiya*. Moscow: Infra-M.
- Solokhina, A.S. (2004). *Kontsept „svoboda” v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. Volgograd.
- Tarasova, I.A. (2003). *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyi aspekt*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Voyushina, M.P. (red.) (2010). *Metodika obucheniya literature v nachal'noi shkole*. Moscow: Akademiya.
- Zalevskaya, A.A. (2002). *Nekotorye problemy teorii ponimaniya teksta*, Voprosy yazykoznaniya, 3, 6274.

Марина Тригук

 <https://orcid.org/0000-0001-5473-0517>

*Минский государственный лингвистический университет
Факультет русского языка для иностранных граждан
Кафедра русского языка для иностранных граждан
220034, г. Минск, ул. Захарова, 21
mar22126806@yandex.ru*

Стратегия убеждения и тактики ее реализации в рекламных текстах о достопримечательностях Беларуси

Persuasion Strategy and the Tactics of Its Implementation in Advertising Texts about the Sights of Belarus

Резюме

В статье анализируется язык рекламного текста в аспекте выбора стратегий и тактик речевого воздействия. В связи с развитием международного туризма в Беларуси интересным представляется охарактеризовать стратегию убеждения и тактики ее реализации в рекламных текстах о белорусских достопримечательностях. Для проведения исследования использовались метод избирательной выборки, описательный метод, стилистический метод. В исследовании описаны тактики реализации стратегии убеждения, установлены языковые средства реализации стратегии убеждения и их прагматическая роль. Делается вывод о разнообразии в использовании тактик стратегии убеждения в рекламных текстах о белорусских достопримечательностях. Разноуровневые языковые средства служат для реализации стратегии убеждения, воздействуя на потребителя на логическом и эмоциональном уровнях и обеспечивая эффективное управление его мнением.

Ключевые слова: речевые стратегии, речевые тактики, стратегия убеждения, аргументация, речевое воздействие, язык рекламы.

Summary

The article analyzes the language of an advertising text in the context of selection of strategies and tactics of speech manipulation. In connection with the development of international tourism in Belarus, it is interesting to describe the strategy of persuasion and tactics of its implementation in advertising texts about Belarus's popular destinations. The research employed the method of selective sampling, descriptive method, and stylistic method. The study describes the tactics of implementing the strategy of persuasion, establishes the linguistic means of implementing it and their pragmatic

role. In conclusion, the author highlights the diversity of use of persuasion strategy tactics in advertising texts about Belarusian attractions. Multi-level language tools are used to implement the strategy with a view to influencing tourist consumers at logical and emotional levels and ensuring effective management of their opinion.

Keywords: speech strategies, speech tactics, strategy of persuasion, argumentation, linguistic manipulation, advertising language.

Отличительной чертой настоящего времени является стремительное развитие рынка туристических услуг. Интерес к экскурсионным услугам в определенной стране во многом поддерживается благодаря рекламным текстам. Реклама – это особый тип общения с потребителем, направленный на привлечение внимания к какому-либо товару или услуге. В конечном итоге рекламный текст призван сформировать у потребителя желание воспользоваться туристической услугой, например посетить конкретные достопримечательности.

По существу, реклама является попыткой изменить поведение потребителя. ...такое изменение наиболее вероятно, когда рекламная информация содержит привлекательные образы наряду с элементами компетентности и авторитета (Кордуэлл, 2000).

Как отмечает В.В. Зирка, рекламный текст «дарит своему адресату альтернативную картину мира, за которой стоит процесс расшифровки игрового хода и принятия решений» (Зирка, 2010, 6).

Рекламные статьи, как важнейший инструмент маркетинговой политики, спланированы стратегически для достижения коммерческого результата. Понятия «стратегия» и «тактика» с точки зрения влияния на адресата сообщения рассматривались в работах Н.П. Формановской, В.Б. Кашкина, Е.В. Ключева, С.А. Сухих, О.С. Иссерс и др. Понятия стратегии и тактики, согласно Н.И. Формановской, соотносятся с принципами и правилами организации коммуникации.

В работе О.С. Иссерс речевая стратегия понимается как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008, 105). Отдельная стратегия реализуется посредством тактик, поскольку стратегия и тактики определяются в соотношении друг с другом (А.П. Скородников, Г.Г. Матвеева, Н.И. Формановская и др). Тактики – это «конкретные речевые ходы, соответствующие общей стратегии» (Формановская, 2002, 57), «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» (Иссерс, 2008, 110). Вычленение тактики осуществляется на основе «единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными и невербальными средствами» (Верещагин, Костомаров, 1999, 13–14). Адресант рекламного текста, выбирая языковые средства его

оформления, исходит из определенной стратегии и тактик ее реализации, поскольку именно «речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» (Иссерс, 2008, 105).

Широкое распространение рекламы в конце 20-го века стало стимулом к исследованию рекламы и ее роли в СМИ, в частности к вопросам создания рекламного текста и стилистики рекламы. Несомненно, что реклама обладает мощным прагматическим потенциалом. Удачный рекламный текст создает впечатление уникального по форме и содержанию предложения и убеждает своего получателя в том, что принятие данного предложения принесет определенную выгоду, т.е. выполняются функции убеждения и внушения по отношению к адресату. Становится очевидным использование в построении рекламного текста стратегии убеждения.

За последние годы количество туристов из разных стран, приезжающих в Беларусь, выросло, что стимулирует создание рекламных текстов о белорусских достопримечательностях. В связи с этим представляется интересным охарактеризовать стратегию убеждения и тактики ее реализации в рекламных текстах о достопримечательностях Беларуси. Для проведения исследования использовались метод избирательной выборки, описательный метод, стилистический метод. Материалом для исследования послужили рекламные тексты о белорусских достопримечательностях, размещенные на интернет-сайтах <https://welcome-belarus.ru> и <https://34travel.me/gotobelarus>.

В рекламных текстах, посвященных белорусским достопримечательностям, ведущей стратегией является стратегия убеждения, направленная на формирование у адресата желания посетить описываемое место. Стратегия убеждения основана на использовании аргументации – логического воздействия на позицию адресата для формирования у него мнения, нужного адресанту. Данная стратегия представлена такими тактиками, как тактика аргументации, тактика контрастного анализа, тактика обоснованных оценок, тактика указания на перспективу, тактика иллюстрирования.

В тактике аргументации могут использоваться как логические, так и эмоциональные аргументы. При **логической аргументации** происходит апелляция к одной ценности на протяжении всего высказывания. Примером логической аргументации является рекламный текст «Экскурсия в Нарочанский национальный парк»: *Парк образован два десятка лет назад для сохранения исчезающих растений и животных... На относительно небольшой территории представлены основные природные ландшафты Беларуси с её природными обитателями.* Чтобы подчеркнуть достоверность информации, используются количественные числительные: *100 000 га заповедных лесов, 40 озер удивительной прозрачности и чистоты.* Логическая аргументация усиливается перечислением однородных характеристик, переданных терминами, что придает информации более конкретный характер: *В озере длиной более 13 километров на глубинах обитают ныне редкие форель, голавль,*

речная минога. Логическая аргументация усиливается семантикой прилагательных, отмечающих особенности нарочанской природы: *девственная природа, уникальные природные объекты, озера удивительной прозрачности и красоты, заповедные леса, «лазурная жемчужина Беларуси»* (об озере Нарочь). В целом текст апеллирует к ценности природного мира парка.

В рекламной статье «Экскурсия в Строчицы» экскурсия презентуется с учетом осознания ценности старинной архитектуры Беларуси: *Строчицы – это уникальный для Беларуси музей. Он был открыт Академией наук Беларуси для сохранения наиболее ярких образцов деревянного зодчества регионов Беларуси*. Логический характер аргументации поддерживается благодаря ее детальности и конкретности. Так, подробно описывается процесс создания музея: *Перевозить целые здания, даже в разобранном виде, на большие расстояния – это процедура затратная. К тому же, вначале нужно найти объект, имеющий музейное значение, разобрать его, пронумеровать все элементы, перевезти и собрать*. Конкретность информации возрастает благодаря датам и количественным данным: *Несмотря на титанический труд, начиная с 1976 года в «Строчицы» было перевезено почти 50 объектов, хотя по плану музей должен был включать, более 250 объектов деревянной архитектуры и более 50 000 экспонатов. Все постройки, в том числе и 17 века – подлинные*. Грамматическими и лексическими средствами передана историческая уникальность музейного комплекса: *Сюда привозили экспонаты со всей Республики. Это единственный музейный этнографический объект, где нет никаких псевдоисторических строений. Комплекс, прежде всего ценен своими исторически достоверными объектами. Посетить это место необходимо для тех, кто интересуется народными обычаями и историей народного быта. Здесь с сотрудниками музея можно встретить «Щодруху» или «Масленницу» с соблюдением всех вековых белорусских обрядов*.

При эмоциональной аргументации преобладает апелляция к эмоциям. В русской языковой картине мира эмоции соотносятся с сердцем, поэтому даже метафорическое использование лексемы *сердце* для обозначения центра ассоциативно отсылает к миру эмоций: *Мотоль – это сердце настоящего Полесья*. Лексика, используемая в рекламном материале «Экскурсия в Мотоль», призвана вызвать гордость историей Мотоля. Этому чувству способствуют указания на древность истории местечка (*древняя деревня*) и его статус (*королевская деревня, бургомистры, королевские мещане, привилегии, польская королева, великая княгиня литовская, знаменитые фамилии*). Например: *Древняя деревня по праву несет титул самой королевской деревни страны. Деревня, где с 16 века выбирали бургомистров и все жители числились королевскими мещанами, с сохранением всех городских привилегий*. Ощущение исключительности местечка поддерживается использованием превосходной степени сравнения и определительного местоимения *весь*,

обозначающего в контексте полный охват действием: *самая королевская деревня страны, самые знаменитые фамилии, все городские привилегии, все жители деревни*. При характеристике Боны Сфорцы подчеркивается не только ее высокий социальный статус (*польская королева и великая княгиня литовская*), но и внешняя привлекательность, что вызывает желание любоваться данной исторической личностью: ***Очаровательная девушка, родственница самых знаменитых фамилий Медичи и Борджиа, решила сделать здесь уголочек Тосканы с мастерами, которые бы знали кожевенное дело, ткацкое и ювелирное.*** Лексема *уголочек* демонстрирует теплые чувства по отношению к белорусской земле. Прием синтаксического параллелизма в построении начала фразы способствует легкости восприятия фактического материала адресатом: ***Для обучения местных жителей сюда прибывают мастера из Италии и Голландии. Для них строятся мастерские и дома. Для самой королевы построен маленький палаццо, в венецианском стиле.***

В описании экскурсии на фабрику «Коммунарка» подчеркивается ее популярность и ориентация на детскую аудиторию: *Одна из немногих экскурсий, на которую дети готовы ходить хоть каждый день*. В презентации фабрики активно используются лексемы, входящие в лексико-семантические поля «Вкус» и «Запах»: *необычайно вкусные натуральные конфеты, ароматные цеха, пахнет шоколадом, орехами и ванилью*. Как правило, качества имеют высокую степень проявления, которая передается местоимением *весь*, семантикой прилагательного или наречия при качественном прилагательном (*всем правит безупречная чистота, необычайно вкусные*). Адресату, попавшему на экскурсию, приписываются положительные эмоции: *отличное настроение, неожиданные сюрпризы, замечательная продукция* и др. Выражение *невиданные ранее конфеты* соотносится с эмоцией удивления. Для убеждения адресата приводится аргумент, опирающийся на эмоциональную составляющую: *И не было еще в истории случая, чтобы кто-то остался недоволен вкусными подарками!*

Тактика контрастного анализа опирается на прием сопоставления фактов, событий, прогнозов, которые будут восприняты адресатом как убедительные аргументы. Данная тактика может быть построена на временном или пространственном сопоставлении. Например, материал «Экскурсия в Мотоль» построен на сопоставлении разных периодов существования Мотоля: древняя деревня – местечко Мотоль, имеющее Магдебургское право – современный Мотоль. Независимо от описываемого периода истории местечка, подчеркивается особый статус Мотоля среди других населенных пунктов Беларуси, что поддерживает интерес адресата: *Сегодня Мотоль большое поселение с интересным музеем и с типичной застройкой. Мотоль славен своими кожухами, колбасами и копченой рыбой. Ежегодно здесь проводится фестиваль «Мотольские присмаки»...* Временное сопоставление применяется и при описании истории шоколадной фабрики «Коммунарка»,

в котором перечислены основные вехи истории фабрики: *Заслуга строительства фабрики «Коммунарка» целиком лежит на правительстве Советской Белоруссии в 20-ые годы прошлого века. Поначалу новая фабрика выпускала лишь леденцы и ирис. Но уже в 30-ые годы освоила выпуск шоколада и своих первых фирменных конфет «Белорусская картошка», которые выпускаются и поныне. Одним из первых восстановленных предприятий в послевоенном разрушенном Минске тоже была фабрика «Коммунарка». И уже к Новому 1946 году выпустила конфеты для подарков.* Временная точность достигается как указанием на даты, так и временными маркерами разных частей речи (*поначалу, новый, уже, первый, поныне, послевоенный*). Центральная идея заключается в указании на высокие стандарты качества, принятые на фабрике, что повышает интерес заботливых родителей либо потенциальных покупателей к визиту на фабрику с возможностью дегустации: *Во все времена изделия фабрики отличало строгое следование рецептуры использование, как классических кондитерских начинок, так и собственных разработок.*

Пространственное сопоставление менее представлено в рекламных текстах о белорусских достопримечательностях. Это объясняется целью адресанта текста в популяризации определенного маршрута, разработанного компанией, а не популяризацией белорусских достопримечательностей в целом. Примером данного типа тактики является рекламный текст «Где посмотреть на зубров в Беларуси?», презентующий различные места Беларуси, в которых можно встретить зубра. Безусловно, зубры – животные, достойные того, чтобы их увидели туристы: *Зубров зовут могучими европейскими бизонами за рост, рога и умение прыгать на два (!) метра в высоту. А еще их зовут лесными коровами, потому что они любят поваляться на травке, а некоторые даже довольно легко привыкают к человеку.* Описание зубра сочетает логичность информации (в первой фразе) и непосредственность в ее подаче (во второй фразе). Использование тактики пространственного сопоставления обусловлено ареалом обитания животного: *Рассказываем про места, где в Беларуси посмотреть на этих крутых животных.* В материале проводится сопоставление мест обитания зубра (*Беловежская пуца, заказник «Озеры», Березинский биосферный заповедник, Браславские озера, Красный бор, Налибокская пуца*). Для воздействия на эмоциональное состояние адресата используются образные выражения (*Родина зубров, дикie туры, яркие впечатления*), лексика, передающая эмоциональное состояние (*понравилось, смело, увy*), разговорные конструкции, создающие эффект живой, спонтанной речи (*Так что бери друзей, палатку – и вперед!; У кормушек, если повезет, подожди лосей, оленей, косуль и зубров.*). Адресант рекламного текста эксплицитно представлен через употребление слов, оформляющих высказывание (*например, как минимум, вообще, конечно и др.*), что в совокупности с ранее перечисленными средствами приближают рекламный текст к непринужденному общению: *Здесь, к слову, живет око-*

ло трети всех медведей Беларуси. В общем, за яркими впечатлениями от дикой природы обращайся к местным экскурсоводам. Кроме того, в нарушение норм этикета используются формы местоимения и глаголов 2-го лица единственного числа при обращении к незнакомому человеку: *обращайся к экскурсоводам, бери друзей, не забудь купальник, бери сафари-тур* и др. Благодаря отсутствию дистанции точка зрения адресанта воспринимаются как совет знакомого. Непринужденность подачи информации не отменяет ее точности и детальности, чему способствует включение в повествование терминов, связанных с лесным хозяйством (*подкормочная станция, вольный выпас, подкормочная база, заказник, период гона, экотропа*), лексем и конструкций, относящихся к научному стилю речи (*...на одной территории обитает большая европейская пятерка крупных млекопитающих: лось, зубр, медведь, волк и рысь*).

Тактика указания на перспективу важна современным потребителям, прагматично подходящим к услугам различного рода и желающим соотнести затраты и полученные возможности. Это своего рода прогноз на выгоду, которую получит потребитель в будущем. Несмотря на некоторую долю сомнения в результатах прогнозирования, апелляция к результату придает прогнозированию аргументативную силу. Традиционно экскурсия воспринимается как возможность отлично провести время, отвлечься от ежедневной суеты. Закономерно, что адресант рекламного текста уделяет большое внимание описанию возможностей, подчеркивая их богатство и разнообразие. Рекламная статья, раскрывающая туристический потенциал Беларуси в целом, начинается следующими строками: *Поездки по соседней стране – это возможность активного отдыха с посещением наиболее привлекательных туристических объектов. Возможность выбрать подходящий вариант экскурсии по Беларуси из любого крупного города предоставляет наша компания.* Повтор лексемы *возможность* в сочетании с инфинитивом совершенного вида *выбрать* со значением результативности, именная структура первой фразы, получающая синтаксическое значение настоящего абстрактного, позволяют представить информацию как убедительную констатацию факта. Форма превосходной степени *наиболее привлекательный* усиливает интерес к рекламируемому направлению, определительное местоимение *любой* расширяет сферу действия предложения. Сочетание *возможность выбора подходящего варианта экскурсии* подчеркивает самостоятельность принимаемого адресатом решения.

Тактика указания на перспективу используется и в статьях, посвященных конкретным достопримечательностям. План времяпровождения в Строчицах ориентирован на туристов, ценящих народную культуру: *Комплекс, прежде всего ценен своими исторически достоверными объектами.* В презентации экскурсии активно используются глагольные формы со значением результативности. Формами страдательных причастий акцентируются полученные до-

стижения: Для детей **разработаны** интерактивные квесты «Путешествие в страну сказок» и «Приключения в стране Зюзи». Инфинитивы совершенного вида приобретают контекстуальное значение возможности, актуальное для убеждения туриста посетить рекламируемый объект: **Принять участие** в древнем обычае «Камаедзіца», где во главу угла поставлено поклонение мядзвездзю-бацюхне. А если **приехать** сюда в ночь на Ивана Купалу, то можно **принять участие** в самом загадочном празднике, традиции которого не меняются на этих землях уже второе тысячелетие. Презентация возможностей интересного отдыха осуществляется и с помощью глаголов будущего времени совершенного вида. Например, названные формы участвуют в детализации плана экскурсии на шоколадную фабрику «Коммунарка»: *На выставке экскурсанты **увидят**, какое многообразие замечательной продукции производит «Коммунарка» и **смогут** попробовать невиданные ранее конфеты.* В реализации тактики указания на перспективу применяется и прием «если – то», наглядно отображающий условно-следственные связи: *Если дойдешь до озера Белое – там можно будет устроить водную прогулку на катере.* Однако сильнее всего на волевою сферу адресата воздействуют императивы, призывающие к активным действиям без лишних раздумий: *А лучше **бери** велосипед и кати по одному из шести веломарирутов. А если хочешь провести время более познавательно, **бери** сафари-тур на один или два дня.*

Несмотря на разнообразие глагольных форм, важную роль в формировании представлений о времяпровождении играют семантические характеристики лексем. Насыщенность текста лексикой, относящейся к лексико-семантическим полям «Исторические события», «Мифология», «Национальная культура», включает адресата в мир рекламируемого объекта: *деревянное зодчество, деревянная архитектура, этнографический объект, белорусские обряды «Щооруха» и «Масленица», древний обычай «Камаедзіца», загадочный праздник Иван Купала, рыцарские бои, реконструкция военных событий, Великое Княжество Литовское, история народного быта.*

При описании экскурсии в Нарочанском парке, ориентированной на туристов, ценящих времяпровождение на природе, упоминаются такие варианты отдыха: *Для желающих провести на **богатых рыбой** озерах Нарочанского парка существует несколько **уединенных** домиков рыбака. В Нарочанском парке, кроме **девственной** природы, существуют все условия занятий активным отдыхом. По всему парку проложены **пешие, конные и велосипедные** маршруты. Они расположены таким образом, чтобы максимально показать туристам **природные** красоты... На всех **крупных** озерах парка оборудованы зоны для купания, для проведения пикников имеется прокат **плавающих** средств и **рыболовных** принадлежностей. В Национальном Парке расположены десятки **уютных** агроусадоб, где туристов ждет **экологически чистые** овощи, **парное** молоко, **национальная** кухня и **приветливые** и **доброжелательные** хозяева.* Большую роль в презентации

возможностей играет семантика определений, которые подобраны таким образом, чтобы выделить достоинства упомянутой возможности и соотносить в сознании туриста ее с ценностью отдыха на природе.

Использование **тактики обоснованных оценок** связано с необходимостью повлиять на отношение потребителя услуги. Закономерно, что в рекламных статьях используются положительные оценки, причем оценка обычно носит эксплицитный характер. Данный тип оценки мгновенно воспринимается адресатом, не требуя ее декодирования (Клушина, 2008, 40–43). Чтобы данный тип оценки не вызывал у адресата отторжения, дается ее аргументация. Возможны две модели использования тактики обоснованных оценок. В первой модели за следствием, т.е. оценкой, озвучивается причина: *Еще один добротный санаторий недалеко от озера Нарочь. Тут очень тихо и живописно, чистейший сосновый воздух и прекрасные виды. Спектр процедур – огромный: и водолечение, и физиотерапия, и рефлексотерапия, и грязелечение* Кроме того, в санатории можно не только подлатать здоровье, но и хорошенько расслабиться: в сауне, спа, джакузи или на массаже. Номера в «Соснах» светлые и современные, развлечений полным полно (от караоке до бильярда), а от выбора блюд на «шведском столе» разбегаются глаза. Дается качественная (добротный, хорошенько) и количественная оценка (огромный и др.) санатория, причем воздействие количественной оценки на адресанта рекламы усиливается за счет ее выражения устойчивыми языковыми оборотами (полным полно, разбегаются глаза). Качественная оценка экспрессивна благодаря подбору лексем, разными способами передающих высокую степень признака (значения лексемы живописно ‘оценочная характеристика чего-либо как красивого, достойного отображения в живописи’ (Ефремова, 2000) и ‘очень красивый, отличающийся необыкновенной красотой’ (Ушаков, 1935–1940), суффикс – *ейш-* как показатель высшей степени проявления признака, наречие меры и степени *очень*). Аналогичная схема оценки использовано в рекламе «Борового»: *«Боровое» располагается в очень приятном и уединенном месте – на берегу озера, у самого Березинского биосферного заповедника. Обстановка для максимального релакса, расслабления и уединения на природе. Фишка санатория – свой собственный источник минеральных вод.*

Эмоциональная оценка подкрепляется фактической аргументацией через конкретизацию расположения санатория и иллюстрирование. При второй модели сначала приводится обоснование, а далее как обобщение дается оценка: *Санаторий находится прямо на территории Национального парка «Нарочанский», на берегу озера Нарочь. **Пляжный отдых, рыбалка, водные развлечения, чистый воздух, пикники на природе** – идеально для тех, кто поездке на море предпочитает отдых в санатории.* Качественная оценка заключена в лексеме *идеально*, семантика которой свидетельствует о высшей степени проявления качества.

Тактика иллюстрирования – распространенное средство воздействия на адресата рекламы, представленное в наглядной описательной форме и основанное на использовании фактов и примеров. Так, в рекламной статье «Увлекательные экскурсионные туры по Беларуси» высказывается утверждение о возможности организации разнообразных экскурсий из крупных городов: *Не имеет значения, какой крупный город Беларуси послужит отправной точкой запланированной поездки по Беларуси. Из любого областного города будь это Брест, Минск, Гомель и другие города компания сможет подобрать разнообразные экскурсии...* Аргументация опирается на реально существующие факты, в данном случае – проводимые компанией экскурсии, выступая самым надежным аргументом доказательства при условии объективного отражения картины событий. Для посещения предлагаются объекты исторического значения (замки, храмы, монастыри); этнографические комплексы и агроусадьбы (изучение народных традиций, быта, архитектуры); экскурсии патриотического направления (объекты, связанные с Великой Отечественной Войной); экскурсионные туры по белорусским предприятиям; смешанные экскурсии с выездом из областных городов Могилева, Витебска, Гродно и других.

Рекламные тексты о белорусских достопримечательностях разнообразны в использовании тактик реализации стратегии убеждения: тактика аргументации, тактика контрастного анализа, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок и тактика иллюстрирования. В реализации стратегии убеждения принимают участие разноуровневые языковые средства. Рекламные тексты насыщены лексикой, входящей в лексико-семантические поля «Вкус», «Запах» и др., а также терминами и эмоционально-оценочной лексикой, в том числе номинациями эмоций (лексический уровень), экспрессивными прилагательными и образными выражениями. В реализации стратегии убеждения на грамматическом уровне участвуют количественные числительные, разнообразные глагольные формы (видовременные формы, императивы, страдательные причастия), формы степеней сравнения. Таким образом реализуется воздействие на потребителя на логическом и эмоциональном уровнях и обеспечивается эффективное управление его мнением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. (1999). *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик*. Москва: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык.

- Зирка, В.В. (2010). *Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Иссерс, О.С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: URSS / УРСС; ЛКИ.
- Клушина, Н.И. (2008). *Интенциональные категории публицистического текста*: автореф. дис. докт. фил. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Кордуэлл, М. (2000). *Психология. А-Я: Словарь-справочник*. Москва: Фаир-Пресс. <https://psychology.academic.ru/7924/%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B0>. (доступ: 20.03.2020).
- Ушаков, Д.Н. (1935–1940). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800198>. (доступ: 20.03.2020).
- Формановская, Н.И. (2002). *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*. Москва: Русский язык.

***

- Efremova, T.F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. Moscow: Russkii yazyk.
- Formanovskaya, N.I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmatischekii podkhod*. Moscow: Russkii yazyk.
- Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi*. Moscow: URSS /URSS; LKI.
- Klushina, N.I. (2008). *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta: avtoref. dis. dokt. fil. nauk*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova.
- Korduell, M. (2000). *Psikhologiya. A-Ya: Slovar' -spravochnik*. Moscow: Fair-Press. <https://psychology.academic.ru/7924/%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B0>. (dostup: 20.03.2020).
- Ushakov, D.N. (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Gos. in-t «Sov. entsikl.»; OGIЗ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800198>. (dostup: 20.03.2020).
- Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1999). *V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: kontsepsiya rechapovedencheskikh taktik*. Moscow: Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina.
- Zirka, V.V. (2010). *Manipulyativnye igry v reklame: lingvisticheskiy aspekt*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM».

Дамина Шайбакова

 <https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

*Казахский национальный педагогический
университет им. Абая*

Факультет филологии и полиязычного образования

050010, Алматы, Достык, 13, каб. 316

daminalshaibakova@gmail.com

Роль инокультурного компонента в вариантообразовании плюрицентрического языка

The Role of the Foreign Cultural Component in the Pluricentric Language Variant Formation

Резюме

В статье предлагается обзор подходов к описанию связи языка и культуры, техники исследования культурных норм. Рассматриваются типы взаимодействия культур, специфика диаспоральной лингвокультуры, комплекс признаков, характеризующих диаспоры эмиграции (дальнее зарубежье) и диаспоры «катаклизмов» (постсоветской эмиграции). Подчеркивается значение того, как именно лингвокультура принимающей страны влияет на изменения языка диаспоры, ее коммуникативных норм. Представлены признаки диаспоральной концептуализации, которые составляют основу модели описания русского языка как плюрицентрического в аспекте лингвокультуры.

Ключевые слова: бикультурный код, диаспорное сознание, культураносные признаки.

Summary

The article offers an overview of approaches to describing the connection between language and culture, techniques for the study of cultural norms. Author considers the types of cultural interaction, the specifics of diasporal linguaculture, a set of features characterizing the diasporas (far abroad) and the diaspora of “cataclysms” in postsoviet countries. She emphasizes the importance of linguacultural influence on the language and communicative norms changes in diaspora. The signs of diasporal conceptualization are presented. These features formed the basis for the descriptive model of the Russian language as pluricentric in the aspect of linguistic culture.

Keywords: bicultural code, diaspora consciousness, culture-bearing signs.

Дивергенция единого языка, функционирующего в разных условиях, прежде всего создается различием коммуникативных норм, которые, в свою очередь, определяются нормами культуры. Поэтому в исследовании вариантности языков важное значение приобретает фактор культуры. При широком понимании культуры трудно вычленить конкретные элементы. Лурье относил к ним «культурные элементы, человеческие группы и системы символов» (Лурье, 1998, 17). И, как правило, под культурными элементами понимают этноспецифические феномены.

Связь языка, коммуникации, культуры формирует единое понятие. Адекватное отражение этой связи находим в номинации. Простое сложение основ корней наиболее точно указывает на единство языка и культуры. Термин «лингвокультура» введен американским антропологом Паулем Фридрихом (Friedrich, 1989). Помимо термина *лингвокультура*, есть *language and culture* (Liddicoat, Papademetre, Scarino, 2003), *culturelanguage* (Papademetre, Scarino, 2006), которые не переводятся и не используются в русскоязычных текстах. Также данный феномен описывается в терминах «культурные денотации и коннотации в семантике» (*cultural denotations and connotations in semantics*) (Byram, 1989), «культурные нормы в коммуникации» (*cultural norms in communication*) (Kramsch, 1993), «посредническая роль языка в социальном строительстве культуры» (*the mediatory role of language in the social construction of culture*) (Kramsch, 1996). Каждый термин актуализирует предмет исследования: язык и культура, культура в языке, язык в культуре. Это разные грани того же феномена. В работе А.Л. Кroeber и С. Kluckhohn (Kroeber, Kluckhohn, 1952) представлен обзор определений культуры. Авторы уже в то время называют дескриптивный, исторический, нормативный, психологический, структурный, генетический подходы. Семиотический подход актуализирует изоморфизм знаков языка и культуры, допуская отнесенность знаков культуры к нескольким системам, и интерпретация текстов культуры затруднена возможностями неоднозначного понимания.

Широкую популярность получила концепция Анны Вежицкой, которая методологически строго использует понятия «ключевые слова», «семантические примитивы» для изучения кросскультурных различий (Вежицкая, 2001). Метод культурных скриптов А. Вежицкая и К. Годдард применяют для описания культурно-специфических норм, ценностей в терминах, которые прозрачны, ясны, точны и понятны представителям не только данной культуры, но и других культур (Goddard, 2009, 68). Культурные скрипты отражают речевые практики говорящих, ментальные стереотипы. В них культура определяется через слова (Вежицкая, 2001, 256). Данные методы последовательно используются и в других исследованиях по кросс-культурной прагматике А. Вежицкой и ее последователей. Суть в том, что сравнивая параллельно соотносительные лексические, синтаксические средства, тексты в различных языках, А. Вежицкая, используя созданный ею язык базовых

семантических понятий, показывает, что прямые переводные эквиваленты могут скрывать существенные культурно обусловленные различия. Когда мы говорим, например, о дружбе, свободе, гневе, мы невольно приписываем этим понятиям культурно обусловленные смыслы, присущие соответствующим словам данного языка. Тем самым придаем им несуществующую универсальность и совершаем серьезную культурную ошибку.

Самый «лингвистический» подход в освещении культурного компонента значения предложил Л.В. Щерба. Говоря об особенностях культур, он утверждает, что значения слов, обозначающих понятия, не совпадают в разных языках по причине культурных различий. На примерах слов из разных культурно родственных языков он иллюстрирует оттенки значений. Так, различается понятие температуры воды: по-французски – *l'eau chaude, tiède, froide*; по-немецки – *heisses, warmes, lauwarmes, kaltes Wasser*; по-русски – *кипяток* (который не обязательно будет «кипящей водой»), но также и не «кипяченой водой»), *горячая, теплая, холодная вода*. Видно, что эти слова не эквивалентны. При совпадении понятий вырабатываются коннотативные значения слов, потому что слова разных языков различаются по своим вторичным ассоциациям: *chauve-souris, Fledermaus, летучая мышь* обозначают один и тот же предмет, но представляют его по-разному (Щерба, 1936). Данная техника изучения лексики основана на учете оттенков значения, обусловленных особенностями культуры, менталитета, мировосприятия. Она перспективна для сравнения общей лексики и установления зон несовпадения семантики. Чем теснее связи культур, тем более понятны коннотации иноязычных лексем.

Все приведенные выше техники описания культурных норм представляют разные аспекты изучения языка как способа трансляции культуры. Но особым предметом изучения является язык в инокультурном окружении. Ш. Саранжи замечает, что в большинстве работ под знаком межкультурной или межэтнической коммуникации рассматривается общение лицом к лицу представителей разных культур, что он предлагает назвать межкультурной прагматикой. По его мнению, из всех школ ближе к пониманию коммуникации представителей разных культур находится школа Дж. Гамперца, отличающаяся социолингвистическим подходом, проблематикой интерэтнической коммуникации. Гамперц обращает внимание на искажения в восприятии, объясняемые корректировкой правилами своей культуры, «стратегией родной контекстуализации» (Sarangi, 2009, 99). Ученый различает межличностное (диалектальное) и внутриличностное (наслаивающееся) варьирование. Первое охватывает различия в социальном или территориальном планах. Второе отражает заимствования и сдвиги в языке у отдельных говорящих (Гамперц, 1975, 299–319). Диалектальное варьирование приводит к тому, что в языке происходит замена слов, изменение семантики слов, появление инокультурных коннотаций. В наслаивающемся варьировании может быть

искажение коммуникативного намерения, т.к. различаются способы структурирования информации, оценки в двух разных культурах (Gumperz, 1982). При тесном взаимодействии, сосуществовании культур неизбежно смешение культурных кодов, что создает региональные коммуникативно-прагматические нормы и стереотипы восприятия. Условием понимания культурных стереотипов является опыт общения. Облегчает усвоение то, что стандартизация речи становится фактором ее предсказуемости и вероятности, в том числе и в билингвальной коммуникации.

Методов формального анализа наслаивающегося варьирования, а именно его мы наблюдаем в межэтнической коммуникации, нет. Это может быть только непосредственное наблюдение групп в определенных ситуациях взаимодействия. Понятно, что в этих наслаивающихся кругах есть элементы этнической, социальной культуры. Эти пересекающиеся круги описаны Ричардом Ли.

Richard Lee рассматривает три доминирующие культурные группы (есть и другие): родственную, этническую и национальную:

Let's examine three dominant kinds of cultural groups (there are others): kinship, ethnic, and national. Imagine three circles: the national circle is the largest; inside of it is the ethnic circle (which often, but not always, includes a religious component); and the smallest, but most integral to the totality of a person's cultural identity, is the circle representing kinship (Lee, 2006, 30).

Национальный круг отражает реалии социальной жизни. Этнический круг связан с природными условиями. Л.Н. Гумилев отмечал в этногенезе особую роль географической среды, не отрицая взаимодействия социальных, этнических, биологических факторов (Гумилев, 1989, 294–296). При таком понимании этнического воздействующим фактором следует признать пространство, ландшафт (к примеру, пространство в региональной поэтике Казахстана – степь, этот концепт стал смыслообразующим).

Измерение общих черт этнического менталитета, особенностей восприятия мира производится по разным основаниям. Одним из них признают доминанты национальных миров (Гачев, 1999) по признаку горизонтального или вертикального измерения, статического и динамического. Г. Гачев считает, что Россия – это страна бесконечного простора, горизонтальные идеи – даль, ширь, путь-дорога – превалируют в шкале ценностей (Гачев, 1999). Русский космос – это горизонталь, а казахский символически представлен как вертикаль, образы казахского мира связываются с горой, одиноким деревом. Так, Мировое Дерево у казахов стало государственным символом и описывается следующим образом:

...В центре мира высится Первозданный Кок-Тобе (синяя-небесная священная Гора), на вершине ее растет Великий Байтерек (букв. Могучий Тополь), по четыре ветви которого на каждом ярусе охватывают весь небесный свод, пронизывая все его уровни. Корни его проникают через все уровни Земли до нижних Вод ... (Государственные символы).

Монумент «Байтерек» установлен в столице Казахстана. У тюркских народов байтерек – это дерево жизни. На его кроне священная птица Самрук стремится отложить золотое яйцо – солнце, дающее жизнь. Символ означает, что казахи прочно держатся на земле, сохраняют исторические корни, но устремлены в будущее. Однако одним из главных смыслообразующих концептов в поэтике казахов является степь – горизонталь, получается, что существуют символы вертикали и горизонтали. Кроме того, как кочевникам казахам близка и понятна динамика:

Кочевой жизни противопоказана остановка в одной точке бескрайней степи. Она, подчиняясь временным, вегетационным закономерностям, выходит из круговорота движения. Конечно, это движение в основном имеет повторяющийся, постоянный характер (Габитов, 2006, 146).

Фундаментом казахской культуры, духовных ценностей ментальных ориентиров и национальных особенностей является кочевой образ жизни.

Данное метафорическое определение культур не может служить основанием для измерения изменений языка в инокультурных условиях. Однако оно объясняет образное осмысление мира, объекты сравнений, метафорическую картину мира, которые организуют поэтический дискурс определенной культуры и могут заимствоваться контактирующей лингвокультурой.

Основанием для научного исследования является рациональное осмысление культуры по вертикали и горизонтали: в вертикали – обращение к истокам, к историческим традициям, национальное или этническое сознание, а горизонтальная ось – это синтагматика, синхронная сочетаемость знаков культуры и культураносных знаков языка. Единый культурный фон, представляющий собой смешение знаков разных культур, тоже наблюдаем в горизонтали.

Помимо пространственной и статико-динамической квалификации культур, этнический круг характеризует и признак вербальности и невербальности. Пожалуй, можно согласиться с Т.Н. Снитко в том, что «смыслы в Восточной лингвокультуре изначально заданы, принадлежат Небытию, и потому невербализуемы» (Снитко, 1999). Семиотичность казахской культуры более ярко выражена в невербальных знаках: орнаменте, форме предметов, жилища, утвари, символике ритуалов. Между тем исследователи подчеркивают вербальность русской культуры. М.Ю. Сидорова объясняет это следующим образом:

Дело вот в чём: русский человек умозрителен. В 1918 году наш великий физиолог, академик Павлов в своей лекции «Об уме вообще, и о русском уме в частности» обвинил нас, русских, в том, что мы живём словами: мы коллекционируем слова, не применяя их к материальной действительности, не проверяя их в реальной жизни. Действительно, мы перестали видеть за словом ту вещь, которую оно обозначает. И с этим связана серьёзная опасность для нашей повседневной коммуникации» (Сидорова).

Однако для русского восприятия важны оттенки значений, коннотации, смыслы. Не случайно даже в грамматике русского языка заложена оценочность. Интерпретация чужих смыслов сопровождается своей концептуализацией. Так, сложный эндемический казахский концепт *айналайын* (букв. кружусь вокруг тебя, забираю все твои беды) русскими воспринят как ласковое обращение (Шайбакова, 2014, 64).

Подходы к описанию национальных и этнических культур не в полной мере применимы к особенностям смешанного культуротипа, синтезу культурных ориентиров, которые характерны для диаспоры, диаспорального сознания и определяют специфику языка, функционирующего в инокультурном окружении. Перед учеными здесь стоит задача построения общей типологии факторов, определяющих специфику языка диаспоры. В лингвокультуре диаспоры создается сложное переплетение разнородных признаков, единиц, приемов, механизмов.

Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, связи историй, культур и языков, а также ориентаций трех акторов отношений: самой диаспоры, принимающей стороны и исторической родины (Тучина, 2012).

Применительно к русскому языку важным является различие диаспор эмиграции (далее зарубежье) и диаспор «катаклизмов» ближнего зарубежья, по терминологии Роджерса Брубейкера (Брубейкер, 2000, 6). Диаспоры «катаклизмов» образовались вследствие дезинтеграции крупных полиэтничных политических образований (Брубейкер, 2000, 6). В диаспорах эмиграции более частотен сознательный отказ от языка, преобладание воздействия социокультурных факторов на судьбу языка, существование языка преимущественно в устной форме. Во втором типе, т.е. в диаспоре, образовавшейся вследствие распада единого государства, напротив, отмечается сознательное удержание языка, сопротивление ассимиляции, развитие языка, более тесная связь с метрополией. Между тем в языке происходят изменения под влиянием иноэтнической культуры. Как показывают экспериментальные данные, в постсоветских странах происходят изменения в употреблении языка, в эмиграции – системные изменения, диффузия (Полински; Эндрю; Земская; Гловинская и др.). Вкрапления в русской речи эмигрантов – это лексика из сферы технологий, общественной коммуникации, образования, они демонстрируют знание языка принимающей страны. Такие вкрапления характерны для билингов. В постсоветских странах, по крайней мере, мы можем судить по странам центральноазиатского региона, вкрапления – это названия реалий культурной и этнической жизни принимающей стороны, безэквивалентная лексика контактирующего языка. Они не мотивированы переключением кода или смешением кода, часто являются облигаторными

заимствованиями. Сейчас процент русскоязычного населения в Центральной Азии уменьшается, и влияние автохтонных языков на русский заметно усиливается, особенно в ситуациях, когда семиотичность казахской культуры неизбежно сопровождает коммуникацию (свадьбы, похороны, поминки, приветствие, прощание, поздравление и т.п.).

Обращение к трем ареалам языка – метрополии, ближнему зарубежью и дальнему зарубежью, к истории и современности, фактам культуры и языка, определение слабых, подверженных изменениям, и сильных, т.е. устойчивых к изменениям участков языка в условиях постоянных контактов народов составляет основу модели описания русского языка как плюрицентрического в аспекте лингвокультуры. Так, недостаточно исследуются вопросы о том, почему происходят аддитивные заимствования, почему и в каких случаях коррекция коммуникативного поведения осуществляется в пользу «чужого», какие участки лингвокультуры оказываются «слабыми», как в многообразии фактов обнаружить общие закономерности? В лингвоэмигрантологии подобное понимание слабых участков языка демонстрируют М.Я. Гловинская (слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка) (Гловинская, 2001, 42–59), Е.А. Земская (Земская, 2001). Быстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация. Американская исследовательница М.А. Осипова утверждает, что

слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с *интерпретирующим, а не называющим* значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования, – номинативную (Земская, 2001, 122).

Е.А. Земская также замечает, что в речи информантов – эмигрантов разных волн модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность (Земская, 2001, 123).

Для диаспорного языка также важен фактор стремления носителей к адаптации или сопротивления ей, тенденции диаспоры к ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции (в соответствии с типологией Дж. Берри). Наиболее распространенной является модель интеграции, где в зоне совмещения культур образуется диаспоральный сегмент. Применительно к русскому языку Т.П. Млечко констатирует:

Наблюдается естественная картина инкорпорации в русский язык из инонационального лингвокультурного контекста экзотизмов и этнизмов, которые перестают восприниматься таковыми, т. е. чужими. Это, возможно, позволяет рассматривать их в качестве регионализмов или в качестве ксенонимов местного лингвокультурного происхождения и ограниченного (одной страной) радиуса использования (Млечко, 2014).

В зоне несовпадения словарей языка диаспоры и материкового языка находятся также агнонимы страны исхода, например неологизмы, диалектизмы, сленгизмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема взаимодействия языка и культуры имеет множество пластов, требующих осмысления. Расширяющиеся культурные круги включают большое число факторов воздействия. Национальный, этнический, родственный, личностный круги имеют зоны совпадения, несовпадения, пограничные явления. Кроме того, характер контактов и их интенсивность, концепты, в большей степени подверженные изменениям, влияют на общую картину. В условиях перманентного взаимодействия разных культур неизбежно смешение гетерогенных знаков. Существующие модели анализа взаимодействия языка и культуры актуализируют те или иные культурно-носные признаки в функционировании языка. При этом в лингвокультуре диаспоры наблюдается сложное переплетение кругов – национального, этнического, как своего, так и контактного, родственного, личностного. В формирующемся варианте русского языка создается устойчивая категория освоенных языком облигаторных заимствований – единиц, употребляемых всеми. Но в индивидуальной речи отмечаются и инвазивные заимствования, объясняемые индивидуальной приверженностью (личностный круг) к иной культуре. Пока в силу функциональной значимости русского языка и его все еще широкого коммуникативного пространства различия, обусловленные влиянием культуры, отмечаются в лексике и в коммуникативных нормах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брубейкер, Р. (2000). *«Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России)* (перевод с англ. Е.В. Вишневской). *Диаспоры*, 3, 6–32.
- Вежбицка, А. (2001). *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры.
- Габитов, Т.Х. (2006). *Культурология. Учебник*. Алматы: Юридическая литература.
- Гамперц, Дж. (1975). *Об этнографическом аспекте языковых изменений*, *Новое в лингвистике*, 7, Социолингвистика, 299–319.
- Гачев, Г. (1999). *Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца*. Москва: Институт ДИДИК.

- Гловинская, М.Я. (2001). *Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка)*. В: *Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова (42–59)*, С.М. Кузьмина (ред.). Москва: Языки славянской культуры.
- Государственные символы и атрибутика Республики Казахстан*. <http://www.docme.ru/doc/425601/gosudarstvennye-simvoly-i-atributika-respubliki-kazahstan> (доступ 10.11.2019)
- Гумилев, Л.Н. (1989). *Этногенез и биосфера Земли*. Ленинград: изд. Ленинград. ун-та.
- Земская, Е.А. (2001). *Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования, Русский язык в научном освещении, 1*, Москва: Языки славянской культуры, 114–131.
- Лурье, С.В. (1998). *Историческая этнология*. Москва: Аспект-Пресс.
- Млечко, Т.П. (2014). *Динамика и характер преобразований языковой личности в новой языковой ситуации*, Вестник Московского государственного лингвистического университета, 5, 87–98. Онлайн-версия: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-harakter-preobrazovaniy-yazykovoy-lichnosti-v-novoy-yazykovoy-situatsii> (доступ: 17.07.2016)
- Сидорова, М.Ю. «*Великий и могучий*» во Всемирной паутине. Не запутается ли? http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=17887 (доступ 13.12.2012).
- Снитко, Т.Н. (1999). *Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах*: автореф. дисс. д-ра фил.наук, спец. 10.02.19. Пятигорск, <http://cheloveknauka.com/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoy-i-vostochnoy-lingvokulturah> (доступ 10.09.2015).
- Тучина, О.Р. (2012). *Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры: к постановке проблемы*, Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 11(19), <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf> (доступ 3.10.2015).
- Шайбакова, Д.Д. (2014). *Жизнь языка в обществе, культуре, политике*. Алматы: Улагат.
- Щерба, Л.В. (1936). *О понятии смешения языков*. Стенограмма доклада, прочитанного на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г., <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>. (доступ 17.10.2012).

***

- Byram, M. (1989). *Cultural studies in foreign language education*. Philadelphia: Multilingual Matters.
- Friedrich, P. (1989). *Language, ideology and political economy*, American anthropologist, 91, 295–305.
- Goddard, C. (2009). *Cultural scripts*. In: *Culture and language use (Handbook of Pragmatics Highlights. Volume 2)* (68–80), G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Gumperz, J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kramsch, C. (1993). *Context and culture in language teaching*. Oxford: Oxford University Press.
- Kramsch, C. (1996). *The cultural component of language teaching*. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht 1(2), http://www.spz.tu-darmstadt.de/projekt_ejournal/jg_01_2/beitrag/kramsch2.htm. (available 15.11.2019).
- Kroeber, A.L., Kluckhohn, C. (1952). *Culture. A critical review of concepts and definitions*. Cambridge, Mass.: Peabody Museum.
- Lee, R. (ed.) (2006). *Globalization, language, and culture*. Philadelphia: Chelsea House.
- Liddicoat, A.J., Papademetre, L., Scarino, A., Kohler M. (2003). *Report on intercultural language learning*. Canberra ACT: Commonwealth of Australia.
- Papademetre, L., Scarino, A. (2006). *Teaching and learning for intercultural communication: A multi-perspective conceptual and applied journey for teachers of world culture languages* (2nd ed.). Adelaide: UniSA

- Risager, K. (2005). *Linguaculture as a Key Concept in Language and Culture Teaching*. In: *The Consequences of Mobility*, Preisler, B., Fabricius, A., Haberland, H., Kjærbaek, S. and Risager, K. (eds.). Roskilde: Roskilde University, 185–196. <http://diggy.ruc.dk/bitstream/1800/8700/1/Risager.pdf>.
- Sarangi, S. (2009). *Culture*. In: *Culture and language use (Handbook of Pragmatics Highlights. Volume 2)* (81–104), G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren, (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- ***
- Brubeiker, R. (2000). „*Diaspory kataklizma*” v *Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope i ikh otnosheniya s rodinami (na primere Veimarskoi Germanii i postsovetskoi Rossii* (perevod s angl. E.V. Vishnevskoi). *Diaspory*, 3, 6–32.
- Gabito, T.Kh. (2006). *Kul’urologiya. Uchebnik*. Almaty: Yuridicheskaya literatura.
- Gachev, G. (1999). *Natsional’nye obrazy mira. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledel’tsa i gortsa*. Moscow: Institut DIDIK.
- Gamperts, Dzh. (1975). *Ob etnograficheskom aspekte yazykovykh izmenenii*, *Novoe v lingvistike*, 7, *Sotsiolingvistika*, 299–319.
- Glovinskaya, M.Ya. (2001). *Yazyk emigratsii kak svidetel’stvo o neustoichivykh uchastkakh yazyka metropolii (na materiale russkogo yazyka)*. V: *Zhizn’ yazyka: sb. st. k 80-letiyu M. V. Panova* (42–59), S.M. Kuz’mina (red.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury.
- Gosudarstvennye simvoly i atributika Respubliki Kazakhstan*. <http://www.docme.ru/doc/425601/gosudarstvennye-simvoly-i-atributika-respubliki-kazahstan> (dostup 10.11.2019)
- Gumilev, L.N. (1989). *Etnogenez i biosfera Zemli*. Leningrad: izd. Leningrad. un-ta.
- Lur’e, S.V. (1998). *Istoricheskaya etnologiya*. Moscow: Aspekt-Press.
- Mlechko, T.P. (2014). *Dinamika i karakter preobrazovaniya yazykovoi lichnosti v novoy yazykovoi situatsii*, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 5, 87–98. Onlain-versiya: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-harakter-preobrazovaniya-yazykovoy-lichnosti-v-novoy-yazykovoy-situatsii> (dostup: 17.07.2016)
- Shaibakova, D.D. (2014). *Zhizn’ yazyka v obshchestve, kul’ture, politike*. Almaty: Ulagat.
- Shcherba, L.V. (1936). *O ponyatii smesheniya yazykov*. Stenogramma doklada, pročitannogo na zasedanii Instituta yazykoznaniiya 15 oktyabrya 1936 g., <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>. (dostup 17.10.2012).
- Sidorova, M.Yu. „*Velikii i moguchii*” vo *Vsemirnoi pautine. Ne zaputaetsya li?* http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=17887 (dostup 13.12.2012).
- Snitko, T.N. (1999). *Predel’nye ponyatiya v zapadnoi i vostochnoi lingvokul’turakh*: avtoref. diss. d-ra fil.nauk, spets. 10.02.19. Pyatigorsk, <http://cheloveknauka.com/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoy-i-vostochnoy-lingvokulturah> (dostup 10.09.2015).
- Tuchina, O.R. (2012). *Samoponimanie etnokul’turnoi identichnosti v usloviyakh diaspory: k postanovke problemy*, *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 11(19), <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf> (dostup 3.10.2015).
- Vezhbitska, A. (2001). *Ponimanie kul’tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury.
- Zemskaya, E.A. (2001). *Yazyk russkogo zarubezh’a: itogi i perspektivy issledovaniya*, *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury, 114–131.

Елена Павловна Иванян

 <https://orcid.org/0000-0003-4782-0658>

Ольга Ивановна Кальнова

 <https://orcid.org/0000-0002-3183-8645>

Полина Сергеевна Иванова

 <https://orcid.org/0000-0001-5199-0049>

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Филологический факультет
443099, Россия,
г. Самара, ул. М. Горького, 65/67
ivanyan@pssga.ru
kalnova@pssga.ru
ivanova.polina@pssga.ru*

Вопросы обучения русскому языку как иностранному в вузе (по итогам онлайн конференции с Агатой Пясецкой)

Issues of Teaching Russian as a Foreign Language in a University (Following an Online Conference with Agata Pyasetskaya)

Резюме

Статья информирует о проведении онлайн-конференции с адъюнктом кафедры языкознания Лодзинского университета (Польша) Агатой Пясецкой и студентами филологического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета.

Summary

The article informs about the holding of an online conference with Associate of the Department of Linguistics of Lodz University (Poland) Agata Pyasetskaya with students of the Faculty of Literature of the Samara State Social and Pedagogical University.

29 октября 2019 года в Самарском государственном социально-педагогическом университете в магистратуре «Русский язык в среднем общем и высшем образовании» (руководитель программы – профессор Е.П. Иванян, заведующий кафедрой русского языка, культуры речи и методики преподавания – доцент О.И. Кальнова) состоялась онлайн-конференция адъюнкта кафедры языкознания Лодзинского университета (Польша) Агаты Пясецкой со студентами на тему «Актуальные вопросы обучения русскому языку как иностранному».

Научный интерес Агаты Пясецкой составляют русская фразеология, лексикография и лингвокультурология. Так, исследовательница в 2013 году опубликовала монографию *Studium lingwistyczne i kulturologiczne rosyjskich frazeologizmów z komponentami serdce i dusza*, в которой проанализировала фразеологизмы с компонентами *serdce* и *dusza* в лингвокультурологическом аспекте. Методический аспект разрабатывается Агатой Пясецкой в многочисленных работах, например, в учебном пособии *Rosyjska frazeologia i frazeografia. Skrypt z ćwiczeniami do nauki języka rosyjskiego dla studentów filologii rosyjskiej*, в котором представлены упражнения на материале русской фразеологии. Основной темой онлайн-конференции были вопросы развития современного русского языка, а также методика его преподавания.

Свое выступление исследовательница посвятила лингвометодическому аспекту обучения русскому языку как иностранному на материале русской фразеологии. Агата Пясецка рассмотрела следующие вопросы когнитивистики: взаимодействие языка и сознания при изучении русской фразеологии, роль фразеологизмов при обучении языку, способы обучения русскому языку как иностранному с помощью связей концептуализации мира и форм языка.

Особое внимание было обращено на фразеологию русского и польского языков, на перевод фразеологических единиц и их сочетаний с одного языка на другой. Был продемонстрирован подробный анализ нескольких фразеологизмов (*вставлять палки в колёса, волком выть*). Все положения доклада были проиллюстрированы примерами на русском и польском языках (с переводом). Одним из основополагающих моментов явился вопрос о культуре создания текстов на иностранном языке.

Форма диалога преподавателя А. Пясецкой со студентами магистратуры «Русский язык в среднем полном и высшем образовании», а также студентами бакалаврской программы выпускного курса филологического факультета и членами лингвистического кружка «Язык и мир» оказалась весьма продуктивной. После конференции были сформулированы основные тезисы, касающиеся обучения русскому языку как иностранному. Особое внимание было обращено на необходимость правильного перевода текста с учётом лексической сочетаемости языковых единиц.

Daniel Banasiak

 <https://orcid.org/0000-0001-8087-8187>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej

90-226 Łódź

ul. Pomorska 171/173

daniel.banasiak@uni.lodz.pl

**Zoja Kuca, *Дискуссия*
Zaawansowany kurs języka rosyjskiego,
Wydawnictwo: Profamilia 2019, ss. 160**

**Zoja Kuca, *Дискуссия*
An Advanced Russian Language Course,
Publisher: Profamilia 2019, pp. 160**

Резюме

В настоящей статье речь идёт об учебном пособии по русскому языку как иностранному на продвинутом уровне – *Дискуссия*. В частности, рассматриваются основные принципы построения учебника. Обращается внимание на богатство лексических, культурологических и языковых заданий, развивающих у адресатов учебника навыки всех видов речевой деятельности. Подчеркнута также роль тематической разноплановости, охватывающей такие сферы, как медицина, спорт, косметология, финансы и социология.

Summary

The article discusses a textbook on Russian as a foreign language for advanced learners (*Discussion*) recently published by a scholar from the Institute of Russian Studies. The primary focus is on the approach to the structure of the textbook reflecting the cognitive and communicative method. Besides, the author highlights the wealth of lexis exercises, the cultural and linguistic plan of the work, as well as ample opportunities to develop speaking, listening, writing, and reading skills. Also, much room is devoted to the thematic diversity of the work, covering such areas as medicine, sports, cosmetology, finance, or sociology.

Na polskim rynku wydawniczym pojawił się podręcznik autorstwa Zoji Kucej *Дискусия*. Jest to kolejna tego typu publikacja Autorki. Rusycyści pamiętają inny jej podręcznik, *Язык русский в бизнесе*, który przez lata był nieocenioną pomocą podczas kształcenia słuchaczy na poziomie średniozaawansowanym. Omawiana zaś pomoc dydaktyczna dedykowana jest przede wszystkim studentom kierunków filologicznych i neofilologicznych oraz słuchaczom kursów językowych, pragnących doskonalić znajomość języka rosyjskiego na poziomie zaawansowanym (C1 w skali ESKOI).

Materiał w podręczniku przygotowany jest w oparciu o założenia metody komunikacyjno-kognitywnej. Nowa wiedza przekazywana jest w konkretnej sytuacji językowej. Treści leksykalne w przemyślany sposób dopełniane są przez materiał gramatyczny podany w formie różnorodnych przykładów i ćwiczeń. Celem publikacji – jak zaznacza Autorka – jest rozwój praktycznych umiejętności językowych słuchaczy, którzy przed przystąpieniem do nauki powinni znać język rosyjski na poziomie B2.

Treści kształcenia i zadania językowe nie tylko wzbogacą znajomość środków leksykalnych czy struktur gramatycznych, ale też pozwalają odnaleźć się komunikacyjnie w takich sferach życia, jak: medycyna, sport, rekreacja, socjologia, informatyzacja społeczeństwa, psychologia, finanse i bankowość, handel czy szeroko rozumiany biznes. Przedstawiony w podręczniku wybór jednostek leksykalnych odpowiada najnowszym tendencjom metodycznym.

Autorka oferuje bardzo szeroki wachlarz ćwiczeń, doskonalących cztery umiejętności językowe: słuchanie (wiadomości radiowe, dialogi, wywiady, reklamy), pisanie (opisy, ogłoszenia reklamowe, notatka prasowa, opowiadania, ankiety, listy, uzupełnianie luk), czytanie (artykuły prasowe, krótkie opowiadania, wywiady, dialogi, ulotki, teksty prawnicze). Jednak kluczowe miejsce w podręczniku, jak wskazuję sam tytuł, zajmuje rozwój kompetencji mówienia (monolog, dialog, talk show, dyskusja, wywiad). Ćwiczenia zachęcają studentów do aktywności językowej, wymiany informacji i kreatywności.

Treści zawarte w podręczniku to teksty autentyczne. Praca z nimi, jak powszechnie wiadomo, jest jedynym sposobem, gwarantującym osiągnięcie priorytetowego celu nauczania języka obcego, jakim jest sprawna komunikacja. Adresatom książka umożliwi dużą swobodę wyboru opracowania tematów, wypowiedzi, ról do odegrania oraz form aktywności.

Podręcznik składa się z pięciu obszernych modułów, te z kolei są podzielone na trzy rozdziały. Po każdym module student może rozwiązać ćwiczenia powtórzeniowe (*Проверь себя*), co pozwala na samodzielną ocenę swoich postępów. Dodatkowym utrwaleniem materiału może posłużyć podsumowanie, w którym znajdziemy pytania angażujące studenta do wypowiedzi i dyskusji (*Устные контрольные задания*).

W pierwszej części, *В здоровом теле – здоровый дух*, tematyka oscyluje wokół zdrowia i urody (1. *Чем болеет молодежь?* 2. *Самообман во благо?*

3. *Медицина как бизнес*). W kolejnym bloku tematycznym, *В поисках совершенного тела*, uwaga Autorki skupiona jest na różnorodnych aspektach sportu i rekreacji (1. *Красота спасет мир*, 2. *Хирургия лица и тела*, 3. *Цивилизация бодибилдеров*). Trzeci moduł, *Проблемы социума – причины и последствия*, skoncentrowany jest na problemach społecznych, a mianowicie na alkoholizmie, narkomanii, bezrobociu, terroryzmie, kryzysie demograficznym, katastrofach ekologicznych, przestępczości czy żywności modyfikowanej genetycznie (1. *Жить по принципу – «каждый за себя»*, 2. *Интернет – окно в мир*, 3. *В поисках лучшей жизни*). W kolejnym module, *В финансовой петле*, znajdziemy zagadnienia, dotyczące problemów prowadzenia biznesu, finansów i bankowości, (1. *В деньгах ли счастье?*, 2. *Жизнь без денег*, 3. *Как не угодить в банковские ловушки?*). Ostatni moduł, *Спрос и предложение*, poświęcony jest zagadnieniom handlu i usług, pracy, kariery i konsumpcjonizmu (1. *Продаём и покупаем*, 2. *Стресс – пожизненный спутник человека*, 3. *Карьера – выигрыш или проигрыш?*). Układ segmentów jest przejrzysty i logiczny. Tematy dobrane są w taki sposób, żeby zachęcały studenta do dyskusji oraz innych działań komunikacyjnych. Autorka prowokuje słuchaczy do dyskusji, choćby poprzez wprowadzenie tytułów w formie pytań. Większość ćwiczeń w podręczniku ma charakter produktywny, co koresponduje z nauczaniem języka na poziomie zaawansowanym.

Szata graficzna podręcznika jest bardzo nowoczesna. Barwne i ciekawe zdjęcia, ilustracje, rysunki i tabele są adekwatnym dopełnieniem materiału dydaktycznego, co z pewnością wpływa pozytywnie na zainteresowanie nauczonym materiałem wśród studentów.

W podręczniku znajdują się liczne odwołania do kultury. Autorka oprócz działalności glottodydaktycznej prowadzi badania literatury rosyjskiej. Szczególnie interesujące są jej prace z zakresu literatury emigracyjnej i kobiecej. Odnajdujemy w omawianym podręczniku autentyczne teksty z życia codziennego Rosjan, bogate w powiedzenia, przysłowia, opisy niektórych tradycji i świąt, fragmenty literatury pięknej, teksty nawiązujące do filmów, książek, kultury rozrywkowej. To wszystko poszerza wiedzę studenta, aktywizuje go do wypowiedzi oraz znacząco ożywia proces dydaktyczny.

Atrakcyjnym uzupełnieniem książki jest strona internetowa, zawierająca niektóre jej części oraz nagrania, doskonalące umiejętność rozumienia tekstu słuchanego.

Podsumowując, omawiany podręcznik jest cenną pomocą glottodydaktyczną szczególnie dla nauczycieli rusycystów w Polsce. W procesie nauczania języka rosyjskiego na poziomie zaawansowanym niewiele jest równie przemyślanych, merytorycznych, ciekawych i otwierających na tytułową dyskusję podręczników. Zawarte w nim treści kształcenia i sposób, w jaki są podane mogą skutecznie aktywizować szeroki krąg odbiorców do różnych form komunikacji.

Elona Curkan-Dróżka

 <https://orcid.org/0000-0002-5256-433X>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-236 Łódź

ul. Pomorska 171/173

elona.curkan@uni.lodz.pl

III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в межкультурном общении – теория и практика»

III International Scientific and Practical Conference “Russian in Intercultural Communication – Theory and Practice”

Резюме

В настоящем обзоре речь идёт о Международной научно-практической конференции, организованной Институтом русистики, Кафедрой перевода и дидактики в 2019 году. Обсуждаются вопросы, связанные с темами докладов, а также практическими результатами конференции.

Summary

This review looks back at the International Scientific and Practical Conference organized by the Department of Translation and Didactics, Institute of Russian Studies, in 2019. The authors discuss the themes of submitted papers as well as practical outcomes of the conference.

С 19 по 21 сентября 2019 года в Лодзинском университете на филологическом факультете состоялась III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в межкультурном общении – теория и практика», организованная Институтом русистики, Кафедрой перевода и дидактики. Конференция была посвящена широкому спектру вопросов из областей глоттодидактики и перевода.

В конференции приняли участие опытные и начинающие ученые, преподаватели и студенты из следующих государств: Польша, Россия, Латвия и Болгария. Среди участников были авторы учебников для изучения русского языка как иностранного на разных уровнях – на базовом этапе обучения в начальных школах, для студентов, начинающих изучение русского языка с целью дальнейшего поступления в высшие учебные заведения России, а также для польских студентов, обучающихся русскому языку в вузах и языковых школах на продвинутом уровне. Интереснейший обмен мнениями и новыми идеями прошёл в секции, посвященной лингвокультурологии.

Своим опытом делились также ученые, занимающиеся исследованиями и практикой в области перевода. В представленных докладах были предложены новаторские решения в сфере литературного перевода и новые подходы к обучению переводческой деятельности по разным направлениям: аудиовизуальный перевод, перевод художественных текстов, использование комикса в дидактике перевода. Участники конференции могли включиться в работу следующих секций:

- Методика преподавания РКИ,
- Лингвокультурология,
- Перевод художественных текстов. Обучение переводу,
- Новые типы пользователей РКИ. Русский язык в специальных целях.

Необходимо также упомянуть о практическом аспекте состоявшейся конференции, а именно о мастер-классах, для которых был отведен отдельный день, с целью предоставить возможность участия всем желающим. Данные встречи были посвящены практическим советам и установкам по созданию авторских учебников для разных возрастных категорий. Интересным акцентом была презентация разработанной программы для обучения самых маленьких учеников: «Русский язык для детского сада (методика преподавания для славяноязычных детей)».

Дискуссии переходили из аудиторий в кулуары, продолжаясь после окончания работы в секциях. Увлечение участников свидетельствует о необходимости проведения научно-практических конференций. Главной целью таких встреч является создание общего пространства для преподавателей, обучающихся русскому языку учащихся разных возрастных категорий, с разным уровнем владения языком, с помощью разных каналов общения (непосредственный контакт – аудиторные и внеаудиторные занятия, платформа MOODLE, форумы) и тем не менее преследующих общую цель – учить целостно, интересно, увлекая своих слушателей и открывая перед ними огромное количество возможностей знакомства с русским языком и культурой.